

К, III - 145 99 97

Н.В. Уваров

ВОЛОГОДЧИНА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Былины, сказки, народные песни,
пословицы и поговорки, легенды, мифы,
сказания, частушки, анекдоты, тосты

(i)

Издательство "Инфра-Инженерия"

УВАРОВ Н.В.

**ВОЛОГОДЧИНА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

Вологда
2013

УДК 388.9
ББК 81.2 РУС-4
У 18

УВАРОВ Н.В.

У 18 ВОЛОГОДЧИНА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: хрестоматия, учебное пособие, книга для чтения. – М.: Инфра-Инженерия, 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-9729-0066-4

О Вологодчине собраны воедино былины и сказки, народные песни, поговорки и пословицы, загадки и скороговорки, частушки, анекдоты, тосты. Фольклор, как часть народной культуры, пронизывает все стороны жизни, делая нашу речь ярче и осмысленнее.

Материал может быть использован краеведами, студентами и учеными, всеми, кто ценит и сохраняет культуру края, кто бережет славянские традиции.

@Уваров Н.В., 2013.

@Издательство «Инфра-Инженерия», 2013.

ISBN 978-5-9729-0020-6

Предисловіе

В. Сергеев. Русь православная.

СИЛА НАРОДНОГО СЛОВА

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, весёлые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, говорившиеся нараспев, под звуки струн, о славных подвигах богатырей, защитников земли народа - героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текучую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

А.Н. Толстой

Кто-то из великих сказал, что для человека звук его имени является самым важным, желанным и сладостным. Перефразировав этот афоризм, я бы сказал, что и звук его родины, местности, где он родился, рос и мужал, так же приятен и волнителен для любого русского человека. Родина всегда мне мила и дорога. У меня каждый раз начинает учащенно биться сердце, когда я слышу название моей родной деревни – Викторово. При упоминании Великого Устюга я вслушиваюсь в речь земляка, умиляюсь нашим говором с неповторимым «о», всегда помню о первом в моей жизни городе.

Вологодчина... Что может с ней сравниться? Нет лучше озер и рек, лесов и лугов, чем в моем родном краю. А люди? Что ни человек, то характер, что ни женщина, то красавица, что ни ребенок, то чудо северной природы.

Не боясь пафоса, скажу, что я люблю свою малую родину, горжусь ее величием, грущу, когда вижу убогость, плачу, когда слышу отчаяние и безысходность, надеюсь на вологжан в пору подъема силы духа. Я с почтением отношусь к культуре, древней по своей истории, доброй по своей сути. Культура проявляется и ярко выражается, прежде всего, в устном народном творчестве.

Тема исследования – сбор фольклорного материала, в котором упоминается Вологодчина как географическое название края. Этот букет народного творчества – былины, сказки, песни, пословицы и поговорки, легенды, мифы, сказания, загадки, скороговорки, частушки, анекдоты, тосты – должен стать хорошим подспорьем при изучении истории и культуры области.

Актуальность работы заключается в том, что в последние годы коверкание русского языка принимает угрожающий размах. Небрежное отношение к языку, несомненно, взаимосвязано с политическими, экономическими, социальными и другими явлениями в обществе. Состоявшаяся открытость России позволила буквально хлынуть к нам так называемой свободной культуре. Мы принимаем ее, если она отвечает нашим идеям, нашей нравственности. Из уст вроде бы грамотных людей приходится слышать: «...Как гласит русская пословица, нельзя класть яйца в одну корзину». В том особой беды нет, что мы английскую пословицу принимаем за свою. Но беда в

другом: через народное творчество с запада идет к нам культ насилия, обогащения любым путем, культ грубости, секса и другого, что еще в недавние времена нам и не снилось.

И внутренние факторы влияют на нашу речь. Россию в девяностые годы минувшего века называли криминальной. По некоторым данным, до двадцати процентов мужского населения России прошли с 1990 по 2005 год через тюрьмы, лагеря, зоны, суды.... И они принесли нам жаргон, который используют и весьма высокие государственные мужи.

Мягко говоря, легкое отношение к русскому языку мы наблюдаем в газетах, слышим на радио, телевидении, с высоких трибун. Даже выходят книги про косноязычие иных политических деятелей. Как тут не вспомнить шедевр такой словесности: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Борьба за чистоту языка, как мне кажется, шла всегда и с переменным успехом. Отрадно, что к этой борьбе подключилось и правительство Российской Федерации, которое объявляло 2007 год годом русского языка. Хотелось бы надеяться, что эта борьба не будет ослабевать.

Объект исследования – русский фольклор на различных этапах своего развития.

Цель исследования – собрать воедино, обработать, учесть яркие выражения, мудрые мысли, тонкий юмор, жесткую сатиру... Мной сделано немало, и все же закончить работу по сбору фольклора попросту нельзя, ее можно лишь приостановить.

Задача исследования состоит в том, чтобы обеспечить выполнение поставленной цели. Для этого из года в год записывал пословицы и поговорки, песни, стихи, легенды и мифы, частушки, анекдоты и тосты. Всегда имел при себе специальную книжку для записей. Находил любопытные высказывания среди учителей и краеведов, студентов, горожан и сельчан, писателей и поэтов, ученых и артистов... В сборе материалов мне помогали в разное время с десяток корреспондентов в различных районах Вологодской, Новгородской, Архангельской областей. Использовали средства массовой информации, различную литературу.

Новизна результатов работы заключается в том, что удалось собрать такое количество изречений, которых не имели ученые и исследователи в едином сборнике до сих пор.

Значение научной работы заключается, прежде всего, в том, что были введены в оборот сотни изречений и элементов фольклора, которые наверняка будут использованы гуманитариями. Вот лишь один пример. В 1965 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга «Сказки, песни, частушки Вологодского края» под редакцией В.В. Гуры в серии «Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края». В издании помещена одна тысяча пословиц, распределенных по темам. Так вот, тогда были выделены семь пословиц под темой «Местные». Больше подобных публикаций не было. В 2001 году мною в книге «Великий Устюг в русском фольклоре» опубликовано четырнадцать пословиц. Сейчас мною собрано восемьдесят изречений, связанных по тематике с Вологодским краем.

Практическое же значение работы может проявиться у людей, которые чтят русский язык, стремятся использовать лучшие его качества, а, значит, хотят быть добрее к людям, уважать себя и своих близких, творить разумное и вечное. Особенно это важно в воспитании подрастающего поколения, которое легко впитывает в себя все лучшее в российской словесности. Учебным заведениям посоветовали бы открыть, к примеру, факультативные курсы по изучению русского фольклора или использовать иные формы воздействия на будущих специалистов, которые, придя в коллективы сельчан, да и горожан тоже, сумеют лучше понимать народ через его язык, ценить деловые, нравственные, житейские качества человека.

БЫЛИНЫ

АКСЁНКО

Ой поехал Аксёнышко в чисто поле.
Да завидел - в чистом поле огонь горит,
Ай, огонёчек горит малёхонько,
Как встают в чистом поле - дымок встают,
Ай, дымок встают в чистом поле тонёхонько.
Как сидит сорок воров, сорок разбойников,
Как делят они денег сорок тысяч:
Как пограбили Микулушку Можайского.

Как говорил Аксёнко таковы речи:
«Ой, же вы, сорок воров, сорок разбойников!
Дайте-ка мне долю хоша третью часть».
Говорят сорок воров, сорок разбойников:
«Не дадим тебе, Аксёнышку, доли третьей
части».

Говорит Аксёнко во второй наклон:
«Ой, же вы, сорок воров, сорок разбойников!
Дайте-ка мне денег хоша пять рублей.
Ой, со похмелья у Аксёнышка голова болит,
Ещё нечем Аксёнышке опохмелиться», -
«Не дадим тебе, Аксёнышке, денег ни копеечки».

Говорил Аксёнко таковы речи:
«Ой, же вы, татары немилостивы!
Вам со старого у меня взять нечего.
Как у старого у меня, у седого,
Медная пуговка в пятьсот рублей,
Как вторая пуговка да в целу тысячу,
Ой, самой кунии шубы числу-смёту нет,
Числу-смёту нет, да ей цены тут нет».
Тут татары тут задор берёт,
Они начали на Аксёнышка поскакивать,
Ай поскакивать, Аксёнышка похлопывать.
Как хватал Аксёнка татарыца за желты кудри,
Ай, как начал татарыцем помахивать;
Как помахивает да сам пошалкиват:
«Уж ты жиловат, татарин, - не перервёшься,
На семи суставах раздаваешься!»
Как прибил сорок воров, сорок разбойников,
Обирал у них денег сорок тысяч;

Тогда поехал на царёвы вольны кабаки.
Как заехал во тот город во Вологду.
Он не только сам-то пьёт, сколько голей поит,
Ещё тех голей кабацких.
Ой, пропил Аксёнко денежек сорок тысяч.
Как удумали народ волокжана,
Как пограбил, будто Миколушку Можайского.
А состроили грядочку дубовую,
Сторожили петельку шелковую.
Говорит Аксёнко таковы речи:
«Ой же вы, народ волокжана!
Дайте-ка мне чару зелена вина,
Ещё мерюю да полтора ведра».

Ай, давали чару зелена вина:
Выпивал Аксёнко на единый дух.
Говорит Аксёнко во второй наклон:
«Ой, же вы, народ волокжана!
Дайте-ка мне чару полвтретья ведра».
Выпил Аксёнко на единый дух.

Говорит Аксёнко во третей наклон:
«Ой же вы, народ волокжана!
Дайте-ка мне чару полшеста ведра,
Ой, же вы, народ волокжана,
Чтобы мне не только было страшно в петлю
сунуться».

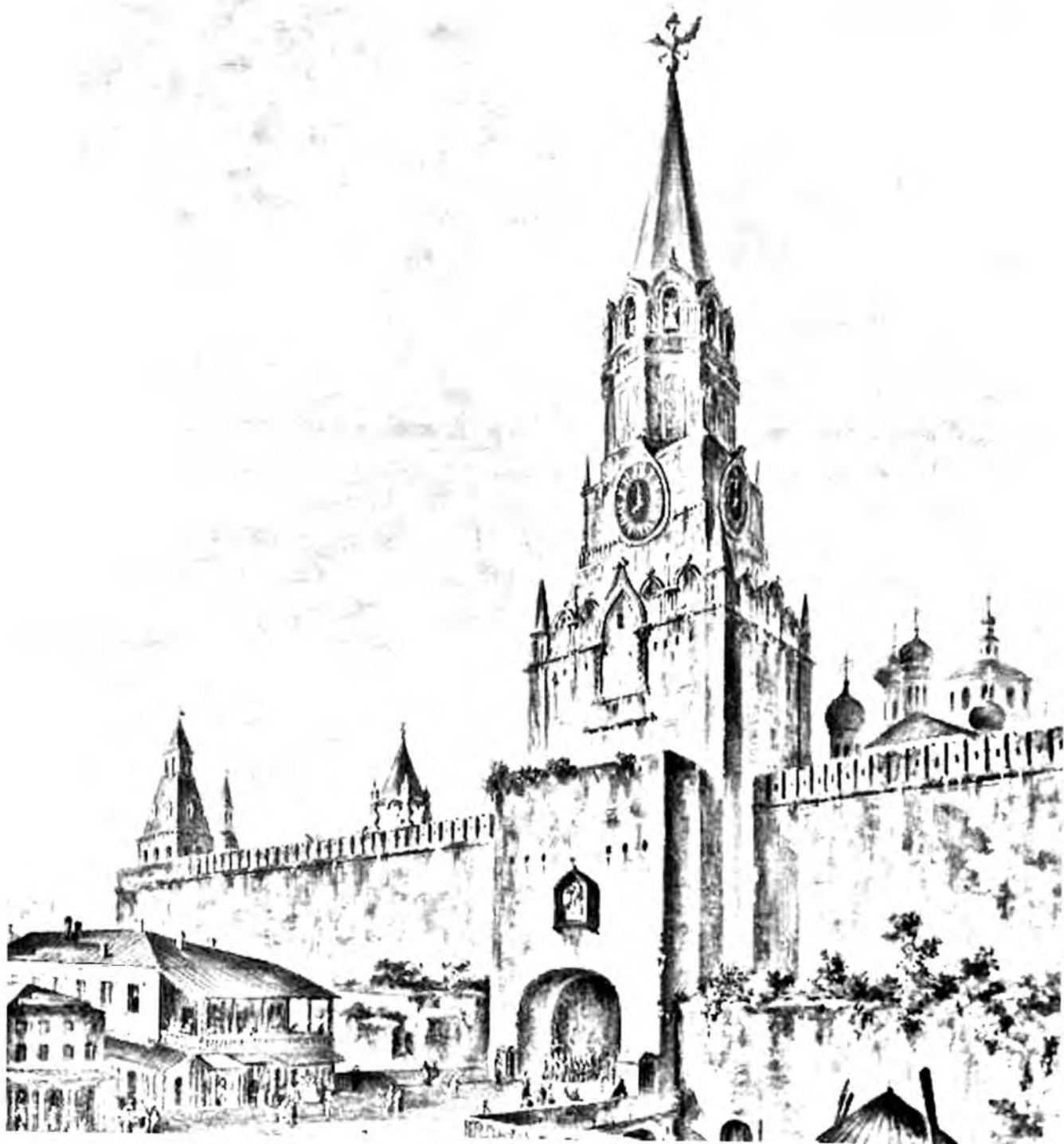
Ой, давали чару зелена вина,
Ещё мерюю ли чара в полшеста ведра.
Выпивал Аксёнко на единый дух.

Ой, тогда Аксёнко стал навеселе,
Вырывал он грядочку дубовую,
Сорывал петельку шелковую,
Говорил Аксёнко таковы речи:
«Ой, же вы, народ волокжана!
Вы бежите-ка, куда у вас да голова несёт».
Как пошёл Аксёнко на те царёвы вольны
кабаки,

Обирал он денежек сорок тысяч;
Как седлал, уздал своя добра коня

И поехал во Киев, в славен Киев-град,
Ко тому ко солнышку Владимиру.
Только видели Аксёнка седучи,
Как не видели в чисто поле поедучи;
Только жёлтые песочки столбом ставятся.
Не дорогами да не воротами -
Через те ли стены городовые.

Как приехал во Киев, в славен Киев-град:
«Здравствуй, солнышко Владимир столен
киевский!
Я поездил далече во чистом поле.
Я завидел в чистом поле - сидит сорок воров,
Как сорок воров сидит, сорок разбойников;
Я обрал у них денежек сорок тысяч».

Москва, Кремль. Автор неизвестен. Гравюра 17 века. Русская земля начинается с кремля

АРСЁНКО

(Как вздумал Грозный царь Иван Васильевич сделать Вологду второй Москвой.)

А и как задумал Грозный царь
Иван Васильевич
А и он построить-то, сделать
Вологду второй Москвой, -
А и вот не сделал царь ведь
и Вологды второй Москвой.
А и почему же он не сделал,
царь, второй Москвой?
А когда стоял он во Божией
церквы у обедни он,
А и во ту пору, во то времечка упал кирпич,
А и с потолков упал кирпич
на царя на Ивана Васильевича, -
А и он оставил всю построечку
вот второй Москву,
А и призадумалсе царь тогда
да он же думушкою:
«А не велит, верно, ведь
и Бог строить второй Москвы,
А и как велит да Бог владеть
да всё одной Москвой».
А и он не сделал, не соорил
хоть второй Москвы,
А и всё же он сделал
на то место Божью церковь,
А и вот Божью церкву соорил он,
Николин храм,
А и как положил денег вкладом сорок тысяч;
А и как соорил храм Николин хорошо же он,
Ай изукрасил, снарядил его по хорошему,
Привёл в такое ведь и очунь в удивленьице:
А ишло стали-то народ-люди дивоватисе,
А и как они же стали всё отовсюль скоплятисе,
А посмотрять хотели ведь
и все люди второй Москвы,

А ишло второй Москвы хотели они,
Божьей церкви.
А вот и пришла-то эта славушка
по всем городам,
А и как дошла ета ведь
славушка до деревеньки
А и как ведь и жил-то, был ведь
и мужик-от деревеньской-от,
А и как мужик-от был-жил -
звали всё Орсёнушко,
А и как Орсёнушко-то был да всё вдовой сын.
А и как Орсёнушко от батюшка-та
малёшенек осталсе всё,
А и как возростила его родимая матушка,
А и он как ходил-то всё,
Оксёнушко, в тёмны леса,
А и как стрелял, стрелял
Орсёнушко куниц-лисиць.
А и один вечер-то
Орсёнушко пришёл он из тёмных лесов,
А и как увидел тут Орсёнушко:
народ идет, ведь и копитсе-то всё кучею,
А и меж собой-то всё народ-люди
разговаривают.
А и подошёл-то наш Орсёнушко близёшенько,
А и подошел-то к йим Орсёнушко,
низко кланелсе:
«А уж вы здравствуйте, народ же, люди добрые,
А и вы про што, про што,
народ-люди, разговор водите?
А и уж вы водите розговор,
всё разговариваете?»
А и отвечали мужики тут всё Арсёнушку:
«А и говорим-то, разговор ведём, Арсёнушко,
А мы про ту ли судим всё же про втору Москву, -

А и хороша-то всё построена втора Москва!
А и не Москва-то всё ведь
и в Вологды состроена,
А и не белокаменна во Вологды уделана,
А и он состроен, сделан чудной храм Осподен-от,
А и на Николу-ту ведь и храм етот состроен-от,
А и хорошо же храм ведь
и весь он изукрашонной,
А и как положено денег вкладом сорок тысячечей.
А и велико только несчастье случилось,
А подломили-то всю же вот втору Москву,
А и как втору Москву, Николин храм,
А и вот забрали всю же сумму, сорок тысячечей, -
А и всё ли жертвенье было же всё пожаловано
А и как самим Грозным царём
Иваном-то Васильевичём.
А и теперь-то ишшут всё воров,
ишшут-дознаваются
А и как ли тих ли всё воров,
ночьных разбойницьков;
А и не могут-то найти воров-разбойницьков,
А и вот не могут-то найти
ночьных подорожницьков».
А и поговорили-то народ и пошумели тут,
А и разошлись-то народ весь
и скоро по домам своим.
А и Арсёнушко-то, сдал свою добычу он,
А и он ведь продал он куниць-лисиць,
А и набрал, купил товару-то разного,
А и он пошел к родимой своей матушки,
А и ко родимою ко своей же он ко сестрици;
А и он пришол-то,
россказал же родной матушке,
А и то он слышал, - говорили мужики тогда.
«А уж ты ой еси, родима моя матушка,
А испеки-ко мне, сыночку-ту, подорожницьков!
А и я пойду, ведь и матушка, в дорожонку,
А я пойду, родима, в прямоезжую».
«А ты куда, моё дитя же, собираешься?
А и ты в каку же в путь,
в дороженьку отправляешься?»

«А и собираюсь, мать, в дороженьку
в очунь чудную,
А и очунь чудную дорожонку во дальнюю,
А и хочу сходить я, матушка, далёко,
А и я хочу-то сходить в Вологду во город-от,
А и посмотреть хочу сходить
да я второй Москвы,
А и как второй Москвы хочу же я,
Божьей Церкви».
А и говорила-то ему его родна матушка:
«А и как ведь Вологда-та город есть не близок-от,
А и как втора Москва смотреть да не допустят-то,
А и там ведь есть много-то народу-ту приезжего,
А и приезжего народу-ту, приходящего».
«А и ничего же ето, матушка, ведь всем равно,
А и я хочу же, мать, дак посмотрю
второй Москвы».
«А в чём пойдёшь ты, дитя моё, в дороженьку?
Вот в дороженьку пойдёшь же ты
на славной город-от на Вологду?
Как до Вологды до городу
итти же все не мало есь,
До второй Москвы, дитя, да не близко есь,
А у тебы-то нету платьвица-то цветного,
А чтоб зайти-то было
в чём же во Божью Церковь».
«А и там ведь платьвица-то цветного не смотрят-то,
А и как идут, идут ведь и там люди богатые,
Хорошо идут они же приодетые,
А и тут идут же всё ведь
и люди идут странники, -
Это всё одно заходят-то во Божью Церковь».
Как тут говорила же ему же родная матушка:
«У тибя-то, мой сыночек, некого же нет,
Не дружьей твоих ведь и нет же, не товарищей,
Чтобы было с кем пройти же путь-дороженька».
«Мне не надоть-то, мать,
никаки дружья-товарищи,
Я найду же всё годин же путь-дороженьку».
Тут не стала боле матушка разговаривать,
Стала тут родима снаряжать его,

Снаряжать его же стала да во дорожонку,
Напекла с собой ему она подорожничьков,
Вот наклала она во сунучку, в котомочку.
Что было, всё по утру-то по ранному,
По восходу было сонця тут ведь красного,
Как поел, поел Орсёнушко, позавтракал,
Он помолился-то тогда же Богу-Осподу,
Пресвятой же Божьей царицы-то Богородицы,
Он простился-то со матушкой родимою,
Со своей-то он со сестрицей с любимою,
Он ведь взял в руки дубиночку из темна леса,
С которой ходил-то всё Орсёнушко
во тёмны села,

Вот пошел-то наш Орсёнушко в дорожочку,
Во дорожочку пошел он всё во ту самую,
Котора же вела же и на Вологду.
Шол-то, шол-то нага Орсёнко с утра до вечера;
Как вечернёй-то порой да было, тем времечком,
По орсёнковой-то было, верно, учести,
Находила-то, накаталась туча тёмная,
Туча тёмна-та накатила очунь грозная,

Русские войны XVI века

Тут ведь падала погодушка великая,
Вот напал, напал туманушка ведь очунь-то,
Очунь страшной туман да он по всем горам,
Он по всем-то всё горам
да всё ж тёмным лесам.
И сделалось Орсёнушке тоскливо да скучно-то,
И кругом-то ни зги не видать,
ни голосу не слышать.
Тут раздумалсе Орсёнушко-то сам с собой:
«Ишше ладно ли иду я, и может быть,
не ладно тут?»

Вот пошел Арсёнушко,
своротил же он с дорожонки,
Вот ушел, ушел далёко-то во тёмны леса.
И вот сбился-то, ведь спуталсе с дорожонки,
Как ведь шол-то, шол Арсёнушко
незнамым путём же шол, дорожонкой.

Вот настигла-то его ж ночька тёмная,
Привелось-то всё Арсёнушко ночевать тогда,
Ночевать тогда Арсёнушку в тёмных лесах,
А во тёмных-то ему лесах да во сырых борах, -
Вот зашел у нас Арсёнушко в сырой же бор,
Вот он выбрал-то елиночку,
котора густа была,

Он всё сделал-то себе же тут ведь хаточку,
Вот ведь хаточку себе да на ночлег же тут,
А и зашел, зашел ведь и скоро под елушечку.
А и он покушал-то,
поел своих подорожничьков,
А и он тогда-то ведь, Арсёнушко,
на отдох же лёг,

А на отдох-то он ведь
и лёг да хотел спать тогда.
А и он ведь спать не спал, да только так лёжал,
А и он ведь так-то лёжал,
все лёжал да выслушивал;

А и услышал Гарсёнушко, прислушалсе,
А и он услышал-то
ведь топать-ту ведь страшную, -
Мать сыра земля ведь всё же колебаласе,
На древах-то ети листочки шевелилисе,

Говорил тогда Арсёнушко таковы слова:
«Вы возьмите-тко, буду
я даром жить в камышничках!»
Атаман тогда с камышничками
переговорилсе он;
Закрыцали, зашумели все камышницки:
«Немалу хочешь у нас шутить шуточку,
атаман же наш,
Пренять хошь ты мужика же, деревеншину:
Во-первых-то он не знает
о наших делах камышнеческих,
Во-других-то гон запутат нашо дело всё, -
Он ведь стретит-то кого из мужиков же где,
Разболтат-то всё, расскажет, где-ка мы живём,
Заберут-то ведь всех же, поймают-то,
Как живых-то нас ведь и боле не оставят тут.
Как берите лучше мужика же, деревеншину,
Его надо же, атаман, скорей прикончити!»
Отошол атаман да сел он же на своё место,
А как приказал тогда гатаман да забрать его,
Забрать его, запутать в пугани в шелковые,
Вот задёрнуть его в арканы-ти в железные,
Тогда велел-то отрубить ему
с плеч буйну голову.
Тут разбойницки-ти скоро не ослышались,
Подходить-то они начели к Орсёночку;
Сперьва, сперьва подходили по одному тут,
Как потом же подошли же гони по два-та,
А потом уж как ведь стали они по пять же всё, -
Как Арсёнышка некак забрать не можут тут.
Закрычал тогда на них да гатаман же йих:
«Вы как шуточно берёте,
да я смотреть не могу на вас!»
Вот когда разбойнички
стали подходить челым десяточком;
А и тут не лютое зелье разгорелосе,
Богатырско-то ведь
и сердцо-то растревожилосе,
Лепота в его лица перемениласе,
Могучи плечи его же шевелилисе,
Он выхватывал тогда да всё стоячей дуб,

Что стоячей-то он дуб да всё со кореньём,
Он сделал тут дубиночку немалую,
Он ведь и начел етой дубиночкой помахивать,
Вот помахивать дубиночкой, похаживать.
Он в праву руку махнул, - валилася улица,
Волево-то отмахнул, валились переулочки;
Он прибил-то, разбил же всех разбойницков,
Он прибил-то ведь
разбойницков петьсот человек,
Он брал тоща у разбойницков добра коня,
Он ведь брал свою дубиночку, поехал тут.
Ехал-то не мало, не много времени,
Как наехал тут он на камышничков,
Тут камышничков да было шестьдесят же их, -
Перебил-то всех камышничков Арсёнушко.
Он ведь ездил всё трои сутоцьки,
А во многих-то местах убивал камышницков,
Перебил-то всех камышницков-разбойницков,
Перевёз ихно именицо в единое,
Вот в единое-то всё в место во первое.
Тут ведь сошол тогда Арсёнушко
со добра коня,
Он поел, поел тогда да сам покушал-то, -
У разбойницков всего было ведь вволюшку,
Было много-то у йих же мяса разного,
Было много-то у йих мук и круп же тут,
Тут ведь было разных водочек - каких хочешь пей;
Как попил-поел Арсёнушко, скоро спать же лёг,
Он ведь спал-то лежал, не знат и сам сколько.
Когда проснулсе-то, пробудилсе
всё Арсёнушко:
«Я ведь думал, что хожу я во втору Москву,
Не сходил я ведь вот
и всё же во втору Москву;
Нагрешил грехов ведь
и много вот теперь в делах.
Зато очистил хоть свою сторону от гибели.
Я не знаю же теперь, ишшо Арсёнку делати?
Не накласть ли всё Арсёнушко много золота,
Мне-ка сесть ли всё,
Арсёнушку, на добра коня?»

Всё у кажного ведь и есь да золотой у них:
Говорят, шшо дал мужик им деревеньской-от,
Деревеньской мужик йим дал
на пропитаньицо».

Тут ведь говорил им же государь же царь,
Государь-от царь говорил Иван Васильёвич:
«Вы берите-тко сечас да золоты ключи,
Вы пойдёте-тко со мной же в тёмну темницу,
Я хочу, хочу, ведь и царь, да посмотреть его,
Посмотреть хочу его,
ведь поговорить же с ним».

Как тогда-то вот пошли да со царём народ,
Отмыкали скоро тут же тёмну темницу;
Заходил-то государь же царь Иван Васильёвич,
Тут ведь кланелсе ему всё Арсёнушко:
«Здравстуй, здравстуй-ко,
государь же царь Иван Васильёвич!»
«Здравстуй, здравстуй,
мужичок же деревеньской-от,
Я не знаю, как тебя зовут по имени!»
Отвечал тогда ему же всё Арсёнушко:
«Меня зовут-то,
государь царь Иван Васильёич,
Меня зовут, зовут ведь всё же вот Арсёнушко,
А по бабюшке звеличать же сын Иванович.
Я от бабюшки остался очунь малёшенек.
Как взрастила меня же родна матушка,
Я вдовин-то сын ведь всё же есь ведь самой-то;
Не имел же я, Арсёнушко, йименьица,
Я пропитывал свою матушку трудом своим.
Вот задумал я итти смотреть второй Москвы,
Посмотрел-то, слава Богу,
я твой славной второй Москвы,
Посмотрел-то я ведь и храму-ту Николина.
Хороша твоя прекрасная втора Москва,
Иишие есь на што посмотреть-полюбоватисе!»
Закрычали все народ-люди во Вологды:
«Уж ты гой еси, государь Иван Васильёвич,
Ты не хош ли всё спустить
на волю-ту разбойничка,
Как ночнёго хош спустить же подорожничка?»

Он ограбит же опять да не одну Москву,
Он зайдёт, зайдёт во славну
твою каменну Москву,
Он ограбит-то ведь и много
всего хорошего в каменной Москвы.
Ты кончай-ко-се скорей, да царь, его же сам!»
«Вы не страшитесь-ко, народ,
моей смерти скорою,
Придёт, придёт-то ведь скоро
смерть моя своя.
 Попрошу-то смерть ту же всё и я у вас,
Што котора мне какая смерть самому ндравитса,
Самому ндравитса-та смерть,
да всё же хочетса.
Уж ты гой еси, государь же царь Иван
свет Васильёвич,
Благослови-ко меня же слово-то промолвити,
Как ведь слово-то промолвити, речь говорите,
А мне без той ли всё казни без скорья,
А и миня без той ли
всё без ссылочки без дальнё,
А и мне ли всё без той ли
всё насмешечки великою!»
Отвечал ему государь-от царь Иван Васильёвич:
«Говори-ко ты, Арсёнко, что ведь надобно,
Обо всём теперь будет простительнё».
«Уж ты дай же мне-ко смертью помереть такой,
Как такой же мне смертью, какой я хочу:
Уж вы сделайте мне всё же столб высокой-от,
Как ко етому столбу повесьте
вы рей высучой-от,
У того ли всё рея да всё высучего
Сделайте мне лисенку, да всё три ступенечки, -
-Я ведь вылезу тогда да на высучой рей,
Издальёка-то народ будет видеть преступника,
Вот преступника-то видеть тут, разбойника!»
Говорил же государь царь Иван Васильёвич:
«Как по твоему ведь и будет-то по желаньицу:
Как ведь сделаю-то столб-от всё высокой-от,
Ко столбу-то всё подвесят-от висучий рей,
Тут ведь сделают-ту лисенку у рея тогда,

Как во лисенке-то сделают три ступенечки,
Отвсюль-то будет видеть тибя, Орсёнушка!»
«Уж ты гой еси, государь Иван Васильёвич,
Как арсёнкова-то смерть будет не милослива,
Немилослива вона, очунь страшная,
Из веков-то в веки будут вспоминать её!»
Пожелал же смерти скорою Арсёнушко;
Приказали тут ведь
и делать-то столб высокой-от,
Приказали сделать рей да тут высокой-от,
Вот высокой рей ведь и делать-то высучей же,
Приказали делать и лисенку, три ступенечки.
Вот пошли, пошли, ведь скоро пошли плотники,
Вот ведь плотники пошли скоро работники,
Они сделали, устроили высокий столб,
А к нему же привесили висучой рей,
Как приделали они же скоро лисенку,
Скоро лисенку приделали в три ступенечки;
Как пришли, пришли, сказали государю-ту,
Осударю-ту царю Ивану Васильёвичу:
«Приготовлено тепере всё ведь, сделано,
Теперь можно вести будет деревеншину,
Предавать-то ведь ему да смерть-ту скорую».
Как оделсе государь царь Иван Васильёвич;
Когда вывели Арсёнышка из тёмной темницы,
С ним ведь шол государь царь Иван Васильёвич.
Говорил ему Орсёнко-то таковы слова:
«Уж ты гой еси, государь царь Иван Васильёвич,
Ты прости меня вины-то виноватую,
Как цего же, государь, я вот тебе скажу:
Не спешись-то ты же скоро вот за мной итти, -
Как пускай же поскорей меня ведут они!
Ты успеешь, успеешь притти
да всё на смерть смотреть,
Как увидишь всё мою-ту смерть ведь страшную».
А и народу-ту, Горсёнушко говорил им:
«Уж вы гой еси, народ же, люди добрые,
Как ведь умной-от народ, -
дак всё возьмите-тко во внимание,
Не ходите-тко смотреть смерти арсёнковой:
Арсёнушкова смерть будет немилослива,

Немилослива гона же будет, страшная!»
Ишше умной-от народ, дак его же понесли,
Они понесли, назад же они воротились,
А глупой-от народ да всё вперёд бежал,
Они вперёд-то всё бежали да говорили:
«Вот увидим же, ребята,
как казнят, казнят преступников!»
Подвели тогда Горсёнушка к рею,
его, к висучему,
Заходил тогда Горсёнышко на лисници,
На первую ступень, да он сказал же всё:
«Воротитесь-ко, народ,
да разойдитесь прочь!»
Тут ведь некоторой народ, да они понели,
Как ведь понели народ да убегали прочь.
Когда зашол же вон на лисницу,
на втору ступень,
Он сказал, сказал народу-ту таковы слова:
«Вот судите-тко меня же всё, преступника!»
Как ступил, ступил ведь Орсёнышко
на третью ступень,
Он сказал тогда, сказал государю
царю Ивану тогда Васильёвичу:
«Благослови меня теперече, государь же царь,
Осударь-от царь Иван же свет Васильёвич,
Как теперя мне, Горсёнушка,
перед смертью-ту поработати!»
«Разрешаю, царь, работай, как ведь нужно вам».
Тут не лютоё-то зелье разгорелосе,
Богатырское-то ведь и серцо разгневилосе.
Лепета у его в лица перемениласе,
Могучи плечи его же шевелилисе,
Он хватал, хватал, срывал тогда висучий рей,
Как висучим-то реем зачал помахивать;
Воправо-то ведь махал, - валилась улица,
Волево-то от махал, - валились переулочки.
Вот прибил тут народу много в Вологды.
Говорил тогда ведь Арсёнушко таковы слова:
«Ишшо надо ли,
государь царь Иван Васильёвич,
Как оставить ли етой силушки на симена?»

Зыряне. XIX век.

«Как оставь-ко-се, Орсёнушко, ведь силушки,
Вот положь-ко-се на ихну-ту на глупость тут»
Перестал боле ведь силушки-то бить же он.
Все народ-люди ведь тут ужасались.
Тут подъехала корета-то золочёная,
Тогда ведь взял-то

государь царь Иван Васильёвич
Как Орсёнушка-то брал же за белы ручки,
Человал его в уста же во сахарные,
Пировал-то с ним ведь кушал три сутоцьки.
Вот ведь звал-то всё Горсёнушка жить

во матушку в каменну Москву;
Отвечал ему: «Я сейчас же,

государь царь Иван Васильёвич,
Как ведь ехать-то с тобой да не поеду я,
Потому што у мня осталась-то

в деревни-то родна матушка,
Родна матушка осталась и родна сестриця,
Нужно съездить-то во деревню поповедати, -

Не поедет если матушка в каменну Москву,
Тогда надоть её ведь

и переделать-то старой домичёк,
Чтобы матушку воставить во приюти тут».

Тут давал-то государь царь Иван Васильёвич,
Много-много тут давал он золотой казны,
Вот давал ему ведь

и много-много чиста серебра,
Как самого-то звал его же в каменну Москву,
В каменну Москву его да при себе его,
Штобы быть всегда

при ём думным боярином,
Без его-то никакого дела зачинать нельзя,
Зачинать дела нельзя без его и кончити.

Распрошшалсе государь царь со Арсёнушком,
Государь-от царь Иван же свет Васильёвич,
Он садилсе тут в корету-ту в золочёную,
Вот уехал он во славну

в матушку в каменну Москву;

В. Васнецов. Встреча князя Олега с волхвом

А Орсёнушко поехал в свою деревенку, -
Вот приехал-то Орсёнышко во деревенку, -
Сдивовались все народ же, люди добрые.
Тут ставала родна матушка с постелёчки,
Будто всё она никогда не была не болела-то.
Перестроил тут ведь Арсёнушко

свой ведь домичёк,

Часто ездил же Арсёнышко

в славу матушку каменну Москву,

Часто виделсе-то с государем

с царём с Иваном-то с Васильёвичём,

Переговоры-ти ведь шли же очунь тайные.

Тут ведь съездил-то Гарсёнушко

за камышничками золотой казной,

Как пригнал всех коней тут всё ведь

камышничков,

Привезли-то все товары тут ведь разные,

Все ведь всё же он привёз

их в каменну Москву;

Присмотрел-то все товары государь же царь,

Осударь-от царь Иван же свет Васильёвич.
Тут Орсёнушко Иванович распрошталсе-то,
Ко своей ко родной матушке уехал он,
Поживать-то стал со матушкой с родимую, -
Он охвоч ходить, Орсёнышко, в тени леса,
Он охвоч стрелять зверей да всё лесных же всё,
Ишше птицу-ту ведь как разных он на заводях.
Много-много он очистил всё камышницков,
Разных сбеглых-то ведь

тут разных преступников,

Много-много было подвигов богатырьских тут,
Перестрелочных боёв да числа-счёту нет.

Ишше как той нашой старинушке конец пришол.

Славной Вологды-рекой, да ей на тишину,

Славной матушки каменной

Москвы на чесь-славу великую,

Вам, учёным-то людям младым,

на прописаньицо,

А от вас пойдёт премладым на рассказаньицо,

А от младых-то пойдёт пропеваньицо.

В. Сергеев. Лошадь в поле

ЩЕЛКАН ДЮДЕНТЕВИЧ

А и деялось в орде,
Передеялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На черчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылём размахивает

По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам,
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами столными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея х Костроме,
Одного не пожаловал –

Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, -
Ево дома не случилось.
Уезжал-та млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сто рублей,
С бояр по пятьдесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которова денег нет,
У того жену возъмёт:
У котораго жены-та нет,
Того самово головой возъмёт.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу.
Узде цены ей нет;
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога –
Царское жалованье,
Государство величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Не продать, не променять
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
-Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,

Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою.
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи. –
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
-Гой еси, шуриин мой
Щелкан Дюдентевич,
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимова,
Крови ты чашу напади,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи! –
В та поры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацидил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Двомя удалыми Борисовичи,
И втапоры млад Щелкан
Он судьёю насел
В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьёю сидел:
И вдовы-та безчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всем наругатися,
Над домами насмехатися.

Мужики-та старья,
Мужики-та богатья,
Мужики-та посадския
Оне жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонам пошли,
С честными подарками,
И понесли оне честныя подарки
Злата-серебра и скатного земчюга,
Изошли его в доме у себя,

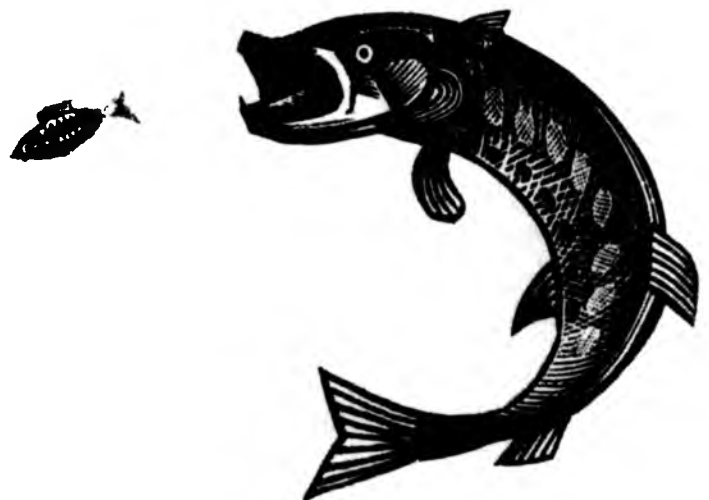
Щелкана Дюдентевича, –
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся,
И оне с ним раздорили,
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут ево разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

НЕБЫЛИЦА ПРО ЩУКУ ИЗ БЕЛОГО ОЗЕРА

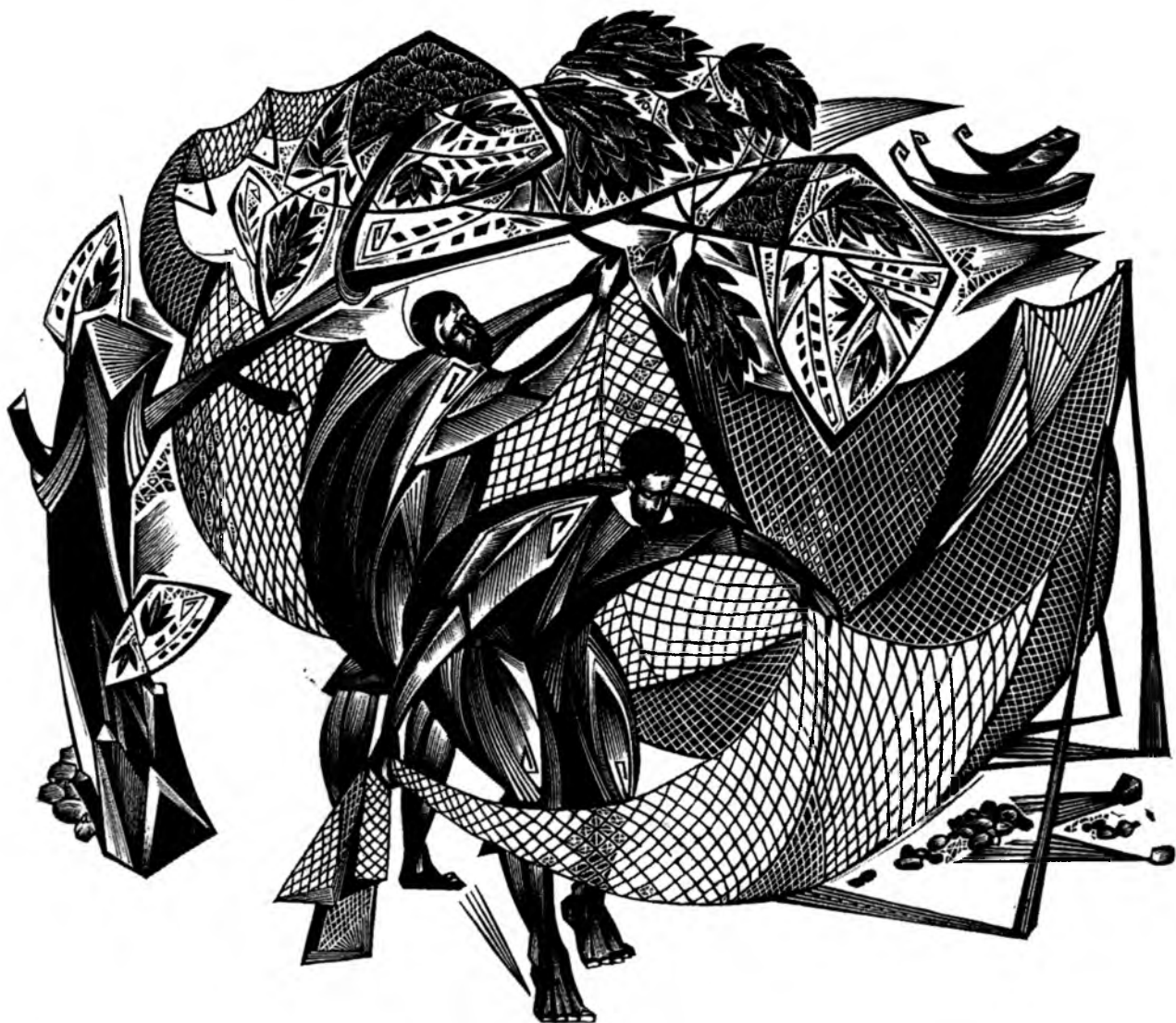
Да худому-де горё да не привяжется,
Да тому-то де горюшко нонь привяжитцэ,
Ищо хто жо горё можот измыкати,
После матери горё перемыкати,
Да это не чудо да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу да подиковинне:
Да медведь-от летит да по поднебесью,
Да короткими лапами подмахиват,
Да коротким хвостиком подправливат.
Да это не чудо да не диковина,
Да я-то того почуднее скажу,
Почудне-то скажу да подиковенне:
Да корабль-от бежит да по сырой земли,
Да в тёмные леса да бицевой идут.
Да это не чудо да не диковина,
Да я-т того да почуднее скажу,
Почудне-то скажу да подиковинне:
Да во славном-то было да Белоозере,

Заселилася щука да преогромная,
Да робят-де хватает, да жоробят глотат,
Кабы стали-то думу да они думати:
Ишэ как-то бы щуку да нынь добыть её?
Да сковали-то уду нынь десять пудов,

Да надели жеребёнка тут кобыльяго,
Да бросили-де во славно Белоозеро,
Да хваталася щука преогромная,
Да немала, невелика – девяносто пуд.
Потенула-то щуку нынь на вёшний лёд,
Дабы вёшной-от лёд тут изгибатце,
Кабы добыли-то щуку на крутой берег,
Да отсекали у щуки большу голову,
Положили-то голову на большие сани,

Повезли эту голову во три коня,
Повезли-то ли голову к самому царю.
Привезли-то голову к самому царю,
Собиралосе народу да много множество,
Удивилисе они да большой головы,
А отсекли у ей да праву ягодицу,
Отдавали царю ей на почеслен пир,
Пировали-столовали тут челы сутокки,
Кабы вси-то тут ягодицей наелисе.

АНИКА ВОИН

Едет Аника через поле,
Навстречу Анике едет Чудо:
Голова у Чуда человеческа,
Волосы у Чуда до пояса,
Тулово у Чуда звериное,
А ноги у Чуда лошадиныя.
Аника на коне остановился
И этому Чуду дивился:
«Скажи ты мне, Чудо, поведай:
Царь ли ты, ли царевич,
Король ли ты, королевич,
Или ты сильный-могучий богатырь?»
Чудо ему отвечает:
-Я не царь, не царевич,
Не король, не королевич
И не сильный-могучий богатырь,
А я Смерть, страшная и грозная,
Вельми непомерна,
Сердцем своим непосульна.

Кто сотворил небо и землю,
Кто сотворил облака и звёзды,
Тот меня сотворил,
По всей земле попустил.
Где кого застану, - искошаю,
В пути в дороге застану, - искошаю,
В избе, на подворье застану, - искошаю:
Хочу и тебя, Аника, искосити.
Возговорит храбрый человек Аника:
«Я палицу подыму, палицей пришибу,
Либо коня попущу, конём потопчу,
По голове по твоей».
Она ему отвечает:
-Был на земле Самсон богатырь,
Был на земле Светогор богатырь,
Я их искосила.
Хочу и тебя, Аника, искосити.
Возговорит храбрый человек Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!

Дай ты мне сроку на два года:
Сострою я тебе церковь,
Спишу твой лик на иконе,
Поставлю твой лик на престоле,
И станут к нам съезжаться
Князя и бояре,
И сильные-могучие богатыри,
И станут нам свозить
Казну золотую».

Она ему отвечает:
-Кабы, где, брать мне казну золотую,
Были бы у меня горы золотыя
От восхода до заката.
Вынимает пилы невидимыя,
Потирает его по рукам, по рёбрам.
Возговорит храбрый человек Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
Дай мне сроку на один год:
Есть у меня казна золотая,
Раздам я её
По тюрьмам, по багадельням».

Она ему отвечает:
-Казна твоя кровавая,
Душа твоя не подмога.
Вынимает пилы невидимыя,
Потирает ею по костям и по жилам.
Возговорит храбрый человек Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
Дай ты мне сроку на полгода:
Есть у меня отец и мать,
Дай ты мне
С отцом, с матерью проститься».

Она ему отвечает:
-Как же ты, ехал на ратное дело,
Зачем с отцом, с матерью не простился?
Вынимает пилы невидимыя,
Потирает его по костям и по жилам:
Аника на коне шатается
И смертные уста запекаются,
Аника с коня повалился:
Тут по Анике и слава.

Вот что писал по поводу этой былины известный собиратель былин и народных песен П.В. Киреевский в 1862 году, используя труды своего коллеги М.П. Погодина и вологодского собирателя фольклора Бунакова.

За Спасо-Прилуцким монастырём, верстах в десяти от Вологды, начинается Аникинский лес. Аника был ужасный разбойник и жил в этом лесу, некогда дремучем и непроходимом, кроме одной дороги в Белозерск, называемой и теперь Оникиевской. В лесу есть пустыня Заоникиевская. Там в глуши, на полянке, стояла избушка без окон (как у Бабы-Яги или Кощея), где жил Аника и откуда ходил на большую дорогу грабить прохожих и проезжих, а иногда и в соседние деревни. Долго жил он и нажил себе всякого богатства, серебра и золота, и камня самоцветного. Однажды вышел он

по обыкновению на дорогу, навстречу ему старик с котомкой за плечами. «Здорово, дедушка, откуда ты и куда идёшь?» - Из Киева, ходил поклониться Святым Угодникам Печёрским, а теперь иду к Соловецким. - «Не тяжело ли тебе, старинушка, носить свою суму? У тебя, чаю, есть много лишнего, дай-ка я посмотрю, чего ты набрал?» Разбойник снял котомку, и увидел в ней узелки с землею, песком, частицами антидора и Святых мощей. С досады начал он разбрасывать узелки и рассыпать землю, сколько старик ни просил его со слезами о сохранении его сокровищ.

-Так берегись же ты, Аника, Бог накажет тебя за обиду нищему старцу. Скоро наступит твой час.

Аника выхватил нож и хотел было зарезать старика, но тот стал невидимым. Аника испугался и бросился в лес к себе домой, но избы его уже не было, одна лошадь паслась на поляне. Аника сел на неё и поехал из леса, как вдруг Чудо встретилось с ним...

Показывают в том краю где-то и могилу Аникину, высокий курган, на который всякий прохожий обязан бросить прут (символ казни, особенно для оборотней и оживающих мертвецов): «Аничка, Аничка, вот тебе вичка». Это исполняется до сих пор. Прибавим из народных пословиц об Анике следующую наиболее выразительную: «Оником гладить - щелком свалить»... Старожилы Вологды рассказывают про некоего Анику Воина, разбойника, жившего некогда в Аикиевом лесу, в вологодском уезде, в десяти верстах от Вологды по Кирилловской дороге; лес этот представляет теперь

площадь, обросшую мелким кустарником. От имени разбойника он назван Аникиевым, а от лесу Заоникиевская обитель, основанная в XVI веке преподобным Иосифом: значит, по заключению Бунакова, Аника действительно жил еще ранее. Если же, скажем мы, по народным сказаниям прилагать в этом случае к Анике летоисчисление, то, по словам былин, он жил несколько сот лет и, стало быть, как раз был со времён до татарскому периоду и богатырям, сгибшим под конец этого времени. А если брать в расчёт его преемство за старшими богатырями, то образ Аники уходит будет всё глубже и глубже в даль и старину: напрасный путь и труд, ибо этот образ искони народный, и если какой-либо Аника был лицом действительным и известным разбойником, что весьма вероятно, то от него, конечно, возник общий народу русскому образ, а наоборот имя знаменитое и повесть общеизвестная перенесена из народного творчества на лицо действительное.

Автор неизвестен. Защитник Отечества

ПРАВНУКИ БОГАТЫРЕЙ

По Н. Коняеву

Когда умирали русские богатыри, разливались они могучими реками. Так полноводной рекой разлился былинный богатырь Дон Иванович. И Днепр, и Волга, и Западная Двина были раньше людьми. В битве с татарами погиб Сухман - богатырь и превратился в реку.

-Протеки от ран от великих,
Протеки Сухман река ты кровавая, -

воскликнул он, умирая. И побежала среди лесов Сухона, принимая малые ручейки и речки. На берегах ее выросли деревеньки и города, и среди них - знаменитый Великий Устюг.

Этот город, поднявшийся на крови могучего богатыря, унаследовал его силу и мужество. Сжигали город новгородские ушкуйники, камские булгары, галицкий князь Василий

Косой и казанские татары. Но ни пожары, ни нашествия, ни мор не смогли погубить город. Он заново отстраивался, рос и богател.

На вечерних переключках кричали стрельцы в караулах: «Славен город Москва!», «Славен город Вологда!», «Славен город Устюг!».

В начале XVII века в нём жили Семен Дежнев, Василий Поярков, Михайло Старухин, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов...

Всех их по праву можно назвать правнуками былинного богатыря Сухмана. Каждому из них суждено было повторить судьбу своего прадеда - стать кому островом, кому мысом, кому городом, кому бухтой, а кому огромным краем. Все они рассыпали свои имена на карте нашей России.

СУХМАН

Было во славном во городе во Киеви
У ласкова князя у Владимира,
Заводился у него-то тут почестной пир.
На том на пиру у Владимира
Были князи ведь тут, вси ведь бояра,
А вси сильни могучи вси богатыри:
А сидит во самом-то во большом углу
А Сухман да сидит сын Долмантьёвич,
Вси князи оны вси тут бояра,
Сильнии могучии богатыри,
А едят-то, пьют, вси-то кушают
И белую лебедь оны рушают.
Молодой Сухман сын Долмантьёвич
Он не ест, не пьёт, сам не кушает,
Белой лебеди сам не рушает,
Нечим молодец сам не хвастает.
Зговорит Владимир стольно-киевской:
-Что же ты, Сухман сын Долмантьёвич,
Ты не ешь, ты не пьёшь, ты не кушаешь,
Белой лебеди сам не рушаешь,
Ничим молодец сам не хвастаешь?
Воспроговорит Сухман сын Долмантьёвич:
— Ах же ты Владимир столен-киевской.
Дай-ко мне времечки день с утра,
День с утра и как до вечера,
Мне поездить Сухману нынь по заводям.
Привезу ти лебедушку живьём в руки,
А на твой на пир княженецкий,
На твой на стол на дубовый.
Дал ему времечки день с утра,
День с утра и как до вечера.
Поехал Сухман сын Долмантьёвич;
Он ездил день с утра до вечера
А по тихим глубоким по заводям,
Не наехал ни на гуся, ни на лебедя,
Ни на сераго на малаго утёныша.
Проездил Сухман трои суточки,
Приехал Сухман сын Долмантьёвич
Ко матушке ко Непры реки;

А у той ли у матушки Непры реки
А стоит тут сила ведь-то малая,
Вода с песком возмутиласи;
Стоит за Непрой, за Непрою рекой
А неверный силы сорок тысячей,
Мостят мосты все калиновыи,
Ладят тут перейти через ту Непру,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ладят Киев град как огнём пожгать,
А Владимира-того во полон тот взять.
Тут Сухман здогодастся,
А пошел Сухман за тую Непру,
Находил ён дубиночку вязиночку:
В долину как дубина девяти сажон,
В толщину как дубина три обоймени.
Тут Сухман снаряжается,—
За вершинку брал — с комля сок бежал.
Стал по поганым похаживать,
По тою по силе по неверный,
Стал ён дубиною помахивать,
Убил ён татар сорок тысячей;
Со всех сторон дубину приушолкал ён,
В кровь ён дубину приомарал тут.
А из поганый из силы тут
Оставалось только два татарина,
А ёны от его обряжались,
За тыя за кустья заваялися.
Пошел тут Сухман ён во Киев град

Ко тому ли князю ко Владимиру.
Говорит Владимир таково слово:
-Что же долго ты ездил, Сухман, теперь?
Ездил ты да трои суточки,
Привез ты ко мне нынь лебедушку,
Обещался кою да живьём в руки,
А ни сераго ни малаго утёныша.
Ответ держит Сухман как тут,
Ответ держал сын Долмантьёвич:
-Не до того мне-ка нынче деялось!
Был я ведь нынь за Непрой рекой,
Увидал я силы сорок тысячей,
Той ли силы поганьи,
Той ли силы всё неверны,
Оны ладили тут как ведь Киев град,
Киев град как огнём пожгать,
А Влодимира тебя в полон как взять.
А говорят князи ведь и бояра
А и сильни могучи богатыри:
-Ах ты Владимир столен-киевской!
Не над нами Сухман насмехается,
Над тобою Сухман нарыгается,

Над тобой ли нынь как Владимир князь.
За тыи за речи за похвальныи
Посадил его Владимир стольно-киевской
Во тыи погребя во глубокии,
Во тыи темницы тёмныи,
Железными плитами задвигали,
А землей его призасыпали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лет-то на тридцать.
Послали туда ведь-то оследовать,
К той ли ко матушки Непры реки,
Старого казака Илью Муромца.
А пошел старой казак Илья Муромец,
Он пошел к матушки Непры реки,
А стал Илья как по силе похаживать,
По той ли силы он поганьи,
По той ли по силы все неверныи, —
Он нашол там дубиночку вязиночку,
А лежит она меж силы меж поганюю,
А лежит тая дубина девяти сажон,
В толщину тая дубина три обоймени,
Со всех сторон дубина приушолкана,
В кровь дубина приомарана.
Пошел да старой ён ко городу,
Ко тому ко городу ко Киеву,
Увидал два татарина поганых.
Говорят тут татарины поганьи:
-Ты куда, калика, перехаживаешь,
Ты откуль идёшь, откуль путь держишь?
Воспроговорит старой Илья Муромец:
-Я иду ведь от города от Киева,
От ласкова князя Владимира.
Говорят татарины поганьи:
-У вас как ведь есть нынь во Киеви
А богатырь старой Илья Муромец;
По многу заедат-то хлеба к выти он,
По многу ль выпиват питья медвянаго?
Говорит Ильюша таково слово:
-У нас как было нынь во Киеви,
У ласкова князя Владимира,
Ест хлеба по колачику крупивчату,

Запивае стаканчиком медвяным.
 -То тут у Ильюши ведь не сила есть.
 Как мы есть поганы татарова
 Едим хлеба к выти по печи печёнаго,
 По ушату пьём водоносных.
 Воспроговорит Илья тут ведь Муромец:
 -У нас было во городе во Киеви
 При ласковом князи Владимири
 Коровищо была обжорищо,—
 Она много ела, вино пила тут,
 Нынъ вся она теперь перелопала.
 Тут татаринам поганым не к лицу пришло,
 Выскакали со шатра полотнянаго,
 Кинули в Ильюшу ножищо оны тут.
 Попало тут во дверь во дубовую,
 Выскочила тут и со липиньямы.
 Взял Ильюша старой тут ведь Муромец
 Ключу свою он дорожную,
 А ударил ён по татаровам,—
 Тут у татаринoв души нету.
 Приходит старой Илья Муромец
 Ко городу ко тому ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Ответ держал, выговаривал:
 -Правда Сухмана Долмантьёвица,
 Чем Сухман только хвастает.
 Был-то я у Непры реки,
 Видел силы поганой убитою,
 Числом лежит сорок тысячей.
 Меж тыма меж поганыма татарамы
 Увидал дубину девяти сажон,
 В толщину дубина три обоймени,
 Со всех сторон дубина приущолкана,
 В кровь-ту дубина приомарана.
 Зговорит Владимир таково слово:
 -Ах же вы князи вы бояра,
 А вы сильни могучи вси богатыри!
 Выводите Сухмана со погребов,

В. Сергеев. Русалка

Со тых погребов со глубоких,
 А со тых ли со темниц со тёмных.
 Тут приходили князи бояра,
 Сильни могучи богатыри;
 Траву-ту всю оны тут вырвали,
 Землю из плиты ведь повырыли,
 Железную плиту повыняли,
 Выводили Сухмана сына Долмантьёвича
 Со тыхо говорят ему вси князи бояра:
 -Ах ты Сухман сын Долмантьёвич!
 За твои услуги великии
 Тебя пожалует Владимир столен-киевской
 Золотою казной тебя долюби,
 Городами-то да с пригородкамы,
 Приселами-то да со приселкамы.
 Со тех погребов в со глубоких,
 Со тых ли со темниц со тёмных,
 Говорит Сухман таково слово:
 -А не честь хвала молодецкая
 Брать города с пригородкамы,
 Брать присела да со приселкамы,
 Брать мне бессчетна золота казна,
 А моя есть смерть напрасная,
 От тых от ран от великих.
 Выдергал он листочки маковыи:
 -Протеки от ран от великих,
 Протеки Сухман река ты кровавая.

Сказки

СКАЗКА ОБ ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своим маленьким ребятишкам; пошёл он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночку; от одной ночки две ночки, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет. Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под добило подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собралась во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом: «Будь ты, - говорят, - нашим судьей».

Сом послал за ершом — добрым человеком и говорит: «Ёрш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?» - «Потому, - говорит, - я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу и доверху и заустело». - «Ни вовек, - говорит рыба-сом, - наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?» - «Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: сорога-рыба на пожаре была, глаза запалила, и поныне у неё красны».

И посылает сом-рыба за сорогой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых, зовут сорогу-рыбу: «Сорога-рыба! Зовёт тебя рыба-сом с большим усом пред своё величество». Сорога-рыба, не дошедши, рыба-сом, кланялись. И говорит ей сом: «Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» - «Ни вовек-то,

- говорит сорога-рыба, - не гарывало наше озеро!» Говорит сом-рыба: «Слышишь, ёрш, добрый человек! Сорога-рыба в глаза обвинила». А сорога тут же примолвила: «Кто ерша знает да ведаёт, тот без хлеба обедает!»

Ёрш не унывает, на бога уповаёт: «Есть же у меня, - говорит, - в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: окунь-рыба на пожаре был, головёшек носил, и поныне у него крылья красны». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых, приходят и говорят: «Окунь-рыба! Зовёт тебя рыба-сом с большим усом пред своё величество». И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» - «Ни вовек-то, - говорит, - наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведаёт, тот без хлеба обедает!»

Ёрш не унывает, на бога уповаёт, говорит сом-рыбе: «Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: щука-рыба, вдова честная, притом не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головёшки носила, и поныне черна». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых, приходят и говорят: «Щука-рыба! Зовёт тебя рыба-сом с большим усом пред своё величество». Щука-рыба, не дошедши рыба-сом, клялась: «Здравствуй, ваше величество!» - «Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притом же ты не мотыга! - говорит сом. - Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвечает: «Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведаёт, тот всегда без хлеба обедает!»

Ёрш не унывает, а на бога уповаёт: «Есть же, - говорит, - у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головёшки носил, и поныне он чёрн». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых, приходят к налиму-рыбе и говорят: «Налим-рыба! Зовёт тебя рыба-сом с большим усом пред своё величество». - «Ах, братцы! Натё вам гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьями не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу». Эти государские посылщичики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю.

По ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть. Ёрш из петли-то да и выскочил; пошёл он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осётр. «Куда вас чёрт понёс?» - говорит им ёрш. Услыхали рыбаки Ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубишко! Пришёл Бродька – бросил ерша в лодку, пришёл Петрушка – бросил ерша в плетушку: «Наварю, говорит, - уши, да и скушаю». Тут и смерть Ершова!

А. Завьялова. Бабушкины сказки

ЕРШИШКО-ПЛУТИШКО

1729 года, месяца сентября 16 числа
Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый хвост,
Слюноватый нос,
Киловатая брюшина,
Лихая образина,
На роже кожа — как елова кора.
Прижилось, проскудалось
Ершишку-плутишку
В своём славном Кубенском озере,
Собрался на ветхих дровнишках
С женою и детишкам,
Поехал в Белозерское озеро,
С Белозерского в Корбозерское,
С Корбозерского в Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовские жильцы!
Пустите ерша пообедать
И коня покормить».
Лещи распространились,
Ерша к ночи пустили.
Ерш, где ночь ночевал,
Тут и год годовал;
Где две ночевал,
Тут два года годовал;
Сыновей поженил,
А дочерей замуж повывадал,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
Пропасти земные.
Три года лещи
Хлеб-соль не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Белого свету не видали;

С того лещи
С голоду помирали,
Сбивались лещи в земскую избу,
И думали думу заедино.
И писали просьбу,
И подавали Белозер-Палтос-рыбе:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
В нашем Ростовском озере
И изогнал нас, лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года мы, лещи,
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?»
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая переславска,
Рыба-сом с большим усом:
Кого послать ерша позвать?
Менька послать -
У него губы толстые,
А зубы редкие,
Речь не умильна,
Говорить с ершом не сумеет!
Придумала рыба-сом
С большим усом:
Послать или нет за ершом гарбюса;

У гаргуса губы тоненьки,
Платьице беленько,
Речь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня рассылным,
Карася пятисотским,
Семь молей, понятых людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на суд представили.
Ёрш перед судом стоит
И с повадкой говорит:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему меня на суд повещали?» -
«Ах, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
В здешнем Ростовском озере,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.
Есть ли у тебя на это дело
Книги, отписи и паспорта какие!» -
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
В память или нет тебе пришло:
Когда горело наше славное
Кубинское озеро,
Там была у ершишка избишка,
В избушке были сенишки,
В сенишках клетишко,
В клетишке ларцишко,
У ларцишка замчишко,

У замчишка ключишко, -
Там-то были книги и отписи
И паспорта, и всё пригорело!
Да не то одно пригорело;
Был у батюшки дворец
На семи верстах,
На семи столбах,
Под полатями бобры,
На полатях ковры -
И то всё пригорело!»
А рыба-сёмга позади стояла
И на ерша злым голосом кричала:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял,
И сорок человек
Разбою держал,
И много голов погубил,
И много живота притопил!»
И ершу стало азартно;
Как с рыбой-сёмгою не отговориться?
«Ах ты, рыба-сёмга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Вас едят господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна -
Бабы шей наварят
И блинов напекут,
Щи хлебают, похваляют:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тут ёрш с сёмгой отговорился.
Говорит Белозёр-Палтос-рыба:
«Окунь-рассылный,
Карась-пятисотский,
Семь молей, понятых людей!
Возьмите ерша».
А ёрш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боронится.
Собрался он, ершишко-плутишко,
На свои на ветхие дровнишки
С женою и детишкам

И поезжает в своё славное
В Кубенское озеро.
Рыба-сёмга хоть на ерша
Злым голосом кричала,
Только за ершом вслед подавилась:
Ах, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня в своё славное
В Кубенское озеро —
Кубенского озера поглядеть
И Кубенских станов посмотреть».
Ёрш зла и лиха не помнит,
Рыбу-сёмгу за собой поводит.
Рыба-сёмга идучи устала,
В Кубинском устье вздремала
И мужику в сеть попала.
Ёрш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе господи!
Вчера рыба-сёмга
На ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сеть попала».
Ёрш сёмге подивовал
И сам на утренней зоре вздремал,
Мужику в морду попал.
Пришёл Никон,
Заколил прикол;
Пришёл Перша,
Поставил вершу;
Пришёл Богдан,
И ерша бог дал;
Пришёл Вавила,
Поднял ерша на вила;
Пришёл Пимен,
Ерша запинал;
Пришёл Обросим,

Ерша оземь бросил;
Пришёл Антон,
Завертел ерша в балахон;
Пришёл Амос,
Ерша в клеть понёс;
Идёт Спира,
Около ерша стырит;
Амос Спиру
Да по рылу.
«Ах ты, Спира!
Над этакой рыбой стыришь;
У тебя этака рыба
Век в дому не бывала!»
Пришёл Вася,
Ерша с клетки слясил;
Пришёл Петруша,
Ерша разрушил;
Пришёл Савва,
Вынял с ерша полтора пуда сала;
Пришёл Иуда,
Расклал ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришёл Антипа,
Ерша стипал;
Пришёл Алупа,
Ерша слупал;
Пришёл Елизар,
Блюда облизал;
Пришёл Влас,
Получил в глаз;
Пришла Нелина
И блюда обмыла!

ВЫШЕ ГОРОДА ПЛЕТЕНЬ

Тень-потетень, выше города плетень; на полице трубица гороховая, на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, поварных щей. Тетка-божатка, сошей-ка рубашку, тоненьку, беленьку, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в овине Арина ткёт полотно, перетыки-то кладёт. Да не дотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для чего долго жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья. А судья не лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут. На девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сём-пересём на лопатке испечён;

В. Сергеев.
Женщина на
сенокосе

Мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулек, заход калачей, макинницу сулою, овин киселя, поварёнку щей!

СВАТ И ПОЛУСВАТ

Вот в прежние-то времена, как вздумают жениться, так шли свататче. Вот жених посылает к невесте своих сватов в нашу, волокославинскую, сторону. Пришёл сват да и полусват. Сват начинает хвалить жениха: «Наш жених очень баской да богатой». А полусват себе прихваливает. Сват говорит: «У жениха нашего две лошади». А полусват: «Что ты, сват, не две, а четыре!». Ну сват далее хвалит: «У нас ведь у жениха четыре коровы». А полусват: «Что ты, сват, да ведь восемь!»

Вот эдак хвалят они да хвалят жениха. Что сват скажет, а полусват вдвое прибавит.

Отеч невесты и баит: «Дак что же, неужели у вашего жениха никакого изьяна нет?» Сват говорит: «Да как нет, есть изьян, он худо на один глаз видит».

А полусват на это и говорит: «Да что ты, сват, ведь на оба!»

Невеста как за занавеской услышала, так и не пошла за жениха.

Вот так с тех пор в нашей округе посылают свататчи-то только свата, а полусвата не берут.

Записано со слов Е.Ф. ХОМЯКОВОЙ.

СКЛАДЧИНА ТРУДИЛОВИЧ

Посвящается двоим: вам и им.

Глава первая

Жили Яков да Ирина
Из деревни Звездина;
Яков важный был детина,
И не хуже и она.

Не венчались, не ругались:
Врозь им ласковой жилось.
А сошлись да обвенчались,
Стали жить уж как пришлось.

«Нет, без дров-то не вспотеешь, -
Кликнет баба, - вот зима;
Пьян, так что? Не околеешь!»
-Околей вперёд сама.

Видишь, белой рубашонки
Лень на праздник припасти.
Ни парнишки, ни девчонки
Не сумела принести.

Перестану пить с парнишком. -
«Погоди же, принесу».
-Десять лет годим уж с лишком. -
Баба с лёгкого часу

Через год, наскучив точно
Укоризной муженька,
Принесла — и как нарочно -
Принесла ему сынка.

Муж взглянул: лоб плосковитый,
На головке вихорёк;
Молвил: «Будет даровитый», -
И Митюшеньком нарёк.

Через три скончался года
Яков Львов из Звездина,
И принялась у прихода
Выпричитывать жена:

«Собрался, старик, в дорогу.
Ну, прощай. На том свету
Не забудь ты молвить Богу,
Сохранил бы сироту».

Все стояли в панихиду,
Все явились помянуть;
Кто от правды, кто для виду -
Долгом все сочли вздохнуть.

«То пришло, не стало Яши;
То придёт, и нам там быть».
-Да, Семён; житья-те наши!.. -
«Перестань, Ирина, выть!»

Потрясли и Мите руку,
Поласкали... «Тяги нет?
Спрятан в землю тятя?» - Ку-ку -
Крикнул мальчик на ответ.

Глава вторая

Ты мани меня, мани;
Да смотри, не обмани.

Вот однажды из правленья
Подал сотский в Звездино
От начальства объявленье.
Было в нём объявлено,

Что священник от Николы
Ездил просьбу подавать
Об открытии земской школы.
Разрешили открывать.

Мало думала Ирина.
Сын уж был годов восьми.
Привела учиться сына
С просьбой: «Батюшко, нажми».

И не шлялся сын на воле,
Слушал, делал да твердил.
Тридцать пять их было в школе,
Яшин всех опередил.

Близко вешнего Николы
Сделать школам всех обзор
Был во все отправлен школы
Из управы ревизор.

Вот обзор: «Узнали мало
(Бог простит на первый раз),
Отвечали тихо, вяло,
Только вот один у вас

Соколиного полёта.
Это чей у вас зверок?»
-С соколиного болота, -
Вслух промолвил паренёк.

«Митя, что ты!» - Браво, браво,
Соколиный, брат, и взор! -
И отправился в управу
Их управы ревизор.

Хоть закрыть-то не закрыли,
Ожидаячи плода,
Только вдоль переместили...
Призадумался тогда

Этой школы попечитель:
«Мальчик редкостный, божусь.
Вы в гимназью не хотите ль?
Приготовить я возьмусь».

-Я ништо, да как вот мама,
И живём мы ведь бедно. -
«Будь умён, поступишь прямо».
-Побывайте в Звездино. -

Скоро в гости соберётся,
Кто не стар и кто не прочь,
Если денежка ведётся,
Делу доброму помочь.

Не успел ещё учитель
Кончить класс, а в Звездино
Наш Зарывин-попечитель
Прилетел уже давно.

Рассказал он там честненько,
Что крестьянский ныне сын,
Проучившийся умненько,
Будет точно дворянин.

«Так вступишь уж, сделай милость,
Укажи свет бедняку».
И крестьянка повалилась
Прямо в ноги добряку.

Приложила три поклона,
Стала сына целовать.
«Митя, вот тебе икона;
Дай Бог счастья наживать!»

Глава третья

И счастливы мы довольно,
И довольно хороши.
Отчего же так невольно
Мы не чувствуем души,

Если встретится порою
Мальчик свеженький, живой,
Крепкий телом и душою,
Со способной головой?

Доходила ли заслуга,
Иль кто любит, тот хорош?
Иль душой своей на друга
Зародился он похож?

Или маленькая птичка,
Кто не сам в себя влюблён,
По сердчишку он — тряпичка,
По умишку — поп Семён?

Иль, быть может, не с того ли
Тянет здесь детей любить,
Что чужой завидно доле,
А самим пришлось губить

Без плода, без исполненья
В этой жалостной глуши
Благородные стремленья
Недоразвитой души?..

Не свернул ли я немножко?
Может быть, вам недосуг?

Но длинна ещё дорожка.
Отдохни, мой милый друг.

Рад бы я и сам развязке.
Только парня проводить -
И конец бы нашей сказке.
Да велели погодить.

Видно в каждом добром деле
Оппозиция нужна...
Врозь родные заглядели,
Заглядела вкось она...

На пилатовскую ногу
Стать Зарывину пришлось,
И при отправке в дорогу
«До свиданья» сорвалось.

Тут заплакала Ирина:
«Уж и тот-то обманул,
Кто учиться дальше сына
Всех усерднее тянул.

Что я с женским-то умишком
Буду делать?» На беду,
«Сотни две вам нужно с лишком», -
Ей сказали в городе.

Через год стипендиатом
Посулилися принять.
Посоветоваться с братом
Мать поехала назад.

Глава четвёртая

*Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я б для батюшка-царя
Родила богатыря.*

Пушкин

Ночь проходит. Дело к свету.
На машину уж пора.
Время полдень. Мити нету.
Он не трогался с двора.

Тут Зарывин вздумал охнуть,
Охнуть чисто от души,
Что приходится заглохнуть
Парню умному в глуши.

И стал складывать от скуки
Песнь о деле мужика,
Песнь о средствах для науки
И о грязи бедняка.

Песен этих вышла книжка.
Здесь же можно поместить
Только две. Хоть читки лишка,
Но позвольте угостить.

Песня Зарывина, посвящённая матери

Так уважать и учёных не всякого
Совесть советует мне,
Как из крестьянок вдову после Якова.
Женщина есть в Звездине.
Крепче проси ты у жизни Подателя,
Дал бы тебе Он пожить
И посмотреть, как в чину председателя
Стал бы Митюха служить.
Парня крестьянского чуть не из Азии
Вывести в люди хотят.
Грустно и знать, что его из гимназии
Пусто отправят назад.
Не помогайте священника сыну, дворянскому -
И без пособия выучат их,
А не помочь сироте и крестьянскому
Грех нам, учёные, грех.

Вторая песня Зарывина, посвящённая сыну

Родился в деревне он глухо,
Митюхой деревня зовёт,
Но с грустью в селе про Митюху
Один из безвестных поёт:

«Судьба моя, что ли, такая?
Тебя мне любить привелось -
И так высоко, что на многих
Смотреть уж пониже пришлось.

Не кудри меня приманили,
Не грудь и не чёрная бровь,
Тебя завещала любить мне
К развитию народа любовь.

Теперь её кинуть мне жаль уж:
Давно та любовь завелась,
И если бы мог ты увидеть,
Как пышно она развилась!

Да жаль, не настолько мы зорки,
Чтоб видеть, как сердце горит,
Красив ли цветок нашей жизни,
Куда с него пыль полетит.

Посмотрят на карточку дома
И скажут, я знаю одно:
«Гляди-ко: Зарывин с Митюхой -
Чудно, дядя Павел, чудно»

«Ну, пожалуй, дядя, будет.
Будут люди засужать».
-Да, пожалуй, что засудят.
Будем сказку продолжать.

Этот случай, слишком мерзкий,
Попечителя привёл
К мысли грустной, может — дерзкой,
О значенье сельских школ.

Он кричал: «Крестьян побольше
Нужно в город отправлять;
А как выучатся, дольше
Жить в деревне заставлять.

Здесь железная дорога.
Тужат: мало ездовых.
Средство есть, их будет много:
Даром брать учеников.

На егорьевской платформе
Тоже мать из Звездина
Встретить вышла б сына в форме
(Для чего она нужна?),

И пред всем народом сына
Целовала б горячо.
Нам подобная картина
Не наскучила ещё...»

Я опять... Прости, читатель,
Что сбиваюсь иногда!
Может, с вами, как писатель
Не увижусь никогда.

Не с претензией поэта
Вздумал я писать стихи,
Хоть и очень лестно это
(Ха-ха-ха да хи-хи-хи!).

До поэтов от погоста,
От святых почти ворот
Далеко... А вот вопрос-то,
Чтоб попомнил наш народ:

Если любит кто ученье,
А карманчику невмочь,
Так иметь бы попеченье,
Как бы бедному помочь.

Как и в сказках говорится:
Бедность — лютей богатырь,
Где в гостях она явится,
Там пустырь да монастырь.

Роет всем она могилу.
Нужно, значит, силача,
Чтобы бедность, злую силу,
Со всего рубил плеча.

Нарождается детина
В царстве белого царя;
Называется Складчина,
Сын Труда-богатыря.

Выступай, голубчик, смело
Против бедности в поход,
Есть тебе святое дело:
В сёлах тысячи сирот.

Дожидаются Складчины
Выйти к ним помощи дать!
Что способным без причины
Даром в сёлах пропадать?

Вот выходит... Покормите
Молодого силача,
И пойдёт он, поглядите,
Бедность потчевать сплеча.

Не кормили, а кутили,
И наместо папирос
Предложили, прокатали
О Митюшеньке вопрос.

Прокатали!.. Где ж Складчина?
«Вот он, тут же. Что молчит?
Заколдован? Есть причина?
Сробел, молод, пьян иль спит?

Молод...» Крикнули все: - Браво!
Экономно, отказать! -
И про всех — грешны иль правы -
Он не мог ещё сказать.

Только шибко: «Кто же выше?» -
Спьяна молвил молодец.
Вдруг звонок: «Прошу потише!»
Все замолкли — и конец.

А. Завьялова. Журавли

Заключение

Сон Зарывина, им самим рассказанный

Я сборщиком шёл по столице,
На шею икону надев
И жертвы Небесной Царице
Проя на известный напев.

Вхожу в одно место. Картофель
Крошит там Митюшенко наш,
А рядом сидит Мефистофель...
«Картофельку, Митя, мне дашь?»

Хохочет: «Ты выучил важно,
Сижу я высоко, смотри,
Смотри, как поджарится влажно,
Так кушают только цари.

Прикончив твой курс гимназиста,
Я в Питер приехал служить,
Имею уж фартук форсистый,
Пять лет могу даром прожить.

Понятно? Две сотни в кармане,
А пища-то как хороша!»
Я всплакал, и скрылся в тумане
Разбитой душонки душа.

Неизвестный вологодский автор XIX века.

Автор неизвестен. Сказочный труд.

СОЛНЫШКО

Слушай сказку про Лидию из деревни Петровское, что под Вологдой. Жила себе баба и жила, добра нажила, дочь подняла, платьями всякими обзавелась. Чего ещё надобно? Любая другая баба радовалась, а эта — нет. Надо ей какую-нибудь чудинку приобрести, соседей удивить, самой себя барыней показывать. И удумала Лидия дома себе разные да земли близкие прибирать к рукам. Начала с того, что терем рубленный-строганный заимела. Стоит терем посреди деревни, как чудо: на солнышке сверкает, крышей блестит, из трубы дым валит... Радоваться бы хозяйке, ан, нет. Задумала она другой терем-замок построить. И построила эо чудо невиданное! Кирпич красный, крыша белая, окошки резные, разные узоры лепленные... Во всей округе такого нет. Радоваться бы... Нет, не такова Лидия. Задумала она крепость возвести, как у немца или испанца. Мастеров созвала — работа закипела. И появилась крепость с большущими часами. Бой у них по времени — само собой. Небывалой красоты вышла крепость.

Радоваться бы... Нет, Лидии неймётся. Она всё новые и новые дома приобретает. Как-то спохватились жители деревни, нет города к той поре, где Лидия ихняя что-то не настроила. И самой не видно. Стали искать и нигде не находят. Столько у неё домов, разве скоро отыщешь? Одни сказывали, что видели её на новом строительстве мудрёного дома. Другие толкуют о том, что Лидия подалась в иные города и там скупает баские дома-терема. Третьи говорят, что она растворилась в домах-жилищах, и кто её вспоминает, тому она приносит счастье и радость в дом. Не знаю, кому и верить, но в моей сказке у неё долгий век. Внук её Мишутка всё ищет и ищет бабу Лиду. Она звала своего внука «Солнышком». И когда Мишутка-малышок подходит к какому-то дому-терему, на котором играет солнышко, он показывает пальцем на блики-отблески и говорит: «Я!» Ты, милый, ты! Ты ведь и продолжение её, тебе теперь и творить чудеса. Какие? Об этом в другой сказке.

ЗАПИСАЛ И. УВАРОВ

ПРО НАЗАРКА

Жил бедный Назарка. Домёнку у него был худой, скотины не было. Потом он решил продать и домик. За десять рублей продал и пошёл в Чёбсару к Калякину в кабак.

Отдал все десять рублей Калякину и сказал: «Ты мне подавай, а когда деньги кончатся, мигни мне». А на десять рублей сколько можно было выпить — по две копейки бутылка. Заказал бутылочку водки, рыбник и всех поит.

Приходят три попа, потом из извозу приехало мужиков двадцать:

-Хозяин, дай им чаю, я заплачу.

Вот попы глядят: шикует Назарка.

Хозяин мигнул: кончается, мол. Назарко подошёл к хозяину, шляпой помахал:

-Хозяин, в шляпе квито! - и к выходу.

Попы переглянулись: шляпа-то какая у Назарки!

-Эй, Назарка, погоди!

-Чего вам?

-Продай шляпу.

-Что вы! Видели, как я рассчитался?

Не отстают попы:

-Продай шляпу!

-Ой, не знаю, сколько за неё и взять. Ну, ладно — по двести рублей с брата!

Шестьсот рублей заплатили. Назарко деньги в кошелёк. Пришёл, домик купил, лошадёнку купил, живёт себе припеваючи.

Попы не пошли в Чёбсару, приезжают в Вологду, пошли в «Золотой якорь», шикарный ресторан.

Всем трём нельзя идти сразу.

Один поп пошёл. Он набрал всего рублей на сто. Помахал шляпой:

-Хозяин, в шляпе квито!

Тут его схватили:

-Чего это ты, дьявол долгогривый, не платил ни копейки!

Схватили его, оттрепали и книзу головой спустили под лестницу.

А те два попа ждут.

-Ну, как?

-Ой, добро, ребята! (Ему обидно, что этим-то не досталось).

Другой пошёл. Набрал вина и закуски рублей на двести.

-Хозяин, в шляпе квито!

-Да что это! И другой нашёлся!

И этому наподавали. Выкатывается, а первый-то хохочет. Такая шляпа изладилась!

-Ну, что, как, брат?

-Добро нагулялся!

Двое нагулялись, надо и третьему.

Третий ещё больше набрал всего. Подходит к прилавку:

-Хозяин, в шляпе квито!

-Да что, - говорит, - конец-то будет?!

И этого оттрепали, вниз головой под лестницу спустили.

Поддали им, хорошо попало. Все трое собрались:

-Пойдём, убьём Назарку.

Поехали домой, собрались Назарку бить.

Назарка видит: идут попы.

А он клячу купил. На навоз серебра набросал. Сидит, выбирает серебрушки.

-Бог помощь, Назарушка! (Про шляпу и не спрашивают).

-Чего делаешь?

-А вот, купил лошадь, а она серебром оправляется. Вот уже три рубля набрал.

-Продай нам!

-Да как я продам, вот сидя триста рублей наберёшь.

-Продай!

-Да что вы! В жерёбе лошадь.

Ну, сговорились за восемьсот рублей.

Тот, кому первую ночь коня держать, дал ему меру пшеницы, зерна насыпал.

Поп сидит в углу, ждёт. Вот лошадь хвост оттянула — поп полу подставил, повалилось. Потом и шляпу подставил. Побежал в избу — прямо на стол:

-Иди, попадья, ищи.

Как они ни рылись, ничего не нашли, кроме зёрен.

Все три попа попробовали и решили убить Назарку.

А Назарка женился за это время и знал, что его бить придут попы. Надул пузырь, налил крови и привязал его бабе под левую руку. Плётку достал, что на стене висела.

-Я буду заставляю самовар ставть, ты не ходи, в тебя ножиком шаркну, ты свались.

Попы идут:

-Садитесь, садитесь, дорогие гости, ну-ка, давай, ставь самовар.

-Неохота, ну тебя!

-Ой, такая сякая, я тебя!
Ножиком её в пузырь, она — на пол.
Упала, кровь потекла. Попы глаза вытара-
щили: заколол бабу.
-Ничего, ничего, сейчас шёлковая будет.
Схватил плётку и давай стегать бабу, а она
как закричит:
-Сейчас поставлю, сейчас самовар поставлю!
Попы глядят: что такое, баба как шёлковая
бегаёт!
И попам захотелось выучить своих матушек.
-Продай плётку!
-Нет.
-Продай, по пятьсот рублей дадим.
Назарка согласился. Вот один приходит
домой в непоказанное время. Кондратьевс-
кий ножик, хороший такой, лежит.
Он рычит:
-Напеки-ка блинов.
-Да что ты, уж девять часов!
-А, ещё не слушаешься. Ты у меня не ста-
нешь?
Как саданул ножом, а потом плёткой сте-
гать, но так она и не встала.

В. Сергеев. Путник

Тут и заревел:
-Ой, бабу зарезал.
Выучил! Ему обидно стало, он другим и ска-
зал. И все три попа зарезали своих матушек.
А Назарка не мог больше придумать ни-
чего. Взял дубинку и всех трёх попов убил.
Одного попа в угол посадил, а другого в
подпол.
Кричит соседу:
-Филька, зайди ко мне вечером.
Зазвал Фильку.
-Давай, Филья, я угощу. Попа я убил, ста-
щи его в Вологду, в реку.
Схватил тот, брякнул его туда в прорубь.
Пока он ходил, Назарка вытащил другого,
в угол посадил.
Филька является:
-Ну, как, стащил? На, выпей.
Тот выпил много.
-Парень, ты его утащил, а он вот стоит!
-Да как он, дьявол!
Царапнул этого и стащил.
Прибегает бегом, чтобы успеть быстрее.
Дверь открывает,
а он сидит в углу.
-Слушай, да ты камень привяжи.
Филька царапнул этого, камень привязал,
да жердью под лёд и пихал всю ночь.
Смотрит утром — священник идёт заутре-
ню служить.
-Ах, ты опять здесь?
Он и живого попа цап и потащил.
Тот верещит, насилу народ отнял.
Всё-таки этого спасли.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Выйду за ворота, посмотрю далёко,
Посмотрю далёко, где луга, болота,
Где луга, болота, озёра глубоки.
Во этих озёрах живёт рыба щука,
Живёт рыба щука, белая белуга,
Белая, белая, как моя милая, -
По бережку ходит, живу рыбу ловит, -
Неводом закинет, живу рыбу вынет -
Куда млада сести осетрину чистить?
Сяду, поприсяду к зелёному саду,
Ещё пересяду на луг, на долину,
На луг, на долинку, к милому на тропинку:
Куда мил не пойдёт, меня не обойдёт;
Куда не поедет, меня не объедет;
В саночки посадит, городом прокатит.
Город - не деревня, Вологда губерня!

* * *

Не надейся, добрый молодец,
Ты на подружку, на голубушку,
На сестрицу, на лебёдушку.
Как ушла наша подруженька
В монастырь Богу молитися.
Ты поезжай-ка, добрый молодец,
Ты в матушку-то Вологду,
К тому купцу-то богатому.
Как у того купца-то богатого
Три дочери милые.
Три лебёдушки белые,
Дешевые, хорошие:
Первая-то дочи - денежка,
Вторая-то - полущечка,
Третья - копеечка.

* * *

Ой, да как из речки, реки да реки Сухоны
Ой, да в пору давнюю да старопрежнюю
Выплывали струги да струги быстрые.
Ой, да белопарусные да снаряжённые.
Ой, да будто лебеди да полногрудые

Плыли те стружки да вдоль по озеру,
Ой, да вдоль по славному да по Кубенскому.
На переднем стружке да на беседочке
Ой, да сидел царь-государь да Пётр
Олексиевич.
Ой, да позади-то ево да Саша Меншиков,
Ой, да разудала да буйна голова.
Ой, да показалось Петру да Олексиевичу,
Ой, да наше озеро да свят Кубенское
Мелкой лужицею.
И на тех на стружках да на снаряжённых,
Ой, да со своими слугами да со дружиною,
Ой, да покати́л государь да к морю Белому,
Ой, да корабли снастить да океанские.

* * *

Гуси, вы гуси, лебеди,
Да куда вы вечер летали?
Уж мы летали, летали
Да на синё море плавати.
Уж вы што там увидели?
Да уж мы видели, видели:
Да бела лебедь купается,
Да бела лебедь улыбается.

В. Сергеев. Отражение в воде

Што же вы её не взяли?
Да хоша мы её не взяли,
Мы её заприметили,
Да право крыло заломали.
Поезжана, поезжана,
Да куда вы вечер ездили?
Уж мы ездили, ездили
Да во село во Кубенское.
Уж вы што там увидели?
Да уж мы там видели, видели
Душу красную девицу.
Што же вы её не взяли?
Да хоша мы её не взяли,
Да мы её запоручили
Да за поруки за крепкие
Да перстни вековечные:
Попы письма написали,
Дьяки руки приложили.
Тут взговорила девица:
Вон идёт погубитель мой,
Да вон идёт разоритель мой,
Вон идёт потеряй-красу,
Да вон идёт расплетай-косу!
Тут взговорил молодец:
Уж не я погубитель твой,
Да не я разоритель твой,
Уж не я потеряй-красу,
Да не я расплетай-косу -
Погубитель твой - батюшко,
Разоритель твой - сватушко,
Потеряй-красу — тысецкой,
Расплетай-косу — свахонька!

* * *

Таки нет такова,
Да лей, лей!
Такова нет молодца,
Да лей, лей! (Припев повторяется после
каждой строки.)
Не в Питере, не в Москве,
Да не в Новгороде,

Не в Астрахани.
Появился такой
Во Нефёдовском правлении,
Во Никольском приходе
Во Нефёдове деревни,
Как у Павла во дому,
Што у Марьи в терему,
У Просинье за столом:
Сидит цист и рецист,
Говорить душа горазд,
По изотцеству Михайлыц,
А по имени-то Фёдор.
Вся головушка в кудрях,
И по кудрям-то у его
Золотцо перевито.
Опросиньюшка стоит
И Матриевна твердит:
Кабы вера-то была,
Завереньицо слыло,
Купила б рыбий гребешок,
Расцесала бы кудри,
Развила бы ленточки.
Уж ты слышишь, Фёдор,
Понимаешь ли, Михайлыц?
Мы не писню ведь поём,
Тибe цeсть отдаём,
Тибe цeсть и хвала!
Опросинья хороша:
Без подставы высока,
Без подвивоцки толста,
Без белилоцки бела,
Без мазилец румяна.
Уж ты, Фёдор, не стыдись,
Стань на ножки, поклонись.

* * *

Сыроелье река протекала,
Да подо все города подошла,
Подо все города подошла,
Да под Москву, под Вологду,
Под Москву, под Вологду,

Да под город Архангельский.
Под город Архангельский,
Да под правление Шевденицкое.
Под правление Шевденицкое,
Да под волость Долговицкую.
Под волость Долговицкую,
Да под деревню Подволочную,
Под деревню Подволочную.
Да удалой добрый молодец
Свет и Пётр да Иванович
На коня суряжается,
Ко двору приезжаючи,
Ко двору, двору тесовому
По душу по красну девицу,
Что про Веру Николаевну.

* * *

Вы, милые подруженьки,
Дарите казной несчётною!
Вам можно знать да можно ведать -
Мне не нужна золота казна
Ни на платье-то цветное,
Ни на красную-то красоту,
Не неволю выкупить буду,
Не от неволюшки откупатися.
Вы скажите мне, милые подруженьки,
Куда издержать да золоту казну?
Я сама, девушки, догадлива,
Я принадала да придумала,
Куда издержать да золоту казну:
Мы сей ночи да в тёмну ноченьку
Мы не поспим да до ночки тёмные,
Запряжём да доброго коня,
Уж мы съездим в город Вологду,
Мы разыщем фотографию,
Снимем патрет да с себя карточку
С милого да лица белого,
Пока душечкой я красной девицей,
Пока с вами я, подруженьки.
Обойдётся пора-времечко,
И я буду под неволюшкой;

Как с тоской-то мне стоскуется
Об девичьей воле девичьей,
Погляжу я, красна девица,
На свой патрет на карточку,
Как припомню и припамячу.
Когда была душой девицею.

* * *

Прилуцкие ребятницы,
Слободские забавницы,
Турундаевские носастницы,
Горошницы манежницы,
Ершовские бездельницы,
Козинские плетечницы,
Елыинские тряпочницы,
Лынеские табачницы,
Ребровские лапушки;
Не по промыслу заводы завели,
Не по просеку быка провели;
Бык не по бычьей стать,
На быке есть синенький кафтан,
Опояска ала шелковая,
Рукавицы барановые,
За них денежки неважные,
Красны девицы целованные.

* * *

Повезут тебя, бра... ох ...телко, тебя
С деревни да во де... ох .. ревью, тебя
С волости да и на... ох волос (т) ь, тебя
С городу да на... ох.. город,
Тебя пригонят жо, бра... ох ...телко, дак
В первый город-от Во... ох ...логду.
Дак с тебя сымут жо, бра... ох.. телко,
С тебя кошульку суко... ох ... иную!
Тебе дадут жо ведь, бра... ох .. телко,
Тебе шинель ту ведь се... ох .. рую, дак
Серую, да и до... ох .. лгую!
Дадут сапожки сафья... ох ...новые,
Дадут фуражку солда... ох.. цкую!
Тебя поставят жо, бра... ох ...телко, тебя

На часы в карау... ох ..льщицьки!
Тебе дадут-то ведь, бра... ох ...телко,
Тебе ружьё-то вое... ох ...иное -
У тя пришиплёт белы... ох .. ручки дак
Ко ружью ту вое... ох ... иному.

* * *

Ах ты, воля наша, волюшка,
От весны воля до осени!
А на осень воля окажется:
Будет большое солдатствие,
Большое, превеликое,
На три города губернские:
На первый город - на Биржевский,
На второй город - Сереговский,
А на третью - на славну Вологду,
На сиротских малых детушек.
Повезли наших ребятушек,
Забривать стали головушки,
Накидать стали фуражечки,
Надевать стали шинелюшки,
Что солдатские шинелюшки...

* * *

Чёрт возьми, какая скука!
Беспрестанно, хоша плачь!
Во солдаты везут нас.
В город Вологду привозят,
Прямо к Гусеву на двор.
Там нам ужина готова
И ведёрная с вином.
Уж мы выпьем да закусим,
Во трактир гулять пойдём.
Во трактире мы гуляли
Вплоть до утренней зари.
Как зорюшка занялась,
Во приёмку нас ведут.
За нам старосты идут.
Что под меру становили,
Двух вершков не находили.
Меня ткнули под бока,

Натянули два верха.
Как забрякали ножнями
По моим русым кудрям.
«Погодите, не стригите,
Дайте батюшку придти!
Родной батюшка придёт,
На колени упадёт,
Русы кудри подберёт,
Во платочек завернёт,
Родной матушке снесёт.
Родимая мать возьмёт,
К ретиву сердцу прижмёт,
Горькими слезами обольёт».

* * *

Не за деньги моя гинет голова!
Делать нечего, родимая моя,
Собери-ка ты котомочку
На чужую дальнюю сторонушку!
Уж ты, тятенька родимый мой,
Запряги-ка ворона коня,
Отвези-ка в город Вологду меня!
Середь Вологды приёмненькая;
Во приёмной есть начальнички;
Остригут они волосьице.

* * *

Мы пойдёмте-ка, робята,
Во Кириллово гулять,
Себе девок выбирать.
Ой, ходил я, гулял я
Три ночи по рынку;
Искал я, искал я
Красные девицы -
Маринки на рынке;
Ой, дарил я, дарил я
Прянички-бабочки,
Начало медовки,
Орехи калёны
Девкам дарёны.

* * *

Что у месяца рога золотые,
И у солнышка-луны светлые,
Что у Родиона кудри русые
Из кольца в кольцо испронизаны.
Что за эти-то за кудёрочки
Государь его хочет жаловать
Первым городом - славным Питером,
Другим городом - каменной Москвой,
Третьим городом - Белым Озером.
На Белом озере там пива варят,
В каменной Москве там вино гонят,
В славном Питере там женить хотят,
У купца брать дочь у богатого,
Дочь умную, дочь разумную,
Домну Николаевну,
Со даньём её, со приданным,
Со бельём её коробейным.
Полно спати да высыпатися,
В крепкий сон да предаватися,
Пора стати да пробуждаться,
Пораньше да птички-пташицы,
До соборной да до заутрины.
Мне пройти было молодёшеньке.
Мне по светлым да по светлицам,
По высоким да новым горницам,
Поискати да молодёшеньке
Мне любезного брата милого.
Ты любезный да брат миленькой,
Об чём я тебя да просить буду,
Молодёшенька поговорю!
Ты сходи-тко, да братец миленькой,
Ты на славное Бело-озеро,
Принеси-тко, братец миленькой,
Ключевой да воды холодные.
Мне умыти да слезяно лицо!
Ты сестрица, моя голубушка,
Ты сходи-тко, да лебедь белая,
Ты ко матушке во спаленку,
Принеси-тко, да лебедь белая,

Тонко бело да полотенечко,
Мне утерти да слезяно лицо!
Не трудись-ко, да братец миленькой!
Я умоюсь, да красна девица,
Я своими да горючими слезами.
Не трудись-ко, да лебедь белая,
Ты сестрица, моя голубушка,
Я утрусь да красна девица
Кручинушкою да великою
И печалью да непомерною!

* * *

Во поле, во поле,
У Гладилина в конторе
Сидит шурин при уборе
На дубовом сундуке...
Пишет, пишет в три пера
Все канавские дела,
Просказали словеса,
Прорубалися леса,
Что от Чайки от реки
До зелёного лужка
И до шменьковского бережка
Тут канава пролегла.
Белозерская канава -
Парусам прежним убава,
Её Гладилин копал,
А граф Клейнмихен подмогал.
Белозерская канава -
Парусам прежним убава,
Мы не думали того,
Что опустеет Крохино
Да и Каргулино село.
А крохинские девицы
Они стали как вдовицы,
Сыра хлеба напечи
Да в Белозерское свести
На руках бухты носят,
А у них солдаты просят.

* * *

Уж ты лети, да уж моя красна красота.
Опущу я красну красоту,
Уж во своё да Белозеро.
Тут не место да не местицо
Уж моёй да красной красоте.
Уж пойдут да ветры буйные,
Уж разобьёт да вьюгами быстрыми
Мою красную да красоту.
Опущу я свою да красну красоту
Уж на тёмный да лес,
Повешу да на зеленую да ёлочку.
Уж пойдёт да полистник
Да пристрелит да мою красну красоту.
Тут не место да не местицо,
Уж моёй да красной красоте.
Опущу я красну красоту
Уж на пристань да на Кросинскую.
Уж пойдут да пароходики,
Разобьют мою да красну красоту.
Уж тут не место да не местицо,
Уж моёй да красной красоте.

* * *

Как во городе Череповце,
На большой широкой улице,
Как на стульях бело-дубовых,
Что на столиках убраннынких,
Против зеркала хрустального стекла
Что сидел тут добрый молодец душа;
Он сидел, кудри расчёсывал,
Ко русым он приговаривал:
«Завивайтесь, русы волоса,
По моему да по белому лицу,
Привыкай-ка, красна девица душа,
Ко моему уму-разуму,
К молодецкому характеру.
Как у меня, у добра молодца,
Спеси-гордости убавилося,
Ума-разума прибавилося».

* * *

Разливалась вода;
Тут ведёт Денис коня
За шелковы повода.
Он к воротам подводил,
Сам к колечку привязал,
Сударушке наказал:
«Сударужка, жизнь моя,
Сбереги мово коня!» -
«Я когда была твоя,
Берегла твово коня;
А тепере не твоя,
Не хочу беречь коня!..»
Я во горенку вошёл,
Ничего я не нашёл;
Во другую-то вошёл,
Тесову кровать нашёл.
На кровати-то перина,
На перине Катерина,
В головах у ней детина.
На нём шапочка смеётся,
Перчаточки говорят
Про грязовецких робят.
Как грязовецки робята -
Разнополы дураки;
А как зубовски робята
Разудалы молодцы.
Во Сафойлово вступили;

А. Завьялова. Аленький цветочек

Красных девок полюбили:
Перву Машу, другу Дашу,
Третью шанешку Дуняшу.

* * *

Как повадилась Анюша
Во Покровское ходить.
Ко покровскому попу.
А покровской-от поп
Он до девок очень добр.
Он почасту к девкам ходит,
Он помногу денег носит:
Когда рубль, когда два,
Когда пять-шесть серебра.
Как случилось у попа
Ни копейки, ни гроша.
Одна ряска хороша.
Он и рясу в перетрясу,
Он и рясу скидает,
Анюшеньке отдаёт.
Анюшенька не берёт,
Попа за руку ведёт
Во высокой во терем
С собой спать, ночевать
На тесовую кровать.
Щекатуры-господа
Увидали из окна.
Они хлопнули окном,
Побежали за попом.
Анюшенька не глупа -
Заперла в чулан попа,
Сама стала у крыльца.
«Щекатуры-господа,
Вы зачем пришли сюда,
Чего спрашивати?
Я одна в терему».
«Анюшенька, ты одна,
А ты выдай нам попа, -
За молебен заплатить -
Его в шею колотить».
Поп-от видит, что беда,
Он бросался из окна.
Он кидался из окна,

Растрепались волоса.
Вдоль по улице бежал,
Никто его не сдержал
Как к заставе подбежал,
Солдат ружьём удержал.
Три-четыре плухи дал,
Путь дорогу указал.
«Ты беги, беги попок,
Не срони... порток!»

* * *

Уж вы свет-государыни,
Мои подружки-голубушки,
Вы сходите, подруженьки,
К кузнецам, да к мастерам,
Уж вы скуйте, подруженьки,
По топору да по вострому.
Сходите, подруженьки,
Вы во леса во дремучие,
Вы во рощи зелёные
Да срубите, подруженьки,
По брёвнышку сосновому,
По другому по еловому,
Опускайте, подруженьки,
По матушке по Двинице реке,
Предпровадьте, подруженьки,
Под деревню под Вязовую
Выгружайте, подруженьки,
На крутые на бережочки,
На жёлтые на песочки,
На луга на зелёные,
На травы на шёлковые,
На цветочки на лазоревые.
Вывозите, подруженьки,
На своих на добрых конях
Вы по широкой по улочке
Ко мне под красно окошечко.
Вы срубите, подруженьки,
Вы мне-та тёплую парушу,
Тёплую да подвенечную
Мне с трём окошечкам с косящатам.

Намостите, подруженьки,
Вы мосточки калиновы,
Что от светлы светлицы
Вплоть до тёплые паруши.
Вы наносите, подруженьки,
Уж да дров да берёзовых,
С трёх ключей воды холодные.
Вы с первого ключа кипучего
Со другого со текучего,
Вы с третьего воды холодные
Вы наварите, подруженьки,
Мне троемыльного щелоку
Мне помыться попариться
Под венец поизладиться.

* * *

Что из улицы синий конь бежит,
Сивой гривой помахивает,
Золотой уздой натряхивает.
Это кто же на коне в седле?
Это кто же на коне в калиде?
Это Коля на коне в седле,
Это Валя на коне в калиде.
Он везёт, похваливается,
Своей Вале поношается:
«Как моя-то Валентинушка,
Без белил она белёшенька,
Без мазил румянёшенька,
Без подстава высокошенька,
Она без юбочка толстенёшенька.
Её бить-то, как ручки болят,
Целовать-то, как люди глядят,
И усонцы, и леденцы,
Костромяна и тотемцы,
А на закрепку наши логинцы.

* * *

Это нет кике белое, ей
Ни пути, ей ни дороженьки, да
Перевозилу лёгкого, да
Перебродилу мелкого! Да

Шла полями она нечистыми, да
Шла лесами она тёмными, да
И грязями она чёрными, да
Шла болотами вязучими, да
По колен да огрезнилася, да
По пояс да обмочилася, да
По заезку цепилася, да
По локоть да обрясалася! Да
Это есть да дивьей красоте, да
Ёй и путь, и дороженька, да
Перевозики лёгкие, да
Перебродики мелкие! Да
Мы возьмём-котё, подруженьки, да
Честную да дивью красоту да
Себе во белые ручки! Да
Понесём-котё, подруженьки, да
Мы на Сарженьгу-матушку. Да
Мы возьмём-котё, подруженьки, да
Топоры те булатные, да
Вострия те укладные! Да
Мы сплотим-котё, подруженьки, да
Плотик о три оплотинки, да
Посадим-котё, подруженьки, да
Честную да дивью красоту. Да
Посадим, да и отпихнём, да

В. Сергеев. Журавль

И накажемте, накажем: «Да
Поплыви, да дивья красота, да
Вниз по Сарженьге-матушке, да
Ты из Сарженьги-матушки да
Ты во Юг-от во батюшко, да
Ты из Юга из батюшка да
Ты во Сухону-матушку, да
Ты из Сухоны-матушки да
Во Двину да во широкою, да
Из Двины да из широкие да
Ты под девичой монастырь!» Да
Вот берёт да душа девица да
Себе во белые ручки да
Коромысла кленовые, да
Ведёрышка дубовые. Да
Вот пошла да душа девица да
И под девичой монастырь, да
Розмахнулась душа-девица да
Широко да широкошенько! Да
Зачерпнула душа девица да
Глубоко да глубокошенько! Да
Зачерпнула душа-девица да
Честную да дивью красоту да
Понесла да душа-девица да
Во девичой во монастырь да
Посадила душа-девица да
Честную да дивью красоту да
За престол да Богородице, да
Она стала выпрашивать: «Да
Ты откуда, откуд, красота, да
Ты какого уездику, да
Ты какого правленьица, да
Ты какого-то общества, да
Ты какие деревнюшки, да
Ты какого отца-матери?» Да
Она стала высказывать: «Да
Я уезду Никольского, да
Я правления Аргуновского, да
Я и общества Вахнёва, да
Я деревни Оксилова, да
Отца-матери хорош...»

* * *

Ой, мои милые подруженьки,
Вы поподвиньтесь, голубушки,
Вы в сутоцьки под окошецьком,
Да по брусовой-то лавоцьке.
Вы поглядите в окошецько:
Седни рано ли на двори,
Седни высоко ли солнышко?
Вы пойдёмте, голубушки,
Вы на широкою улоцьку.
Да походить да погулети,
Попеть весёлых-то песенок.
Да цасок да топеречи
Вы пойдёте, подруженьки,
Для меня, молодёшеньке.
Дак ищё я молодёшенька,
Запевать была первая,
Допевать не последняя,
Да глупа, глупа я девушка,
Да глупая, не разумная,
Я молода, не догадлива!
Да цасока да топеречи
Ищё мне, молодёшеньке.
Мне послать бы зыцёк голос
Да шелковым да клубоциком,
Да золотым-то комоциком.
Да покорись, мой зыцен голос,
Ты за моря-то за синие,
Ты за риценьки те быстрые,
Ты за леса дремущие,
Ты во первый град – в Тотьму,
Ты во второй град - Вологду,
Ты во третий град - Питер.

* * *

Всё доходит жо мамушка
До Дунай - реки быстрые,
Да Кокшеньги-то славные.
Всё ведь просит жо мамушка
Да не плота, да не лодоцьки,
Да тонки, тонки-то жордоцьки.

Да пойду встречу я, девица,
 Своей рыдимыя мамушки.
 Брошу, брошу я, девушка,
 Уж я тоненьку жордоцьку,
 Да я подам руцьку правую,
 Перевезу жо я, девица,
 Да за Кокшеньгу-то славную.
 Вот доходит жо мамушка
 Да до широкой-то улоцьки,
 Слушат, слушат-то мамушка,
 Да что у нас в доме деетце.
 Да ко крыльцю подвигаетце,
 Да на крыльце не вздымаетце,
 Да за кольце не примааетце,
 Да встречи дожидаетце.
 Слава да слава Богу,
 Слава родимому Христу,
 Дождалась-то я, девица,
 Да со тово свету белово

Да я родимой-то мамушки.
 Да глупа, глупа я, девица,
 Да молода-недогадлива,
 Да у людей не спросилась,
 Да сама не догадаласе:
 Да со того свету белово
 Да не выходят-то выходци,
 Да не выносят-то вестоцьки.
 Да по зиме-то студёною,
 Да по насту снегу белому
 Да не растёт мурава-трава,
 Не зеленеют лужоцики,
 Да не растут цветоцики.
 Да от сухого-то деревця
 Да не бывает ростеньица,
 Да от серово-то камецька
 Да нет распродленьица,
 Да с тово свету белово
 Да не выходят выходци.

* * *

Мои сизые голубушки,
 Мои милые подруженьки,
 Да стадо вас лебединое,
 Да с краю все до единые!
 Не и кажной вас на имя,
 Да и кажинной вам кланяюсь.
 Дак похитите, голубушки,
 Дак стороны те немилые,
 Да деревни некрасивые
 Да распроклятые Павлоськи.
 Дак шчё стоит ета деревня,
 Дак во делу-то от мисеця,
 Да в западу-то от солнышка.
 Да шчё ко етой жо деревне
 Дак нет пути, нет дороженьки,
 Да нет дорожки широкие.
 Да стоит ета деревня
 Не по плану распланирована,
 Дак шчё стоит ета деревня -
 У их поля не с припольками,

В. Сергеев. Скачущие кони

Да лужья не с пригорками,
Да не растут хлеба белые.
Насевают пшеницею,
А вырастает торицею.
У их суседи не славные,
Да суседки не главные,
Молодци не удалые,
Да девушки не поставные.
Стритетце - не поклонитце,
Постоят - не поговорят,
А разойдут - разругаютце.
Мои сизые голубушки,
Мои милые подруженьки,
Дак стадо вас лебединое,
Да с краю все до единое,
Да не с кажонной вас на имя,
Да и кажинной вам кланяюсь:
Похвалите, голубушки,
Сторону ту родимую,
Да деревню ту красивую,
Нашу славную Русаниху.
Наша славная Русаниха
По плану распланирована,
Да по посаду поставлена.
У нас поля те с припольками,
Да лужья все с пригорками.
У нас растут хлеба белые,
Дак насеваем торицею,
А вырастает пшеницею,
У нас суседи те славные,
У нас суседки те главные,
Да молодци те удалые,
Да девушки те поставные.
Стритятце да поклонятце,
Да постоят да поговорят,
Оне пойдут да оглянутце.

* * *

Заблудилася красавица в лесу,
Выходила на Кокшеньгу на реку,
Выстилала кашемировый платок,

Набирала сладких ягодок пяток,
Укричала: «Перевозчик молодой,
Увози меня в ту сторону, домой!»
«Красавица, нынче дорог перевоз».
«Перевозчик, что те надобно, берёшь!»
«Красавица, выйди замуж за меня».
«Перевозчик, это воля не моя -
Это воля-то батюшкова,
Сверх того матушкина».

* * *

Нагонили-наехали
Сондушана-то диктё да на ожигах
да на банных на виниках.
Да возьмите дубейнюшку, да возь-
мите деревейнюшку,
Да и выкупите невестушку.
Нагонили-наехали
Кони всё одношерстные, молоци
под одно лице,
Саночки-то дубовые, дуги всё зо-
лочёные.
Уж спасибо вам, спасибо, вам спа-
сибо великое;
Дорогая у нас невестушка.

* * *

Ой вы совитяна, хорошие робята,
перевезите-ко за реку.
Ой, вы за Сухону..
Перевезите меня, не потопите, ой,
ко милому-то ко крыльцю.
Ко милому крыльцю..
Дак у милого крылецико, ой, всю-то
я правдушку росскажу.
Ой, всю правду скажу..
Да я ли недолоцькё во гостях гости-
ла, ой, висть-то нерадошная пришла.
Ой, пришла..
Да уж висть-то нерадошная пришла,
пецальная, отстал миленькёй от меня.

От меня...

Дак уж отставала, с недилю тосковала, я во постелькю слегла.

Ой, слегла...

Да уж хоть немножко полегче стало, да вышла в полюшко погулять.

Погулять...

Дак уж вышла-то в поле я только до завору, не один-от милой идёт.

Ой, идёт...

Да уж не один-от идёт милой, с артелью, он ведь весело-то песни поёт.

* * *

Я уцюла-услышала
Да звонцяты колокольчики,
Да звонцяты, столь не прозорки.
Да испугалосе у меня
Моё сердечко ретивое,
Да подломилсь у меня
Да мои резвы ноженьки,
Да распустились у меня
Мои белые руценьки.
Да мне куды сцясь деватисе?
Да мне ийти, молодёшеньке,
Да мне на славную Тарногу,
Да ийти мне утопитисе.
Да наша славна Тарнога
Да сколь мелка-перебориста,
Да переборы те цястые,
Да негде мне утопитисе,
Да не толи утопитися -
Да негде мне да умытисе.
Да мне ийти, молодёшеньке,
Да во леса заблудитисе.
Да всё леса те знакомые,
Да перелески сажоные,
Да негде мне заблудитисе,
Да мне ийти, молодёшеньке,
Да в Киев Богу молитисе,
Да к соловецким-то за море.

* * *

Стоит Маша на горе,
Машет правую рукой,
Перчаточкой голубой.
«Не ходи-ка, мой милой,
Нашей Сухоной-рекой,
Ходи, миленькой,
Ты крутой горой.
Наша Сухона-река
Широка и глубока.
Зайдёшь, миленькой, в болото,
На болоте-то осока.
Что осока высока,
Она стелется, плетётся,
Не по нас ли, мой любезной,
Молвушка несётся?»

А. Завьялова. Улетели листья

Про нас слава нехороша,
Будто я тебя люблю.
Что кому какое дело,
Что я с милым дружкой села,
Что я песенки попела?
Запевай-ка, любезная,
Ту, которую ты знаешь,
Что которую не знаешь,
Коя веселее».

* * *

Задушевные вы мои подруженьки,
А послушайте, што я вам скажу.
Послушайте, што я вам скажу,
А дам целковенькой - подьте приве
дите-ко,
Я которого верно да люблю.
Я которого верно да люблю,
Я люблю белово, Ваню белокозово.
Холостово да не женатово.
Холостово да не женатово,
А росцесал милый русые кудёрышки
А цястым мелким медным гребешком.

Цастым мелким медным гребешком,
А надевает он лёгонькую кремоцькую,
А сам ко любушке в гости да пошёл.
Сам ко любушке в гости да пошёл,
А слуцилосе, милому повелосе
Церез Сухону-реку да ийти.
Церез Сухону-реку да ийти.
А через эту быструю рецюшку
А ни какво переходу да нет.
Некаково переходу да нет,
Одна лавенка, и та изогнуласе,
Белокошой Ваня потонул.
Белокошой Ваня потонул,
А понесло ево лёгонькую кремоцькую
Ой вниз по Сухоне, славной да реке.
Вниз по Сухоне, славной да реке,
А посерёдоцьке, самой глубине же,
По серебряной мелкой да струе.
По серебряной мелкой да струе,
А давно, давно я милова не видала,
Голосоцьку да ево не слыхать.
Голосёцьку да ево не слыхать,
А только слышала ево голосёцик

А. Завьялова. Тихая моя Родина

Далёко за тёмненьким да леском.
Далеко за тёмненьким да леском,
А лес-от тёмной, стоит сосняк зелёной,
Наклонивсе да лапоцькам да к земле.
Уж вы соколы, соколы, соколы пере-
лётные,

Молодцы переезжиё, вы куды вечер
летали?

Уж мы летали, летали уж мы с моря
да на море,

Уж мы с волости на волость, из дерев-
ни в деревнюшку.

Прилетали во деревнюшку, во дерев-
ню Великий Двор.

Уж вы што там увидели? Уж мы виде-
ли, видел

На синем море утоцькю, не приплёске
лебёдочкю,

В терему красну девицю. Уж вы што с
собой не взяли?

Уж мы не взяли, не взяли: у ей крыле
ощипано,

В синё море искидано...

* * *

Град Великий Устюг лъзя назвати
славным:

Он над Солюю, и над Лальским, и над
Тотьмой главным.

Затем, что стоит весьма на месте при-
ятном,

Не на мокром, не грязном,

Не мшистом, не болотном,

Но на месте песчаном, в полях плодо-
родных.

Не слышать округ его дебрей непро-
ходных.

На весёлом на берегу, над быстрой
рекою

Он стоит, будто смеётся своей кра-
сотою.

Земляной вал средь него насыпан
высокой,

Вокруг себя ископаны имоть рвы
глубоко.

Улицы высокими дворами богаты,
На берегу суть пастырски дивные па-
латы.

Подъте, подъте сюда, вси окрестны
граждана,

Холмогоры, вятчана и вы, вологжана,
Взгляните завистными на сей град
очами,

Полюбуйтесь, подивитесь и при-
знайтесь сами,

Что нет такой красоты у вас в гра-
дах ваших,

Как Устюг веселит сердце граждан
наших.

* * *

Как во Устюгской округе,

Во Двинской было трете,

Как по Синеге реке,

Синегорской волосте,

На грибановской земле

Распростроился завод.

Как на этот на завод

Набирают тут народ;

Набирают, нанимают,

Приучают к мастерству.

Есть крестьяне, есть купцы,

Ярославски молодцы.

Еся также ровнячки,

Навивают тюрички.

Где-то мотики мотают,

Полоротые стоят,

Как кудельчицки,

Они просмешнички,

Как ручные теркачи

Настоящи сорвачи,

Панско робят полотно,

Они гуляют заодно.
Девка улицей идёт,
Парню Бог помочь даёт.
Девка видит: парень глуп,
Поднимала медный руб.
Парень вовсе бестолковый -
Отдал девке весь целковый,
Девка денежки взяла,
Со иным гулять пошла.
Как на этом на заводе
Избалован весь народ,
Исплутован весь народ.

* * *

У Грибанова на ткацкой
Дух поповский и кулацкий.
Здесь рабочий, словно нищий,
Без квартиры и без пищи.
Миллионы барышей
Создаёт он из грошей.
И несчастный тот народ,
Кто на фабрике живёт.

* * *

Перво горе на меня:
Нет милого у меня.
Второ горе на меня:
Мил далёко от меня.
Он во дальней, он во дальней
Не во здешней стороне.
Через три речки быстрые,
Через три поля чистые,
На крутом бережку,
В белокаменном дому.
По беседам милый ходит,
Под палатами сидит;
Во кругу милой вертится,
Во серёдке не садится;
Хоть в серёдке сидит,
Ничего не говорит.
Пошли девушки домой,

Разговаривал со мной.
Полно, милый, чваниться,
Полно ти куражиться,
Полно, милый, быстриться,
Станем жить, как водится.
Я скажу словечко:
Ты не робь, не работай!
Тебе жребий сулят,
Неженатый, холостой,
Дадут жребий шестой.
Увезут тебя в Устюг,
Там обреют, остригут.
Остригут тебя, огладят,
Сиротой меня оставят.

* * *

Порассорился баран с козлом,
Помутилася вода с песком,
Что у нас-то вода не вода,
В Ярославле вода холодна.
У Василия жена хороша
Да Аксинья Николаевна.
Без белил она белёшенька,
Без мазил румянешенька.
Её бить-то, так ручки болят,
Целовать-то, как люди глядят:
Костромяне да тотемцы,
Устюжане да леденцы,
Со приездом, чучковляне,
На закрепу - скомороховцы.

* * *

На Исадах пароходы пристают,
На Мутовине лесок невысок,
На Черменине рассыпался песок.
Ещё Кичуга в логу, логу, логу.
Стоит Печерза на самом берегу.
Офонасовец - крутые берега.
А в Давыдовском вода глубока.
Под Скорятином река широка.

На Лодейке-то вода велика.
 Под Соловьёвом приставала верхота,
 На Прилуки-то идут бережком.
 На Каликине угор велик.
 На Красавине дородно жить.
 Что Сорочка - деревня мала,
 А на Власове широкие поля.
 На Глазатове река глубока,
 А уж в Ястреблёве берег высок,
 За Одомничиним зелёный лесок.
 Благовещенье далёко от реки,
 А за рыбкой все же ходят мужики.
 А Гремячего у самой реки,
 А живут-то там одни старики.

В. Сергеев. Женщина и птицы

А в Осинове малы берега,
 Там спуститься можно в два шага.

* * *

Уж ты свет лебедь белая,
 Наша сестрица-голубушка,
 Добро идти жаловать
 Во баню во парную,
 Жаркую, паровитую,
 Тёплую, подвенечную,
 По высокому терему,
 По мосту калиновому,
 По переводам малиновым,
 На крылечко красное,
 По лесенкам брусчатым.
 На широкой-то улице,
 Да под сутным окошечком,
 Стоит яблонь кудрявая,
 Да до бани до паруши
 Стоят сады-то зелёные,
 Да кругом бани-то паруши
 Стоит тын позолоченный,
 Да на каждой тычиночке,
 По золотой по маковке,
 На каждой-то маковке,
 По птичке по райской,
 Поют песенки царски.
 Во бане во паруше
 Двери стеклянные,
 Косяки хрустальные,
 Середь бани-паруши
 Стоит колодка серебряна,
 Черпачок позолоченный,
 Стоит каменка жемчужная,
 Лежат веники шелковые,
 Три окошка косешные,
 На окошках косешных
 Лежат три мыла, три разные.
 Перво мыло бело из Великого Устюга,
 Друго мыло красно, везено из Астрахани,
 Третье мыло пестро, из Костромы.

* * *

Обошёл Никольский рынок
Семь рядов фоминских кринок
Тут и чашек, эй, эй, эй
Восемь пар висит лаптей
Есть и лыко, есть и вар
Есть и весь другой товар,
Есть и булка с калачом,
Пирожочек с рыбкой,
А еще торговый есть
Валентин сербином хлесть,
По базару он ведь ходит,
По народу взором бродит.
Я зашел в кабак к Лаврушке,
Там завидная пирушка,
Там и Синка, и Дресвянкин,
Заболоцкий сам боярин,
Вся там свита в угол сбита.
Появился тут Никита
Криводеесвский печник,
Кирка за поясом торчит,
Банку худеньких сельдей.
По дешевке продают
Водолаз налим пятнистый
Стоит рубль.
Жерех, щучки и плотва - два,
А карасик золотистый за пятак,
Краснопёрочка - и так.

* * *

Уж как нонче да нонечи, да
Нонче час до теперечи да
Не услыш-ко, послушайся, да
Мой родной-от брателко! Да
Ты возьми-ко ты, брателко, да
Себе во белы рученьки да
Топоры всё булатные, да
Вострия да укладныё! Да
Ты сходи-ко ты, брателко, да
Во леса да во тёмные! Да
Уж ты сделай-ко, брателко, да

Мне-ко лёгкую лодочку да
Дубовые весёлушка! Да
Унеси-ко ты, брателко, да
Ты ведь лёгкую лодочку да
На реку да всё на С (Ш)аржёнгу!
Уж как нонче да нонечи, да
Нонче час да топеречи да
Что пошла да дивья красота да
От души красной девицы да
По полати дубовые, да
За пороги высокие, да
На мосты на калиновы, да
На большую дороженьку! Да
Что пошла да дивья красота да
Что до ричушки быстрые, да
До реки до глубокие, да
Что до лёгкие лодочки, да
Она села, поехала да
Вниз по С (Ш)аржёнге-матушке, да
Что по С(Ш)аржёнги-матушки - да
Что во Юг-то во батюшко, да
Что из Юга-то батюшка - да
Что во Сухону-матушку! Да
Доплыла да дивья краса да
До Великого Устюга, да
До дивьёго монастыря.
Ой, от дивьёго монастыря да
Вышла красна девица да
С дубовым да ведёрышком, да
С кленовым да коромыслицём! Да
Розмахнула, почерпнула да
Мою дивью ту красоту, да
Она стала выпрашивать, да
Она стала рассказывать, да
Уж я чья да откуда: «Да
Я с деревни Калинина!»

* * *

Из-под ели река текла, ели-ели-ю!
Подошла река быстрая, ели-ели-ю!
Под Москву и под Вологду, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая под Устюг, ели-ели-ю!

И под хорош город Архангельский, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под тайбольски Нисогоры, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под грузну волость Кельчемгору, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под красен хорош Березничёк, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под праведного Иова, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под славну-то Усть-Вяшку, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под хлебны-то лавочки, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под винны-то стоички, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под винны, под пивны, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под Егорецку горочку, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под грузну волость Палему, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под сосновы-те Холмогоры, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под высокий холм в Селищицах, ели-ели-ю!

Подошла река быстрая, ели-ели-ю!

Под круту гору высокую, ели-ели-ю!

Под грузну волость Ценогору, ели-ели-ю!

Уж как наша-то Ценогора, ели-ели-ю!

На горы высокой, на красы великой, ели-ели-ю!

На восходе красна солнышка, ели-ели-ю!

На воскате светла месяца, ели-ели-ю!

На зачине зари утренней, ели-ели-ю!
Что во нашей-то Ценогоры, ели-ели-ю!
У нас место пригородное, ели-ели-ю!
Пригородное-хлебородное, ели-ели-ю!
Мужики живут богатые, ели-ели-ю!
Сыновья у них питерцы, ели-ели-ю!
Питерцы-артельщики, ели-ели-ю!
Малы деточки грамотны, ели-ели-ю!
Что по нашей-то Ценогоры, ели-ели-ю!
Хоробёр на коню приезжал, ели-ели-ю!
Николай Пантелеевич, ели-ели-ю!
«Ты до куль будешь ездить, ели-ели-ю!
Докуль дороги торить? Ели-ели-ю!»
«Я докуль буду ездить, ели-ели-ю!
Докуль буду дороги торить, ели-ели-ю!
Докуль буду добра коня томить, ели-ели-ю!

Пока тебя не высватаю, ели-ели-ю!
Анна Васильевна! Ели-ели-ю!»

* * *

Ой, плывут, плывут плоты,

Ой, плывут по Лузе.

Ой, и жгут, и жгут костры,

Ой, и жгут зыряне.

Ой, проплывают мимо нас,

Ой, мимо нас по Лузе,

Ой, зыряне-мужики,

Ой, мужики чужие.

Ой, идут, идут года,

Ой, года-то молодые.

Ой, не забыть бы мне,

Ой, да дни те удалые.

Ой, я милую любил,

Ой, она меня любила.

Ой, река, река, река,

Ой, куда же ты стекла?

Ой, вода, вода, вода,

Ой, вода глубока.

Ой, любя, любя, любя,

Ой, любя да не моя!

Ой, плывут, плывут плоты,
Ой, плывут по Лузе...

* * *

Хороша наша компанья,
Кто не хвалит, тот – каналья,
Хороша наша волостка,
Про неё слава худая.
...деры на голо –
То Устьяна мужики;
Живодеры наголо –
То сельски мужики;
Толстопёстры, кривопёрсты
Шпыловски мужики;
Вот без хлеба у воды -
Оприсновски;
Толстоваты, мешковаты –
То даниловски;
Зубаны-то наголо –
То климушинские;
Неспокойные соседи –
То давыдовски;
По два очепа в родник –
То даналихински;
Ощоулы наголо –
То зародовски;
Под озером живут –
То данниковски мужики;
Замараны ворота –
То филисовски;
Вот неткахи и непряхи –
Тут плющевски бабы,
Не ткут, не прядут,
Солдатам деньги отдают;
Без угля куют –
То деревенски мужики;
Вот уроды наголо –
Те ивакински;
Вы котепы наголо –
То белавински;
На чужое фарсоваты –

То борисовски;
По чужим бабам ходить –
То останковски;
Кто захочет попилить,
Тот в Телицыно бежит;
Даровое вино пить –
Митяковски мужики;
Вот Москва-то наголо –
Одарьински;
На дорогу выбегают –
Васиковски мужики;
Бойкие девчонки –
То кормиловски;
Лахмокурски мужики:
Перву тоню заметали –
Им два мерина попали,
Другу тоню заметали –
Им кобыла с жеребцом;
Третью тоню заметали –
Им три девушки попали.

* * *

Цвели, цвели в поле цветики,
Да сповяли.
Любил, любил милую девушку,
Да спокинул.
Спокинул милой девушку
Да ненадолго,
Не на долго времечко,
На часочек.
Мне часочек кажется
За денёчек,
Мне денёчек кажется
За недельку
Неделька кажется
За месяц,
Месяц-то кажется
За полгода,
Полгодочка кажется
За годочек.
Уезжает миленький

В городочек.
Я за своим миленьким
Не гонюся.
Гонится душа моя
Всё за мною.
За мною, девицей,
Красотою.
Голосом кричала
Да милый не слышит.
Платком махала,
Да милый не видит.
Тяжело вздохнула –
Да обернулся,
Обернулся милой,
Рассмехнулся:
Не моя ли то милая
За рекою,
За рекою за Вагою
Платье моет,
Платье моет, слезою воет
Завывает,
Да не меня ли к себе
Подзывает?

* * *

Молодой парень - парень
Рубил яблонь под корень,
Тесал доски тонкие
Да делал гусли звонкие.
Ах, кому эти гуслицы,
Кому эти звончатые?
Эти гусли свезу в Устье,
В Устье-Кубенское,
Да в Никулинское,
Да во то ли во село ли,
Во Новленское!
По травушке-муравушке
Приду ко сударушке:
-Лизавета Третьякова
Свет Ивановна,
На-ко гусли самодельны,
Переливчатые.

* * *

ПЕСЕНКА СТУДЕНТОВ (50-60-е годы XX века)

У Адама – драма,
Вызвали Адама
За проделки в Божьий деканат.
И на землю прямо
Сбросили Адама –
Так пошли студенты, говорят.
От Евы и Адама
Пошёл народ упрямый,
Лихой, неунывающий народ –
От сессии до сессии
Живут студенты весело,
А сессия всего два раза в год.

Ну что за предрассудки
Есть три раза в сутки
И ложиться в чистую кровать.
А мы без предрассудков
Едим всего раз в сутки,
А на остальное наплевать.

Часто запевали,
Стирку затевали...
Глянь, распределение идёт.
Кого на Индигирку,
Кого в другую дырку,
Бабаево и Грязовец нас ждёт.

Там, в Вологодском крае,
Не бегают трамваи,
И не везде горит там лампа Ильича.
Костёр меня спасает,
Звезда не угасает,
А челюсти выводят: ча-ча-ча.

*Записано по памяти о студентах
Вологодского молочного института
Н.В. Уваровым.*

Пословицы, поговорки,
изречения

А когда это было? – А когда ещё горело наше славное Кубенское озеро.

Аникой глядит – щёлком свалит.

Без устюжан и в Сибири нет дела.

Белки в лесах нет, так это вологодский лесник её вятскому в карты проиграл.

Белозерцы – белозерские снетки.

Боровицкая вотчина (на Лежском волоку Грязовецкого уезда). Не бьются, не борются, а мягка хлеба да ножа востра не боятся: кто боле съест, тот и молодец.

Бохтюга да Борок – Москвы уголок (говорили в похвалу двум вологодским деревням).

Буй да Кадуи чёрт три года искал, а Буй да Кадуи у ворот сидел.

Был в Москве, шёл по доске и упал в грязь (смеются над вологжанами, жившими в Москве).

В Москве к заутрене звонили, а на Вологде звон слышали.

В Полдарсе пьяницы все.

В сусоловке жить не ловко.

В Сусоловке запоёт петух – так слышно его в трёх областях (Вологодской, Архангельской, Кировской).

В Харовске грех, а в Вологде смех.

В Шемоксе мастера все.

Вагане – кособрюхие.

Видно, на тебе московская палка не бывала, а наши-то, вологодские, кривы.

Вологжане на словах, как на масле, а на деле, как на Вологде.

Вологодская корова забодала паровоз (девушки там здоровы).

Вологодцы – толоконники, толокном Волгу замесили, телёнка с подковой съели.

Вселился рак в славное Кубенское озеро.

Выдавайте хоть за батожок да на петряевский бережок.

Вытегорцы – камзольники.

Вытегоры на одной лошади судиться ездят.

Вытегоры-воры, у Петра Великого камзол украли.

Гнида да вошь – комелевская молодёжь.

Грязовец – Грязенбург.

Дел, как у пудожского старосты.

Дымково коромыслит, а Коромыслово дымит.

Если мы не рыболовы, то и Сухона (Луза, Комёла) не река.

Если что горит, то в Никольске, а падает, то в Великом Устюге.

Житносельски мужики – все скупые скупари. Они возьмут батог, идут пить в кабаки, судей выбирают, людей опивают.

Захочешь (завоешь) кубенским волком.

Звоном началось, звоном и кончилось (на Вохме Никольского уезда в 1787 году построили церковь на месте, где слышали звон; в 1845 году она сгорела со звоном).

Иди на Княже – там и ляжешь.

Кадниковцы бочонком солнышко ловили.

Кадниковцы – кадошники.

Кинешма да Решма кутит да мутит, а Вологда убытки платит.

Кирилловский поклон девяти пядей с хвостом.

Кирилловцы – кашехлёбы.

Кич.–Городок – Чич–Городок.

Кондушанин богат, палтожанин горбат.

Кубенское озеро не море, а плавать по нему горе.

Кулой – скупой, Ломоватка – хватка.
Лаврешево не продаст дёшево.
Лёд на Онего двух Никол не стоит.
Липовец да Бор на гулянки спор.
Ломоватка до водки падка.
Молога – тяжёлая дорога.
Молога вынемет молву.
На Ваге и уха с блинами.
На словах Сухону перемахнёт, а на деле ни
через лужу.
Наши-то, вологодские, кривы.
Не знаешь голоду – поезжай в Вологду.
Один с Москвы, другой с Вологды, а оба го-
лодны.
От Кемы до Кологрива – одна грива, мерял
её Тарас, да верёвка оборвалась.
Писано, переписано село Борисово.
Платье ноское, шито в Плоскове.
Поезжай в Москву продавать тоску, купи
утиг, привези в Устюг.
Поцепилово – подцепилово.
Пошехонцы – слепороды, в трёх соснах за-
блудились. За семь вёрст комара искали, а
комар у пошехонца на носу сидел. На сосну
лазили Москву смотреть.
При одной корове да жить бы в Орлове.
Прислон не выдаст стон.
Пропили воеводы Вологду.
Пьяница Грязовица: семь кабаков, одна
церковь.
Пьяны мужики – то марковчана.
С фонарями за углами – то погосски
мужики.

Сам смекни: по чём белозерские снетки.
Свет, как на Нижней Кудаме (худ).
Сила металлургов – в плавках.
Славна вологодская земля.
Соляники, лягушатники, пересудливая
Кондуша!
Тарногцы – в воду концы.
Тотьма – то тьма.
У Двины реки берега высоки.
У него расход Кириллова монастыря, а при-
ход – репной пустыни.
У Сухоны реки берега широки.
Уломский гвоздь (Улома, где все кузнецы).
Улому к Петрову дню ветром качает.
Устюг Великий – народ в нём дикий.
Устюжане. Мазы. Черносеребренники. Крас-
ноязыки. Устюжане – рожечники, табачники.
Колокольню рожком подпирали.
Устюжна (Улома) железная, а люди в ней ка-
менные.
Хвали горе в Озерках.
Хороша Вытегра, да без работы бока вытерла.
Хороши в Шексне ерши.
Хоть бы и батожок (посошок) да на Викто-
ровский лужок.
Цереповчане це же англицане, тоцко нарециё
на це.
Череповчане – черепяне.
Шексна река широка, как и Ока.
Щелково - бестолковая деревня, в ней нищие
блудятся. (Кирилловский уезд).
Ямы на ямы, лошади буланы, родители вила-
вы, а дочери лукавы – то ерошкинцы.

Гаданне

Щука шла из Нова-города,
Она хвост несла из Бела-озера.
На щучке чешуйка серебряная,
На щучке голова жемчужненькая.

Кому же мы спели,

Тому добро,

Кому вынесется,

Тому сбудется.

(К богатству)

Притания

Не отдавай меня, матушка, ни на Ихалицу, ни на Уваровицу, отдай меня, родимая, на Усть-Толшменское – хоть там есть нечего, да жить весело (Ихалица, Уваровица и Усть-Талшменское – деревни по Сухоне в Тотемском и Междуреченском районах).

Кому Переяславль, а мне гореславль; кому Боголюбво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, за не часть моя не прорастёт в нём.

ЗАГАДКИ

Залаяла собачка
На Муромском,
Заревел медведь
На Романовском,
Затопали кони
На Кирилловском поле.

(Мельница)

Затопали кони в Кирилловском поле,
Залаяла собачка на Муромском,
Заревел медведь на Ивановском.

***(Мельница: кони – мельничные песты;
Собака – порхлица;
Медведь – жернова.)***

Идёт свинья из Вологды,
Вся в дырках истыкана.

(Напёрсток)

Рассыпался горох по всей Москве, по всей Вологде.

(Звёзды)

Шла свинья в Вологду из Питера,
Вся истыкана.

(Напёрсток)

СКОРОГОВОРКИ

Рабангская водовороть всех водоворотей водоворотее (Рабангская – река Сухона от истока до впадения в неё реки Вологды).

С Белоозера водица
Пригодится напиться,
Умыться, политься
Девицам на лица.

Хороши в Шексне ерши, щуки тоже хороши.

НѢБЫЛИЦА

Африканский крокодил
В реку Кубену уплыл,
Стал он жить на дне речном,
Там построил себе дом!

ЛЕГЕНДЫ, МИФЫ, СКАЗАНИЯ

ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ И НАЧАЛО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Как гласит «Повесть временных лет», поляне жили в те времена отдельно и управлялись своими родами и каждый управлялся самостоятельно. И было три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. И построили городок во имя старшего брата и назвали его Киев. И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было своё княжение, а у дрегоучей — своё, а у славян в Новгороде — своё. Все эти племена имели свои обычаи, законы своих отцов, и предания, и каждый свой нрав.

Варяги из заморья взимали дань с чуди и со славян, и с мери, и со всех кривичей.

В год 6370 (862) изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к Руси. Те варяги назывались русью, как и другие называются шведы, и иные норманы и англы. Сказали Руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, на Белоозере, а третий, Трувер — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. И через два же года умерли Синеус и брат его Трувер. И обладал всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Ростове — меря. И над теми всеми властвовал Рюрик.

М. Антокольский. Нестор-летописец

ДАЛЁКИЙ ПУТЬ

Далёкий путь, трудна дорога:
То дождь, то жар дневной печёт.
Но с упованием на Бога
Шагает инок всё вперёд.

Идёт сквозь дебри и овраги
С крещатым посохом простым.
Душа полна святой отваги
И дерзновением святым.

Работник Господа свободный,
Унынья чуждый и тоски,
Пришёл Герасим Преподобный
На берег Вологды-реки.

Пред ним сиянье небольшое,
На храме Божьем скромный крест.
Вокруг тайги зелёной море
Шумит, волнуется окрест.

И рек подвижник вдохновенный,
Пронзая взором даль веков:

«Здесь будет град благословенный,
Отрада северных краёв,

Градские стогмы украсятся
Великим множеством церквей.
Святители здесь водворятся
На славной кафедре своей.

Монастырям здесь многочисленным,
Как райским кринам, процветать!
И изольется неоскудно
На край сей Божья благодать».

О Вологда, мой город милый!
С благословенья высших сил
Святой угодник в дни былые
Тебе начало положил.

Стоишь ты прочно и поныне
С надеждой светлую любви.
Так будь верна родной святыне,
Люби её и ей живи.

Р. БАЛАКШИН

СПАС-КАМЕНЬ НА КУБЕНСКОМ

В 1238 году образовалось Белозерское княжество. Его князем, после достижения совершеннолетия, стал Глеб Василькович. Он любил свой край, налаживал хозяйство в нём, ездил по разным местностям. Однажды он плыл по Кубенскому озеру и попал в непогодь, да такую, что его лодки затонули. Быть бы гибели и людям, да наступила нога князя на твёрдое дно, на спасительную отмель. И распорядился позже князь поставить на Каменном острове деревянную церковь. А через двести с лишним лет, в последний год

жизни удельного князя Андрея Меньшого, брата царя Ивана III, был возведён первый на северных землях Каменный храм Спасо-Каменного мужского монастыря в честь Преображения Господня. Мастеров собирали со всей Руси, а кирпич, особый - квадратный, возили из Твери. Четыре века сиял над водами озера белокаменный храм, являясь центром культурной жизни вологжан, а в годы советской власти был почти полностью разрушен. В самом конце XX века энтузиасты взялись за восстановление храма.

ЗАДОНЩИНА

(Кирилло-Белозерский список)

Поидем, брате, в полуночную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь православная. Оттоле взыдем на горы Киевьскыя.

Первее всехъ вшедь восхвалимъ вещаго Бояна в городе Киеве, гораздо гудца. Тои бо вещи Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русским князем: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя ихъ песни и гусленными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Русьскую и за веру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

Се азъ князь великыи Дмитрии Иванович и брат его князь Володимеръ Ондреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью, помянувше прадеда князя Володимера Киевскаго, царя русскаго.

Жаворонокъ птица, в красныя дни утеха, вздыди под синие облакы, пои славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату

его Володимеру Ондреевичю. Они бо взнялися какъ соколи со земли Русскыя на поля половецкыя.

Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земли Русьской, чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, светиться калантыри злачены, звенят колоколи вечнии в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намъ, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети».

Тогды аки орли слетошася со всея полуношныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи русскыя к великому князю Дмитрею Ивановичю на просьбъ, а ркучи такъ: «Господине князь великыи, уже погании татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у нас отнимають, стоят межю Дономъ и Днепром, на рице на Чече. И мы, господине, поидем за быструю реку Донъ, укупимъ землям диво, старым повесть, а младымъ память».

Тако рече князь великый Дмитрии Иванович

В. Сергеев. Амсамбль Кирилло-Белозерского монастыря

своие братии русскимъ княземъ: «Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю».

Славии птица, что бы еси выщекотола сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея Половетцаго, Дмитриа Брянскаго. То бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Молвяше Андреи к своему брату Дмитрею: «Сама естма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдиеровы. Сядем, брате, на свои борзи комони, испиём, брате, шеломомъ своим воды быстрого Дону, испытаем мечи свои булатныя. Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славне городе Москве. То ти, брате, не стукъ стучить, нт громъ гремит, стучить сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремитъ удалъци золочёными шеломы, червлёнными щиты. Седлаи, брате Ондреи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих оседлани».

Уже бо всташа сильнии ветри с моря, прилеляша тучню велику на усть Непра, на Русскую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболочка, а из нихъ пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ, идти хинела на Русскую землю. Серие волци воють, то ли были не серые волци, придоша поганые татарове, хотят пройти воюючи, взяти всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крилы всплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крилы всплескаша, се бо поганьи Мамай приведе вои свои на Русь.

Птици небесныя пасущеса то под синие облака, ворони грають, галици свои речи го-

ворять, орли восклекчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають победу на поганыхъ, а ркучи так: «Земля еси Русская, как еси была доселева за царём за Соломономъ, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем».

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злачёными колокольци.

Уже бо стукъ стучить и громъ гремит рано пред зорею. То ти не стукъ стучить, ни громъ гремитъ, князь Володимер Ондриевич ведёт вои сторожевыя полкы к быстрому Дону, а ркучи так: «Господине князь Дмитреи, не ослабиаи, уже, господине, поганья татарве на поля на наши наступаютъ, а вои наши отнимають».

Тогда же князь великий Дметреи Иванович ступи во своё золотое стремя, вседь на свои борзыи конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на рождество пресвятая Богородица ясно светить, путь ему поведаетъ, Борис Глеб молитву творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерския ястреби борзо за Донъ перелетиша, ударишася на гуси и на лебеди.

Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московския, шеломы немецкие, боданы бесерменьския.

Тогда поля костыми насеяны, кровью полиано. Воды возпиша, вестъ подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Железнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляхов, до Устюга поганых татаръ, за дышущем моремъ. Того даже было нелепо стару помолодиться.

Хоробрыи Пересвет поскакиваетъ на своёмъ вещеми сивце, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: «Лучше бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ

от поганых положенным пасти». И рече Ослебя брату своему Пересвету: «Уже, брате, вижю раны на сердце твоём тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю на белую ковылу моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубят, толко часто ворони грають, зогзици кокують, на трупы падаючи».

Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избииени от поганыхъ князи великих и боярь сановных, князя Фёдора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федоръ Мемко, Иванъ Сано, Михайло Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересветъ чернец и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горько жны боярыни по своих осподарехъ в красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово: «Доне, Доне, быстрыи Доне, прошель еси землю Половецкую, пробиль еси берези хараужныя, прилеlei моего Микулу Васильевича». Восплачется жена Иванова Федосия: «Уже наша слава пониче в славне городе Москве».

Не одна мати чада изостала, и жёны боярскыя мужей своихъ и осподаревъ остали, глаголяще к себе: «Уже, сестрици наши, мужей нашихъ в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святыя церкви, за православную веру з дивными удалци, з мужескими сыны».

В лето 6888 бысть Мамаевчина, Маматякъ за Доном на усть Непявды. Тогда было благовещение на Пасху, по смерти Алексия митрополита на третии годъ бои был. В лето 6889 во праздникъ Вознесения Господня при-

А. Завьялова. Молитвенница

иде изо Царяграда на Русь Киприанъ митрополит, год спустья по Задонщине. В лето 6890 бысть Тахтамышевщина августа 20 на князя на Дмитриа Ивановича и взя Москву и много зла сътвори. В лето 6891 князь велики Дмитрие сослалъ Киприана митрополита на третей годъ по Задонщине. В лето 6896 мая 19 преставися князь великии Дмитрие Иванович по Задонщине на осьмой годъ. В лето 6897 выезди изъ Царяграда Киприанъ митрополит, а с нимъ два митрополита послы. В лето 6900 сентября 25 представися старецъ Сергии по Задонщине 13 лет прешло. Тое же осени октября 24 выеде из Орды князь велики Василие Дмитриевич. В лето 6915 сентября 15 преставился Киприанъ митрополитъ, пас Церковь Божию лет 30. Богу нашему слава ныне.

1470-е годы.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Пойдём, братья, в северную страну, удел Афета, сына Ноева, от которого берёт начало Русь православная. Оттуда взойдём на горы Киевские.

Взойдя, прежде всех восславим вещего Бояна в городе Киеве, искусного гусляра. Ибо тот вещий Боян, перебирая своими золотыми перстами живые струны, пел славу русским князьям: первую — князю Рюрику, вторую — Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу, третью — Ярославу Владимировичу, мы же восхвалим теми песнями и звоном гуслей владетельного русского князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, ибо они проявили мужество и желание постоять за землю Русскую и за веру христианскую.

От той битвы на Калке и до Мамаева побоища.

И вот великий князь Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич закалили сердца свои мужеством, собрались с силами, помянули прадеда князя Владимира Киевского, царя русского.

Жаворонок-птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Ибо они взлетели, словно соколы, с земли Русской на поля Половецкие. Кони ржут в Москве, бубны бьют в Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земле Русской, чудно стоят знамёна у Дона Великого, реют расшитые знамёна, блещут панцири золочёные, звонят вечевые колокола в Великом Новгороде. Стоят новгородские мужи у святой Софии, говоря так: «Неужто нам, братья, к великому князю Дмитрию на помощь не поспеть?»

Тогда словно орлы слетелись со всей северной страны. Нет, то не орлы слетелись, съехались все князья русские на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу, говоря так: «Господин великий князь, уже поганые татаровья на наши поля наступают, вотчины наши захватывают, стоят между Доном и Днепром на реке на Чече. И мы, господин наш, пойдём за быструю реку Дон, явим всем землям чудо, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили».

Великий князь Дмитрий Иванович своим братьям русским князьям отвечает так: «Братья мои милые, русские князья, все мы из одного гнезда великого князя Ивана Даниловича. До сих пор ни от кого не знали обиды: ни от сокола, ни от кречета, ни от того поганого пса Мамаю».

Соловей-птица, вот бы тебе прославить своим пением двух этих братьев, двух сыновей Вольярдовых: Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского. Предводители сторожевых полков, они на щите рождены, под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, с острого меча поены в Литовской земле.

Молвит Андрей своему брату Дмитрию: «Мы с тобой два брата. Сядем, брат, на своих борзых коней, зачерпнём, брат, шлемом своим воды быстрого Дона, испытаем мечи свои булатные. Ибо уже, брат, стук стучит и гром гремит в славном городе Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, то гремят удалцы золочёными шлемами и червлёными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже прежде твоих готовы».

Вот уже поднялись сильные ветры с моря, принесли великую тучу к устью Днепра, на Русскую землю. Из тучи вышли кровавые облака, а из них бьют сильные молнии. Быть стуку и грому великому между Доном и Днепром, идут ханове на Русскую землю. Серые волки воют, то не серые волки были, пришли поганые татаровья, хотят пройти с боем и захватить всю землю Русскую.

Тогда же гуси загоготали и лебеди крыльями всплескали. То не гуси загоготали, не лебеди крыльями всплескали, это поганый Мамай привёл своих воинов на Русь.

Птицы небесные стерегут добычу под синими облаками, вороны грают, галки свои речи говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, лисицы часто лают, предвещают победу над погаными, говоря так: «Земля эта – Русская, как если бы до сей поры была за царём Соломоном, так будешь и теперь за князем великим Дмитрием Ивановичем».

Тогда же соколы и кречеты, Белозерские ястребы, позвонят своими золочёными колокольчиками.

Уже весь стук стучит и гром гремит перед утренней зарёй. Это ведь не стук стучит, не гром гремит, князь Владимир Андреевич ведёт воинов своих сторожевых полков к быстрому Дону, говоря так: «Господин князь Дмитрий, держись крепко, уже, господин мой, поганые татаровья на поля наши наступают, а наши воины их защищают».

Тогда великий князь Дмитрий Иванович вступил в своё золотое стремя, сел на борзого коня, взял копьё в правую руку. Солнце ему на востоке 8 сентября, в среду, на рождество Пресвятой Богородицы ясно светит, путь ему указывает, святые Борис и Глеб молитву творят за сродников своих.

Тогда соколы и кречеты, белозерские ястребы скоро за Дон перелетели, ударили на гусей и на лебедей.

Грянули копья калёные, мечи булатные, топоры лёгкие, щиты московские, шлемы немецкие, копья басурманские.

Тогда стали поля костями засеяны, кровью политы. Воды возопили, разнесли весть по разным землям: за Волгу, к Железным вратам, к черемисам, к чехам, к полякам, в Устюг, к поганым татарам, за волнующееся море. Слыша то, старому человеку стоило и юность вспомнить.

Храбрый Пересвет скачет на своём вещем сером коне, свистом поля перегородил, и говорит такую речь: «Лучше самим на свои мечи броситься, нежели от рук поганых пасть». И сказал Ослябя брату своему Пересвету: «Уже, брат, вижу тяжкие раны, нанесённые в сердце твоё. Уже суждено твоей главе пасть на сырую землю, а моему чаду Якову, на белый ковыль. Уже, брат, окрест пастухи не кличут, трубы не трубят, только вороны часто грают, кукушки кукуют, на трупы слетаясь».

Тогда же не туры заревут на поле Куликовом на речке Непрядве, оплакивая избиенных погаными князей великих и бояр знатных: князя Фёдора Романовича Белозерского и сына его, князя Ивана, Микулу Васильевича, Фёдора Мемко. Ивана Сано, Михаила Вренкова, Якова Ослебятина, Пересвета-чернеца и много дружинников.

Тогда заплачут горько боярыни по своим мужьям в красном городе Москве. Всплачется жена Микулы Мария, говоря такую речь: «Дон, Дон, быстрый Дон. Ты протёк по всей земле Половецкой, пробил берега нерушимые. Принеси на своих волнах моего Микулу Васильевича!» Восплачется жена князя Ивана Феодосия: «Уже наша слава поникла в славном городе Москве».

Не одна мать своего чада лишилась, и жёны боярские мужей своих и хозяев потеряли, говоря друг другу: «Уже, сестрицы, мужей наших в живых нет, сложили они головы свои у быстрого Дона за Русскую землю, за святые церкви, за православную веру с дивными удалцами, с отважными сынами».

В 6888 (1380) году была Мамаевщина, Маматяк за Доном в устье Непрядвы. Тогда было благовещение на Пасху, после смерти Алексия-митрополита на третий год битва была. В 6889 (1381) году, в праздник Вознесения Господня, пришёл из Царьграда на Русь Кириан-митрополит — год спустя по Задонщине. В 6890 (1382) году была Тохтамышевщина — августа 20 в княжение Дмитрия Ива-

новича, и взяли татары Москву и много зла сотворили. В 6891 (1383) году великий князь Дмитрий сослал Киприана-митрополита — на третий год после Задонщины. В 6896 (1389) году 19 мая преставился великий князь Дмитрий Иванович — после Задонщины на восьмой год. В 6897 (1390) году выехал из Царьграда Киприан-митрополит, а с ним два митрополита — послы. В 6900 (1391) году 25 сентября преставился старец Сергей — после Задонщины 13 лет прошло. Той же осенью, 24 октября, выехал из Орды великий князь Василий Дмитриевич. В 6915 (1406) году 15 сентября преставился Киприан-митрополит, который пас церковь Божию 30 лет. Богу нашему слава ныне.

Примечания. Задонщина — литературный памятник конца XIV — начала XV в., посвящённый победе объединённых русских войск, которыми командовал великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович (1350-1389), над войсками Золотой Орды под предводительством темника Мамаю. Битва эта произошла 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле между Доном и Непрядвой. Началась она поединком богатырей Пересвета и Тамира-мурзы (Челубея). Оба поединщика погибли. Атаку татарской конницы на центр русского боевого порядка сдержал запасный полк. Удары засадных полков в тылу и по правому флангу татар привели к разгрому Мамаю. Дмитрий Иванович после этой победы получил прозвище Донского. Куликовская битва стала важнейшей вехой в освобождении Руси от татаро-монгольского ига. В битве, согласно памятникам древнерусской письменности, участвовали 15 белозерских князей, некоторые из них названы по именам: Фёдор Семёнович (Романович) Белозерский с сыном Иваном (оба погибли), Семён Михайлович, Андрей Кемский и Андомский, Глеб Каргопольский и Ярославский (Цыдонский).

Задонщина предположительно датируется 80-ми годами XIV в. Памятник сохранился в шести списках, которые восходят к не дошедшему до нас первоисточнику. Публикуется он обычно как реконструкция, осуществлённая на основе всех шести вариантов. Публикуемый Кирилло-Белозерский список является самостоятельной редакцией произведения, представляющей собой сокращённую его переработку. Список этот сделан монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином в 70-х годах XV в. Ему же принадлежит и название, закрепившееся за памятником. Полное название произведения в редакции Ефросина: «Писание Софония старца рязанца, благослови Отче: Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича». Характерной особенностью Задонщины является широкое использование цитат, реминисценций, образов из «Слова о полку Игореве». Оба памятника древнерусской словесности написаны ритмической прозой, которая квалифицируется как один из способов стихосложения.

ДИОНИСИЙ

Как-то было в Белозерье это.
В монастыре, затерянном в лесах,
Иконописец в памятное лето
Богородно красками писал.
И пахари, забыв на время дело,
У врат соборных грудились толпой,
И, задирая бороды, глядели
Восторженно под купол голубой.
Там совершалось чудо. Дионисий,
Лобастый и приземистый старик,
Касался сводов немудрёной кистью -
И на камнях рождался дивный лик.
И что-то очень близкое, земное
Сквозило в лике Матери святой.
И люди с обнажённой головой
Немели перед этой красотой.
...В молчанье строгом я гляжу на фрески,
Хранящие седых времён следы,
И вижу в них не ангелов библейских,
А дальних предков мудрые черты.

И говорят об этом фрески сами,
Что наши предки в глубине веков
Своими гениальными руками
Себя творили в образе богов!

А. РОМАНОВ

В. Сергеев. Лошадь в поле

ФЕРАПОНТОВО

Такой он, наш жалкий удел -
На белом помаяться свете.
Ты помнишь, как гордо гудел
С достоинством Вечности — ветер.

Ты помнишь стальной горизонт,
На взгорье, святую обитель,
В которой скорбел Ферапонт -
Планеты таинственный житель.

Стояли над озером мы,
Шли в гору безлюдной дорогой
Венчаться на царство зимы
В собор, отлучённый от Бога.

Смеркалось. Молчал монастырь,
И к этой бездонной юдоли
Нас за руку вёл поводырь,
Он был нашей тенью и болью...

В. КУДРЯВЦЕВ

ПРЕДАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕБЫВАНИЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО В ВОЛОГДЕ

Как сообщают летописные источники, Иван Грозный был в Вологде трижды. В первый раз - в 1545 году, во время путешествия по вологодским и белозерским монастырям. Это путешествие было за год до совершеннолетия Ивана Васильевича и за полтора года до его царского венчания.

О тогдашних, не во всём благочинных разъездах Ивана IV по монастырям Карамзин в «Истории Государства Российского» писал следующее: «Между тем Великий князь ездил по разным областям своей державы, но единственно для того, чтобы видеть славные их монастыри и забавляться звериною ловлею в диких лесах: не для наблюдений государственных, не для защиты людей от притеснений корыстолюбивых наместников. Окруженный сонмом бояр и чиновников, он не видел печалей народа и в шуме забав не слышал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собою слезы, жалобу, новую бедность: ибо они, путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров».

Во второй раз Грозный посещает город в 1565 году, в год учреждения опричнины. Города Вологда, Устюг, Тотьма и Вага с Вельским посадом были зачислены в числе других 20-ти в опричные города, и доходы с них стали поступать на «Государев обиход». Учитывая большое экономическое значение Вологды, ее роль в торговле со странами Западной Европы, Грозный намеревается сделать город опричной резиденцией. Сохранилось предание о намерении Ивана Васильевича сделать Вологду столицей Русского госу-

дарства. Текст предания опубликован в сборнике Н.А.Криничной «Северные предания»: «Иван Васильевич хотел Вологду сделать столицей. Ему все мерещилась измена. Он уж и переехал туда. Стены были дубовые...»

С 1565 года в Вологде по распоряжению царя началось строительство каменных зданий и возведение городских укреплений, которым царь придавал большое значение. Так это событие фиксируется в Александре-Невском летописце, напечатанном в 1876 году в томе 3 Русской исторической библиотеки: «Царь и великий государь заложил град Вологду каменную и повелел рвы копать и подошву бити и на городовое здание к весне повелел готовить всякие запасы».

По сообщению местного летописца Николая Слободского, «Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич в бытность свою на Вологде повелел рвы копать и сваи уготовлять и место очистить, где быть городским стенам намеченного здания».

В следующем году, как говорит летопись, «Великий государь Иван Васильевич повелел заложить град каменный».

В 1567 году Иван Грозный прибыл для осмотра городского строительства. Об этом приезде царя подробно рассказывается в Пинежском летописце. В частности сообщается, что царь приехал в Вологду в «праздник Христова воскресения», это вызвало недовольство вологжан, которые «после заутрени не ходили ко царю с яйцы здравствовать, и царь на них прогневался о том и велел биричу оповестить жителей Вологды: от церкви в дома не ходя и платья не сложа с себя, в коем к церквам пришли, сносить сваи дубовые в

ров, что были готовлены на подошвы ставить в городскую стену. А в своё место никому слуги не подменить, ни стороною не наветь». Царское распоряжение было выполнено. Вологжане вышли на работы в великий праздник Пасхи. А после праздника, на той неделе, царь, как сообщает летописец, «казнил вологжан тако ж, как и в Новгороде». В рассказе Пинежского летописца отражён факт действительно происходящих в Вологде казней лиц, что подтверждает Синодик опальных царя Ивана Грозного. Исследователь Синодика Р.Г. Скрынников относил эти казни к весне-лету 1569 года.

Среди десяти перечисленных в Синодике лиц, казнённых в Вологде, названы три «плотника»: Неупокоя, Данило, Михаил. Возможно, что истинною причиной гнева царя явилось его недовольство ходом строительства кремля в Вологде.

По мнению исследователя Н.А. Казаковой, этот летописный рассказ представляет собой, скорее всего, народное предание, в котором подлинные факты приезда царя в Вологду, строительства в ней каменного кремля и казни вологжан причудливо переплетаются с вымыслом. В пользу высказанного предположения говорит сюжет рассказа, повествующий о конфликте между вологжанами и царём из-за стремления первых соблюдать благочиние в великий христианский праздник, и особенно текст царского повеления о выходе всех вологжан в этот праздник на строительные работы, сохранивший размер устной ритмической речи.

Известно, что в старину Вологда называлась Насон-городом.

Вот что было напечатано на страницах журнала «Народное благо» за 1903 год:

«Едет царь Иван Васильевич в Вологду. Рано утром подъезжает он к городу, видит:

все спят. «Ну, - думает, - ещё рано, отъеду пока что», - и отъезжает. Приезжает в полдень - опять застаёт весь город спящим. Опять поворачивает Грозный назад. Въезжает в третий раз, - это уже вечером, - но опять та же история!

Разгневался царь на Вологду: «Что за городишко несчастный! Когда ни приедешь, - всё на сон!».

С тех пор и прозвище городу дано было «Насон».

В третий раз Иван IV жил в Вологде, как сообщает летописец, три года и пять месяцев, начиная с 1568 года: к этому последнему времени относятся строительство речного флота, прорытие речки Золотухи и возведение каменного соборного храма во имя Успения Богородицы.

«Лета 7076 (1568) Великий государь повелел соборную церковь во имя Успения Пречистой Богородицы поставить внутри города у архиерейского дому, и делали её два года».

Царь часто бывал на строительных работах, тщательно вникая не только в общий архитектурный план собора, но и в качество строительных материалов. Всё сделанное за день, на ночь покрывалось лубьём, и потому, по словам летописца, «она церковь крепка на расселины».

Софийский собор был построен по образцу знаменитого Успенского собора в Московском Кремле, автор проекта которого Фиоравенти. Недаром проект Вологодского собора приписывается одному из русских учеников великого итальянского зодчего.

Архитектурно собор был закончен в 1571 году, когда Грозный неожиданно покинул Вологду. Внутреннее же устройство собора оставалось незаконченным целых 17 лет.

Конечно, у царя были свои государственные соображения, требующие его присут-

твия в Москве. Историки утверждают, что Грозный покинул Вологду в связи с набегом крымских татар на Москву. Но народная фантазия этот отъезд Ивана Васильевича переложила в предание.

Летописец сообщает: «Егда совершенна бысть оная церковь и великий государь вшед видети пространство ея, и будто нечто отторгнуся от свода и пад, повреди государя во главу, и того ради великий государь

опечалился и повеле церковь разобрать. Но чрез же некоторое прошение преклонися на милость, обаче многия годы церковь была не освящена».

Это предание было переложено в историческую песню, записанную в Вологде в 19 веке. В 1842 году она была доставлена наставником Вологодской семинарии П.Н. Савваитовым редактору журнала «Московитянин» М. П. Погодину и в том же году напечатана в № 8.

*Что на славной реке Вологде,
Во Насоне было городе,
Где, доселе было, - грозный царь
Основать хотел престольный град
Для свово ли для величества
И для царского могущества;
Укрепил стеной град каменной
Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами.
Посреди он града церковь склал,
Церковь лепую, соборную,
Что во имя Божьей Матери
Её честного Успения
Образец он взял с московского
Со собору со Успенского.
Стены храма поднимались,
Христиане утешались;
А как стали после свод сводить,
Туда царь сам не посмел ходить,
Надзирал он над наёмники,
Чтобы Божий крепче клали храм,
Не жалели б плинфы красныя
И той извести горючия.
Когда царь о том кручинился,*

*В храме повоем похаживал,
Как из своду туповатова
Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую...
Тут наш грозный царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося,
Выходил из храма новаго,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
Насон-город проклинаячи
И с рекою славной Вологдой
От того проклятья царского
Мать сыра земля тряхнулася -
И в Насон-граде гористом
Стали блаты быть топучия,
Река быстра славна Вологда
Стала быть водой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
Крылася вся тиною,
И по скверной зеленью со плесенью...*

Исследователь Н.К. Игнатов в 1897 году писал: «Вода реки Вологды издавна пользуется дурною славою, что совершенно естественно при свойстве почвы, над которой протекает река».

Однако народное предание связывает происхождение плохих качеств воды с пребыванием в городе Ивана Грозного, который «проклял город и его реку, и от того проклятия царского тряхнулась мать сыра-земля, на месте возвышенностей образовались топучие болота».

В журнале «Московитянин» сообщается и о предании, связанном с селом Говорово, что находилось под Вологдой. «На третьей версте к юго-западу от Вологды есть село Говорово, получившее будто бы это название по следующему обстоятельству: в одну из поездок в Вологду, царь Иван Васильевич Грозный был во время всего пути мрачен и не разговаривал с сопровождавшими его опричниками. Подъехав к месту, где стоит теперь село, царь заговорил и возникшее затем здесь селение получило прозвание Говорово».

Село теперь не существует. В 1970-х годах оно вошло в состав города. Оказалось, что предание не забыто жителями. «После того, как «некто отторгнуся от свода и пад государю и повреди главу», лишился Иван Грозный дара речи и пошёл, куда глаза глядят. Кругом стоял тёмный лес. Неожиданно он наткнулся на сторожку, из которой вышел лесник. Царь пришёл в изумление и заговорил. И повелел государь основать здесь село и назвать его в честь такого удивительного события Говорово».

Есть и другой вариант текста предания. Царь отправился в Москву. Вечерело. Каретная дорога тянулась по речке Содеме. Раскинувшийся внизу город был виден как

на ладони. Царь остановил свиту, повернулся и залюбовался прекрасным, в лучах заката, Насон-городом. И хоть сердит был Иван Васильевич, но красота уходящего дня пленила его душу. От этого сделался он необычайно разговорчивым. Часть свиты, и провожавшие царя знатные горожане расположились здесь на ночлег вместе с царём. После отъезда Грозного решили в этом месте обустроить селение. В честь доброго расположения великого государя назвали это место Говорово. На том месте, где по преданию стоял царский шатёр, была построена часовня. Позднее здесь появилась церковь, названная Говоровской.

С именем Ивана IV связано предание об основании церкви святого Феодора Стратилата, что находилась на правом нагорном берегу реки Вологды. Создана была церковь по повелению царя Ивана Васильевича Грозного. Во время пребывания в Вологде, он получил на том самом месте, где построена была церковь, известие о даровании ему Богом сына Феодора. Проникнутый чувством благоговения и благодарности к Всещедрому Отцу Небесному, царь сейчас же приказал на этом месте воздвигнуть храм во имя святого великомученика Фёдора Стратилата, в честь коего дано было имя новорождённому сыну царскому. Церковь эта в народе называлась царскою.

Вологодские историки утверждали, что это действительно было так, и что при церкви хранилась даже грамота, в которой ясно было обозначено это обстоятельство и сказано, чтобы этот храм существовал вечно. Но так как церковь эта во время большого пожара, бывшего в Вологде в 1769 году, обгорела и была полуразрушена, то, вероятно, тогда же погибла в пламени и эта любопытная грамота.

О Соборной горе существуют два предания. Одно из них говорит, что внутри этой горы в старину существовали тайники, в которых прятали церковные и другие драгоценности города при слухе о неприятельских нашествиях и что из этих тайников был тоннель под рекой Вологдой и затем подземный ход до Спасо-Прилуцкого монастыря.

Другое предание сообщает, что царь Иван Грозный, предполагая сделать Вологду своей столицей, хотел на этой горе построить свой каменный дворец, для которого будто бы и были внутри этой горы вырыты глубокие подвалы для хранения царской казны.

Предание это никакими историческими сведениями не подтверждено, но о существовавшем в Вологде деревянном дворце Грозного свидетельствуют писцовые книги времён царя Михаила Фёдоровича.

Этот деревянный дворец Грозного находился близ так называемой известковой горы. При дворце существовала домовая церковь во имя Богоотцов Иакима и Анны, писавшаяся в документах позднейшего времени «что у государя на сенях». На месте этой деревянной церкви в 1780 году была построена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

На правом берегу реки Вологды рядом с Соборною горою, напротив кафедрального Воскресенского собора, находится известковая гора. Известковой она названа из-за обилия вырываемой тут извести, оставшей-

ся, как говорит предание, от времени постройки начатых царем Иваном Грозным, но неоконченных каменных стен вокруг Вологды. На горе этой стоит церковь Александра Невского, до 1869 года именовавшаяся церковью св. Николая Чудотворца, основание которой относится к временам Ивана IV.

Толстый слой известкового камня лежал как в этой местности, так и на всем пространстве от реки Вологды до Владимирской церкви. Поэтому церковь св. Ильи Пророка называлась «что в камнях».

Речка Золотуха также служит памятником пребывания Грозного в Вологде. Она вырыта по его повелению, как говорит предание, руками пленных татар, от которых получили своё название на южной стороне города Татарские горы, или места, где погребали этих пленных. «Золотуха» - потому что встала царю в золотую копеечку.

Известие о посещении Грозным Вологды мы встретили в книге Де-Ламартиньера «Путешествие в северные страны», изданной в Париже в 1671 году. Это сочинение удостоено Советом Московского Археологического Института золотой медали и опубликовано этим же институтом в 1912 году. Де-Ламартиньер пишет: «Царь послал однажды в Вологду приказ набрать меру блох и наложил штраф за то, что не набралось блох столько, сколько требовалось».

А.АЛЕКСЕЕВ

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО ИГУМЕНУ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ КОЗМЕ С БРАТИЕЙ

Сосланные в Кирилло-Белозерский монастырь бояре грубо нарушали установленный порядок, не подчинялись распоряжениям игумена. В связи с этим настоятель монастыря Козма обратился с просьбой к царю повлиять на опальных бояр и заставить их выполнять монастырский устав. В ответ на эту просьбу Иван Грозный откликнулся в 1573 г. обличительным посланием, наполненным меткой иронией и сарказмом, разговорной фразеологией.

В пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычицы наша Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чудотворца, яже о Христе божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме, яже о Христе з братиею, царь и великий князь Иоанн Василиевич всея Руси челом бьет.

Увы мне грешному! Горе мне окаянному! Ох, мне скверному! Кто есмь аз на такую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от такового начинания. Аз брат ваш недостоин есми нарецися, но по еуангельскому словеси сотворите мя, яко единаго от наемник своих. Тем же припадая честных ног ваших стопам и мил ся дею, Бога ради, престаните от такового начинания. Писано бо есть: «свет иноком ангели, свет же миряном иноки». Ино подобает вам, нашим государем, и нас заблуждевших во тме гордости и сени смертней прелести тщеславия, ласкордства и ласкосердия, просвещати. А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати и чем просветити?..

И аще хотите, есть у вас дома учитель среди вас — великий светильник Кирилл. И на его гроб повсегда зрите, и от него всегда просвещаетеся. Потому же великие подвижници ученици его, а ваши наставницы и отцы, по приятию рода духовнаго даже и до вас. И святыи устав великаго чудотворца Кирила, яко же у вас ведется. Се у вас учитель и наставник! — от сего учитесь, от сего наставляйтесь, от сего просвещайтесь, о сем утвержайтесь; да и нас, убогих духом и нищих, благодатию просвещайте, а за дерзость, Бога ради, простите. Понеже помните, отцы святии, егда некогда прилучися неким нашим приходом к вам в пречестную обитель пречистыя Богородицы и чудотворца Кирила, и случися тако судьбами Божиими: по милости пречистыя богородицы и чудотворца Кирила молитвами от темныя ми мрачности малу зарю света Божия в помысле моем восприях, и повелех тогда существу преподобному вашему игумену Кирилу с некими от вас братии негде в келии сокровене быти, самому же такожде от мятеж и плища мирскаго упразднившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменом бяхе Иоасаф архимандрит Каменской, Сергей Колычев, ты Никодим, ты Антоней, а иных не упомню; и бывши о сем беседе надолзе, и аз грешный вам известних желание свое о пострижении, и искушах окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы известисте ми о бозе крепостное житие. И яко же услышах сие божественное житие, ту абие возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обретох узду помощи божия своему неводержанию и пристанище спасения. И свое обещание

положих вам с радостию, яко нигде инде, ащ благоволит Бог, в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестней сей обители пречистыя богородицы, чюдотворца Кирила со давления. И вам молитвовавшим аз же окаянный преклоних скверную свою главу и приподох к честным стопам преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего же и моего, на сем благословения прося. Оному же руку на мне положьшу и благословившу меня на сем, яко же выше рех, яко некоего новоприходящаго пострищися.

И мне мнится окаянному, яко исполу есмь чернец: аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу. И видех во пристанищи спасения многи корабли душевныя люте обуреваемы треволнением. Сего ради не могох терпети, малодушествовах, и о своей души поболех, яко сый уже ваш, да не пристанище спасения испразнится, сие дерзнух глаголати...

Яко же апостоли Христу сраспинаеми, и соумеръщвляеми, и сово-скрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последъствовати великому чюдотворцу Кириллу, и предание его крепко держати, и о истине подвизатися крепце, и не быти бегуном, пометати щит и

иная, но вся оружия божия восприимете, и не предавайте чюдотворцова предания никто же от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне страстолюбия ради. Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин, понеже от царския власти послан, и есть Христос распинаемъ — чюдотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чем ослабу попустите, — то и велико будет...

Видите ли, каково послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для, такова у вас слабость учинилася и чюдотворцову преданию преступление. И только нам благоволит Бог у вас пострищися, ино то всему царьскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет.

Опальные бояре И. Шереметев и И. Хабаров сравниваются с иудейскими первосвященниками Анной и Каиафой, главными виновниками казни Христа; боярин В. Собакин, в монашестве Варлаам, уподобляется Понтию Пилату, римскому наместнику в Иудее (с 26 по 36 г); во времена наместничества Пилата был распят Христос, как говорится в христианско-мифологическом сказании.

КИРИЛЛОВСКИЕ ПРЕДАНИЯ

История Кирилло-Белозерского монастыря неразрывно связана с событиями русской истории, с судьбами правителей и выдающихся людей прошедших столетий.

В 1529 году прибыл в Кирилло-Белозерскую обитель на богомолье великий князь Василий III с новой супругой Еленой. Прибыл с целью помолиться вместе с благочестивыми иноками о разрешении его супруги от бесчадия. Бог «услышал» жаркую молитву, и в следующем году у них родился сын - будущий Иван Грозный. В знак благодарности за рождение сына князь подарил монастырю огромную сумму денег и построил на свои средства две церкви.

Подобно своему отцу, Иван Грозный уделял монастырю большое внимание. Он был крупнейшим вкладчиком этой обители и несколько раз приезжал сюда на богомолье, а под старость намеревался даже дожить здесь свой век.

Впервые Иван IV посетил Кирилловский монастырь в юности в 1545 году. Тогда ещё строго соблюдался устав основателя обители Кирилла Белозерского. В послании Игумену Кирилло-Белозёрского монастыря Иван Грозный вспоминает, как во время этого первого посещения монастыря он опоздал на ужин и лёг спать голодным.

В предании говорится: «По молодости лет царь опоздал однажды на ужин, и слуга его попросил у келаря стерлядей. Келарь ответил: «Об этом, о судари, мне не было приказа, что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь, взять негде. Государя боюсь, а Бога надо бояться больше».

«Кирилловский уезд» - историческое событие 1553 года. Под таким заголовком в

Никоновской летописи упомянуто о путешествии Грозного по святым местам после тяжелой болезни.

Исполняя обет, данный им в болезни, Иван IV отправился на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь вместе с первой женой Анастасией и сыном Дмитрием. Сначала он поехал в обитель святого Сергия. Царь посетил келию Максима Грека, который стал отговаривать Грозного от поездки, предсказав гибель Дмитрия. Царь не испугался пророчества... и вернулся в Москву без сына.

Причины смерти царевича объясняются по-разному. По местному преданию, когда Иван Васильевич с женой катался на большой лодке по Сиверскому озеру, а нянька с царевичем на другой, один из гребцов неловко накренил лодку, и нянька с ребёнком упали в воду. Няньку спасли, а царевич утонул.

Другой вариант предания представлен в книге Приклонского А.А. «Кирилловский уезд» (правдивое сказание о днях злопамятных), изданной в 1916 году.

В этом предании говорится, что царевич Дмитрий утонул по пути в монастырь в Шексне-реке:

*Ниже пустыни славной Кириловой,
Выше Рыбной слободки над Волгою,
Где Шексна-река круто согнулась,
Где колышутся травы прибрежные,
Где волна набегаёт на отмели,
Где журчит она тихо у берега
И сверкает несчётными струйками
Помяни там пред Богом Всеведущим
Со смиреньем: младенца Димитрия!*

Гибель царевича в Шексне подтверждает участник поездки князь Курбский: «И не доезжая монастыря Кирилова, ещё Шексною рекою плывучи, сын его, по пророчеству святого, умер. И оттуда приехал до Кирилова монастыря в печали».

По краткому же летописному известию, царевич Дмитрий умер на обратном пути: «назад едучи к Москве».

В 1569 году Грозный «казнил за измену» князя Владимира Старицкого, его жену и двух малолетних детей и приказал отряду опричников ехать в Кириллов, а оттуда в женский Воскресный Горицкий монастырь, княгиня проживала там под именем инокини Евдокии. Царь велел Старицкую утопить в Шексне, а её прислужниц убить.

В «Летописи событий Кирилло-Белозерского Успенского монастыря, впервые опубликованной в краеведческом альманахе

«Кириллов» в 1997 году, сообщается предание, украсившее эту смерть.

«Говорят, будто Иоанн приказал убрать по-царски лодку и, нажав в неё камень, посадил туда инокиню Евдокию вместе с её невесткой инокинею Александрой. С крутого берега, по мановению царя, лодка была спущена и княгини вместе с нею утонули».

В списках Ивана Грозного, посланных в Кириллов, Ферапонтов и Прилуцкий монастыри, сказано: поминать «иноку княгиню Евдокию, Марию, да с ними 12 душ и со стариками, а имена их ты сам веши, Господь!»

На территории Кирилло-Белозерского монастыря есть церковь Иоанна Листвичника. По преданию, надвратная церковь создана неизвестным зодчим на средства Ивана Грозного. Придел церкви - Иоанна Листвичника - «посвящён», очевидно, сыну Грозного - Ивану.

В. Сергеев. Кириллов. Церковь Сергия Радонежского.

ПРЕДАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕБЫВАНИЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО В ТОТЬМЕ И СЕЛЕ УСТЬЕ

Тотьма - один из старинных городов Вологодчины, основанный в 1137 году. Выгодное экономическое и географическое положение Тотьмы было замечено Иваном IV. После введения опричнины, Тотьма вошла в состав опричного удела царя, о чём свидетельствуют летописные источники.

Во времена последнего продолжительного пребывания в Вологде, Грозный якобы посетил и Тотьму водою по реке Сухоне.

Тотемские предания представляют образцы народной этимологии. Названия топонимов связываются с пребыванием Ивана Грозного в конкретной местности.

В Тотьме сохраняется предание, что царь останавливался в шатрах, вблизи города, на лугу, который и поныне называется Государев луг. Недалеко от него есть место, называемое виселки: здесь будто бы поставлены были виселицы и Грозный чинил свой суд и расправу.

Другое предание, связанное с именем Ивана Грозного, касается удивительного названия речки Пёсья Деньга.

Ехал царь из Вологды в Тотьму по какой-то надобности и пред самым городом царский возок увяз посреди речки. Поспешившие на помощь мужики вынесли возок на сухое место. Растроганный царь захотел лично расплатиться с ними. Но вот незадача: одна денга выскользнула из рук Ивана Грозного и канула в грязную речную воду. «А и пёс с ней, с деньгой - то! - воскликнули мужики, - главное - с живым царём постояли».

Подобное предание связано и с названием реки Царёва. Якобы во время своего по-

сещения Тотьмы Иван Грозный проезжал по дороге около реки. Местность с прекрасными сосновыми борами и с широкой песчаной рекой ему приглянулась и он объявил ее «Царёвой».

Название Усть-Стрелецкой Слободы также связано с пребыванием царя в Тотьме. Когда царь Иван Грозный плыл из Вологды в Тотьму, то оставил здесь стражу из стрельцов, а на обратном пути о них забыл, и они остались тут жить, превратившись в простых крестьян.

«Лета 7053 (1545) поехал государь и великий князь Иван Васильевич по монастырями был на Вологде у Спаса на Прилуке, в Корнильеве, Павлове, к Борису и Глебу на Устье и возвратился в Москву, в 7-ой день».

Из Устья Иван IV намеревался, как считают исследователи, проехать в Спасо - Каменный монастырь, однако из-за сильной непогоды на Кубенском озере, которую он несколько дней переждал в Устье, в монастыре ему побывать так и не пришлось.

Невдалеке от берега для него был установлен шатёр, потом на этом месте был поставлен памятный поклонный крест, позже была срублена деревянная часовня, а впоследствии построена и каменная.

В 1555 году в Москву из Вятки водным путем была препровождена чудотворная икона «Никола Великорецкий». От Устюга до Вологды икону перевозили по Сухоне. В старинной рукописи, опубликованной в XIX веке краеведом Н. И. Суворовым, говорится: «В пути, не доплывши до Вологды 35 верст, ладья на каржу (т.е. каменистую мель) в воде

наплыла, пролом дна сделался, ладья водою наполнилась, почему образ чудотворца Николая вынесен был на берег Сухоны, где и ныне часовня существует, а бывший тут храм деревянный волею всевышнего сторел». Иконе Николы Великорецкого особое значение придавал царь Иван Грозный, в связи с чем на месте ее спасения был учрежден по его указу мужской монастырь - Николаевская Мокрая пустынь.

На этом пустом ныне месте раньше стояла деревянная церковь Николая Чудотворца, а в конце XV века в источниках здесь отмечался Николаевский Мокрый монастырь, или пустынь.

Е. ЛОГИНОВ

Неизвестный западноевропейский мастер. Царь Иван Васильевич Грозный. Гравюра 16 век.

ДЕВИЦА ИЗ ЧУДСКОГО ПЛЕМЕНИ

По течению реки Устья, впадающей в Вагу, на правой стороне её, в Благовещенском приходе, напротив устья Кокшеньги, между двумя ручьями, на возвышенной горе проживавшая чудь оставила по себе признаки: вал кругом сопки (кургана) - как бы род крепости и в некоторых местах ямы, сходные с погребениями. При разработке той сопки под хлебопашество крестьяне в недавнее время находили бугры глины.

Из этого заключают, что на тех местах были чудские печи.

От тех населенцев чудского племени взята была в деревню Михайловскую девица в супружество за крестьянина Черепанова. Девица та была мужественна, имела необычайную силу в сравнении с прочими девицами. Потомство же её уже ничем не отличалось от новых её земляков.

Н. ЛУЗИН

РАЗОРЕНИЕ КОКШЕНЬГИ

...Литва имела пристанище у Кокрякова озера и у ручья (почти против Спасского погоста), и они ходили к ночам (во время осады Никольского городища?) все туда. Над речкой над Кокряковым был на угоре гладкий камень, на нём они хлебовали и в карты играли. Этот камень нынче недавно мужик подкопал и свалил — думал, клад есть. На камне три зарубы. Одна на Преображение (т.е. в направлении Спасо-Преображенской церкви).

Сколько их там было — неизвестно. Главных их начальников убили. Наши мужики собрались с шести волостей и пришли к Кокрякову. Наперёд у наших-то шли большезнающие (т.е. ведуны, знахари, колдуны). Это были паны, они ведь наши и правили нашими. Их звали Янон, Пеган, Поляница и Хайдук. Литва-та в это время отдыхала: вот она варит кашу, обедать хотят. Ихний атаман говорит:

-Ну, ребята, севодни на каше кровь кипит - не ладно будет, не к добру это.

Все изменились, не знают, что делать. Вот когда тут пришли наши-те со своими

атаманами, и стали драться. Первое дело их атаман расстёгивает грудь и говорит:

-Стреляйте!

Наш стрелил - и тут же застрелил. Была заряжена-то пуговица серебряная (против серебра-то не заговоришься); пуговица сквозь его пролетела. Он упал. Другого поймали - стали рубить топором. Топор не берёт: он заговорился. Наши и говорят:

-Не ладно рубите! Возьмите трою в землю топором, ударьте наотмашь, а потом и по шее, тоже наотмашь.

Тому голову отрубили. Третий побежал наубёг. Он бежал ни много ни мало, три версты. И кидал серебро горстями, чтоб народ остановился. Достигали (т.е. догнали) его против деревни Костенгской. Тут и поймали, и голову отсекли. На том месте была каменьяца (груда камней) и донынче. Остальные приметались в озеро Кокряково. И нынче кровавые косы ходят по озеру в непогоду.

Дьякон Боскарёв видел кость на берегу озера: приподыметя да и сосвищет - значит, хочет похорониться. Я видел тоже такую кость.

ПОДДЕРЖКА БОГОРОДИЦЫ

Есть среди исторических свидетельств Смутного времени тяжкие испытания и рассказы о хищнических набегах иноземных и отечественных разбойников, принёсших гибель и разорение, есть и свидетельства предательства... Но есть и героизм, и верность долгу, есть и примеры горячей любви к родной земле.

Славный подвиг жителей Устюжны, отстоявших свой город от превосходящих неприятельских сил, занимает видное место в истории Смутного времени. Таких, как этот северный город, не покорившийся войскам самозванца Лжедмитрия II, в России было не так уж много. Жители Устюжны выдержали

осаду многочисленного отряда во главе с паном Касаковским. Героизм устюжан, их решимость стоять за правое дело, не щадя своей жизни, укрепила поддержка свыше. В ночь на четвёртое февраля, когда силы защитников города начали ослабевать, священники вынесли на крепостные стены городскую святыню — образ Богородицы Одигитрии, и по

молитвам перед её иконой Пресвятая Богородица придала устюжанам сил и смелости. Они не только выдержали натиск неприятеля, но и предприняли вылазку во вражеский стан, захватили пушку и заставили нападавших бежать.

В. МАКАРОВ

В ВЕКЕ СЕМНАДЦАТОМ

История Вологды знавала и стремительные взлёты, и мучительные падения. Особенно не повезло городу в начале семнадцатого века. В Смутное время «польские и литовские люди с черкесами и казаками» грабили и жгли посады, церкви и престолы, жестоко расправлялись с пленными и монахами Спасо-Прилуцкого монастыря. Всему этому сопутствовали голод и эпидемия. И вологжане дали пример христианского усердия и единения перед губительной моровой язвой. Собравшись с силами, жители города 18 октября 1654 года начали и за одни сутки построили деревянный храм Христа Спасителя. Трудились все — и старые, и малые, и иконописцы, и плотники... За тот же день безвестный мастер для нового храма написал образ Спаса, которому века поклонялись православные вологжане. Летописец писал о том дне: «И виде Господь веру и моление рабов своих и покаяние слёзное о своих согрешениях, великий гнев свой на милость положи и моровую язву утоли: и от того дне мор на Вологде перестал».

Позднее вместо деревянной церкви вологжане построили каменную — Спасо-Всеградский собор, который в народе звали Спас

Обыденный («обыденный», значит, «однодневный», построенный за один день»).

В веке двадцатом, в году семьдесят втором, местная власть, взращённая на дьявольском поле атеизма, уничтожила вологодскую святыню. И осталась она лишь в памяти благородных потомков.

Д. НИКОЛЬСКИЙ

В. Сергеев. Храмы на озере

ЗАГАДКИ СОБОРНОЙ ГОРКИ

Главной достопримечательностью Вологды является Кремлёвская площадь. На ней уже более шести веков стоит храм Софии, колокольня, с которой виден весь город. А располагаются эти чудесные сооружения на Соборной горке. Названа она по храму Софии, который начали строить в 1568 году по указу Ивана Грозного. Царь сам лично руководил строительством собора во время посещения Вологды. Тогда Соборная горка, как и сейчас, была местом народных гуляний. На ней вологжане встречали все праздники, а зимой местная ребятня ещё и скатывалась с неё на санях.

Но Соборная горка не всегда была только местом народных гуляний. В истории её есть очень интересная страница, связанная с одной местной легендой.

Всё началось с того, что в 1804 году журнал «Северный вестник» опубликовал статью, в которой утверждалось, что Соборная горка — это не простая естественная гора, а каменное снаружи, округлённое наподобие горы, здание, в котором находятся сокровища Ивана Грозного.

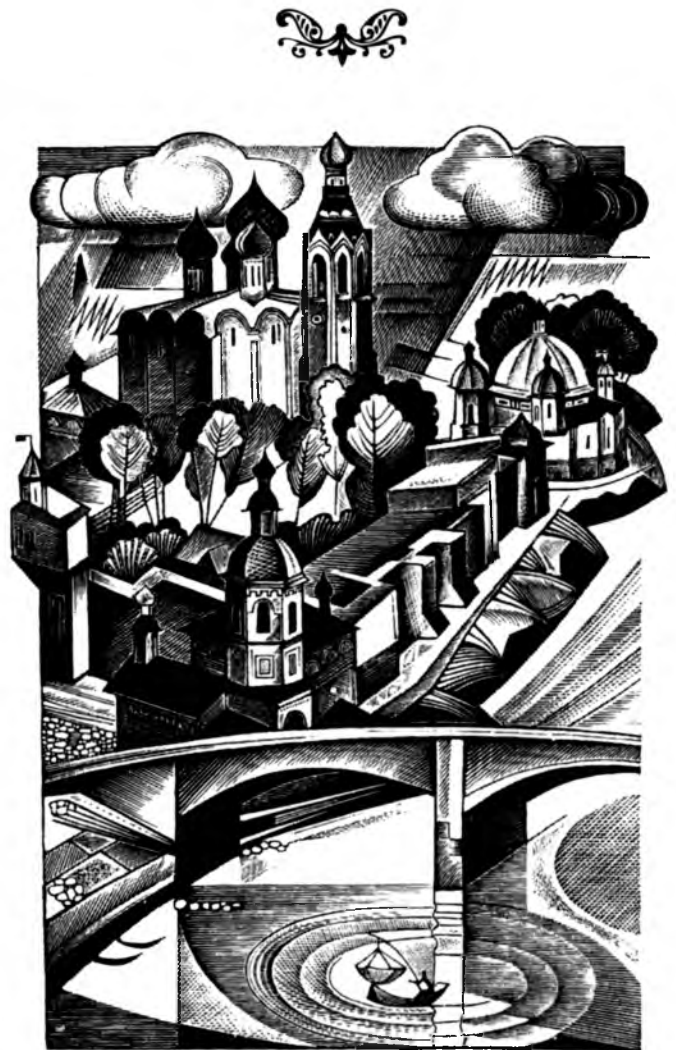
После этой публикации кладоискатели перерыли почти всю гору, но так ничего и не нашли. В 1823 году Соборную горку, представляющую собой пустырь, весь изрытый ямами, стали благоустраивать. А тайна так и осталась нераскрытой.

Версий и догадок по этому поводу предлагалось множество, они даже связывались с пропавшей библиотекой Ивана Грозного, которую ищут уже около трёхсот лет. Кто знает, может, именно тогда решил он построить подземное здание для хранения своих сокровищ. И в их числе могла бы быть

легендарная библиотека «Либерия». Царь гордился этим сокровищем и мало кому показывал библиотеку. А после смерти царя она исчезла, и никто не знает, где она.

«Либерию» искали в архивах России, в подвалах и тайных переходах Московского Кремля, в подмосковных монастырях и в бывшей Александровской слободе. Поиск приводил учёных даже в Вологду и Кирилло-Белозерский монастырь. Но библиотека не найдена и до сего дня.

Р. ШОРОХОВ

В.Сергеев. Вологодский кремль.

КАМАРИНСКАЯ

Пётр Великий по Вологде ходит,
двухметровый загадочный царь.
Хитроумные трели выводит
на одной колокольне звонарь.
Пётр послушал и молвил:
-А ну-ка,
приведите ко мне звонаря...-
Удивился народ:
«Вот те шутка!
Что за прихоть опять у царя?..»
Кверху ринулись рьяные служки.
Их послал к звонарю пономарь.
-Эй ты, как тебя там?..
Эй, послушь-ко!
Книзу кличет тебя государь!-
А звонарь ещё крепче верёвку
намотал на кулак, как узду:
-Перед Богом теперя не ловко.
Отзвоню — так тогда и приду...-
Да как вдарит, как вдарит, как вдарит!
Пётр усы только крутит:
-Хвалю!
Коль звонарь не идёт к государю,
император идёт к звонарю...-
И полез.
Скрип ступенек прогнутых.
У зевак отнялася молва.
Сам звонарь притрухнул в ту минуту.
У ноги его, в лапоть обутой,
показалась Петра голова.
Говорит государь:
-Кто я, знаешь?-
И звонарь отвечает:
-Угу!-

Баёт царь:
-Презабавно играешь!-
Отвечает звонарь:
-Как могу.
-А камаринскую сумеешь?
-Каб не грех, отчего не сумеешь...
-Грех беру на себя. Разумеешь?..
И пошла выговаривать медь:
«Ах ты, сукин сын, камаринский мужик!
Подтянув штаны, по улице бежит.
Он бежит-бежит, подмигивает,
всё котомочку подкидывает.
А у него котомка кожаная,
в кабаке была заложённая...»
Собрался люд честной к колокольне:
«Попадёт мужику... Что дурит?..»
-Ну, уважил! Надолго запомню!-
государь мужику говорит.
-Звать-то как?
-Одноногий Ивашка!
-А подъёмчик, однако, крут...
Как же ты на своей деревяшке?..
-А бывает, и ночью тут...
Государь на рассвете уехал.
Скоро в город бумага пришла.
Пётр велел:
«Ради ратных успехов
снять на пушки колокола,
сохранив токмо те, конечно
(вот и царь был, а слово сдержал!),
на которых Ивашка увечный
мне камаринскую играл...»

Ю.ЛЕДНЕВ

СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ ПОЛЯКОВ НА УСТЮЖНУ ЖЕЛЕЗНОПОЛЬНУЮ

1608, декабря 23 - Увещательная грамота царя Василия Иоанновича в Устюжну Железопольскую: о стоянии за веру христианскую и за государство Российское; о недоверии ни в чем единомышленникам нового самозванца; о собрании всем ополчениям для общей защиты в Ярославль и обещании каждому за службу великого жалования и льготы.

От царя и великого князя Василия Иоанновича всея Руси на Устюжну Железопольскую архимандритам и игуменам и попам и всему собору, и дворянам, и детям боярским, иноземцам, и старостам, и сотским и всяким посадским людям, иных и черных волостей крестьянам, и всяким служивым и жилецким людям

Слух нам дошел, что вы, попомнив Бога и своя души крестное свое целование, за нашу истинную православную хрестьянскую веру, и за разорение Московскаго государства, и за все православное хрестьянство, и за свои дома против воров стали, и ныне в сборе, и хотите, и прося у Бога милости, над воры промышляти и себя от них оберегати.

И мы, слыша о том, обрадовалися и всегда о вас милосердуем, и непрестани со слезами у Бога милости просим, чтоб милосердый Бог надо всеми людьми нашего государства умилосердовался и отовратил бы свой праведный гнев, и вора́м бы литовским людем, нашего государства не дать на разоренье, и все бы люди нашего государства пришли в познанье; и против ваша́я службы и раденья, учнем вам воздавати нашим великим жалованьем, чего у вас и на разуме нет; и всякия ваши нужи и разоренье велим пополнити, и службу вашу во веки учиним памятноу.

Как к вам ся наша грамота придет, и вы б, всякие истинные о православии ревнители, о нашей православной хрестьянской вере порадели, Московскаго государства в разоренье от воров и от литовских людей выдать не похотели, вора́м и воровской смуте ни в чем не верили, а против бы их стояли, и себя б и свои места от воров оберегали, и тот бы час во все города ко всяким людем от себя отписали, чтоб они все с вами собрались, на воров бы шли и свои б места очищали, в работу б себя и на поруганье жен и детей и на грабеж своих домов вора́м и литовским людем не предали; а только вскоре не сберутся, и учнут все врозни жити и сами за себя не станут, и они сами над собою увидят от воров конечное разоренье, и дома́м их запустенье, и жена́м и детем поруганье, и сами они себе будут и нашей хрестьянской вере и своему отечеству предатели.

А ныне всем ведомо, как воры литовские люди нашу хрестьянскую веру разоряют и образы обдирают и колют, и раки святых разсекают, и какія податки, поносовшину с вас собирают, и многие налоги и продажи деют; а впред только осилеют и пуще того учнут делати. И неверные за свою веру стражут и от иноплеменных свои страны... (!) а вам, истинным хрестьянам поготову пригоже о благочестии и за веру подвизаться, и всякому за себя и за свои дома́ стояти; и будет попомните нашу православную истинную веру, вскоре все сберетеса и станете все вместе, и вы от воров свободны будете, и честь себе и хвалу вечную получите, и жити учнете в тишине и в покое. А которые у вас учнут прельщати, или какія изменныя слова учнут говорить, или кто с

вами итти не похочет, и вы б им не молчали, делали им наказанье, кто чего достоин. А как сберетесь, и вы б со всеми людьми шли в Ярославль, и будет вам мочно к нам к Москве пройти, и вы б шли к нам, не мешкая, на которое место лучше будет; для большего сбора. Похотите посождаться в Ярославле, и вы б о том к нам отписали, и мы к вам встречу пришлем бояр наших и воевод со многими людьми. А будет ведомо вам про боярина нашего и воеводу про Федора Ивановича Шереметева с товарищи, и вы б к нему встречу кого послали, чтоб ему с вами ж вместе сходитья, и от себя б к нему отписали, чтоб ему про вас было ведомо, и нашу грамоту, какова послана к нему. А однолично б есте чудотворной образ Пречистыя Богородицы и великих московских чудотворцов цельбоносныя мощи и все Московское государство и о нас порадели, и службу свою и раденье к нам совершили, как преж того служили, так бы и ныне докончали, и славу б себе и честь вечную получили; собрався б со всеми людьми, шли б есте к нам к Москве на помощь не мешкая, то б нашу службу и раденьем на воров помощь учинилася, и ратные б у вас люди были на нартах многие, и шли б великим береженьем. А будет где вам случится с воровскими людьми бой, и вы б заводных людей разных на нартах посылали и велели на них с сторон приходити, и над ними бы промышляли, сколько вам милосердый Бог помочи подает. А то б есте ведали, что у нас на Москве, Божиею милостию и Пречистыя Богородицы заступленьем и всех святых молитвами, декабря в 23 число все здорово: бояре, и дворяне, стольники, и стряпчие, и дворяне с городов, и дети боярские, и гости, посадские люди, и стрельцы, и козаки, и всякие служилые и жилецкие люди от мала и до велика все единомысленно за святыя божий церкви и за веру и за все православное крес-

тьянство стоят крепко и хотят с воры битися до смерти. А ожидаем из Великаго Новгорода боярина нашего и воеводу князя Михаила Васильевича Шуйскаго с новгородскою и со псковскою ратью и с немецкими людьми, да из Смоленска воевод с смоленскою ратью, да боярина нашего и воеводу Федора Ивановича Шереметева с понизовскою ратью, да вас устюжан и всех наших служилых людей. А как с людьми сождемся, и мы, прося у Бога милости, над воры учнем промышляти. А которые руские люди в воровских полках, и они к нам приказывают, что они к нам прямят, и над литовскими людьми хотят промышлять с нашими людьми вместе, изождав время. А ныне у нас на Москве, Божиею милостию, в людских и в конских кормех всяки нужи нашим людем нет: четверть ржи купят в полтину, а иногда алтын в двадцать, а четверть овса в четыре гривны, а сена воз большой алтын в двадцать или немного больше; вы б однолично безо всякаго сумненья, собрався со всеми людьми, шли к нам к Москве не мешкая, и службу б свою и раденье совершили. А мы вас пожалуем нашим великим жалованьем: вас устюжских помещиков и детей боярских пожалуем многою денежною и поместною придачею, и велим вас испоместить, наше жалованье дать; а вас посадских и уездных людей пожалуем льготою на многия лета, и торговать велим безошлинно, и во всем велим вас отохранить; да и сверх того пожалуем нашим великим жалованьем, чего у вас и на разуме нет, и всякия ваши разоренья и нужи велим пополнить; и службу всех вас во веки учиним памятно. А что у вас ныне делается, и вы б о том к нам отписали, и посылали бы гонцов разными дорогами, чтоб им однолично к нам к Москве пройти здорово и безстрашно; а только мочно, вы б к Троице в Сергиев монастырь посылали кого пригоже, и велели им про себя в

монастыре сказати, чтоб им про нас было ведомо. А с сей бы нашия грамоты, списав списки, посылати во весь Устюжской уезд, чтоб всем людем было ведомо. Писана на нашем стану по Волоцкой (м. б.,— Вологодской ?) дороге, лета 7117 года, декабря в 23 день.

А позади государевы грамоты припись государева дьяка Томила Луговскаго; а позади грамоты пишет: 117 года, генваря в 24 день приезжал пристав Степанко Захарьин.

Собрание государственных грамот и договоров. М., 1816. Ч. 2. № 167.

1608 г.— Окружная грамота от боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в разные города для укрепления граждан в верной к законному государю службе с возвещением о поспешающих на помощь от шведского короля войсках.

Господам вологжанам и белозерцам и устюжанам железопольские и углечанам и кашинцам и Бежецкаго Верху и Городецка и посадским и всяким людем Михайло Шуйской челом бьет.

Писали к государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси Бежецкия пятины дворяне и дети боярские и губные старосты, что вы вологжане и белозерцы и устюжане и галечане и кашенцы и Бежецкаго Верху и городечане обвестясь с ними с дворяны и с детьми боярскими и собрався пришли в Устьрецкой стан декабря в 21 день и изменников государевых Осипка Застолпскаго да пана Матьяша убили, а Федора Маврина взяли, а иных панов велели, переимав, посадити в тюрьму до государева указу, и крест вы государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси целовали, и государю служите и прямите, а в волости и в погосты приводити к крестному

целованью послали; а в Торжек и во Тверь и в иные города писали, чтоб государю крест целовали и, обвестясь с вами, приходили на государевых изменников и на литовских людей заодин. И вы, господа, то учинили, помня Бога и души свои, и государево цареву и великаго князя Василья Ивановича всея Руси крестное целование, и прежняя ваша служба и раденье государю и всей земле ведомо, а учинилась смута у вас и крест целовали от великия неволи и от разоренья. И вам, господам, одноконечно к государю и всей земле служба своя и раденье показати, как естя начали, самим вам меж себя укрепить и, людей не роспустя, промышлять над изменники государевы не мешкая, и в города и в волости и в станы писать от себя и людей добрых посылати, чтоб они обратились и вины свои к государю принесли и крестному целованью приводят; а того бы вам однолично в оплошку себя не поставить, и людей не роспустить и не дать бы вора́м собратись. А где не учнут слушати и вам на те места приходит и от воровския смуты отводить и приводить их к крестному целованью на государево цареву и великаго князя Василья Ивановича всея Руси имя.

А немецких людей свейской король Карл шлет к государю Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси на помочь 10 тысяч, и пришли с Семеном Васильевичем Головиным, да с дьяком с Сыдавным Васильевым на Ореховской рубеж декабря в 17 день, а в Новгород будут вскоре. А в Новгороде милостию Божиею и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцов помощью и заступленьем дворяне и дети боярские и всякие служилые люди и новгородские посадские люди государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русии служат и прямят, и многих воров побивают и живых емлют, и хотят те все за веру православную и за святыя божия церкви и за государево цареву и великаго князя Василья Ивановича всея Русии имя померети. И вам

бы, господам, однолично служба своя и раденье совершити и промышляти вам над вору всякими мерами, сколько бог помочи подаст, и в города и в волости и в станы от себя к дворянам и к детем боярским и ко всяким людем писати, и людей добрых посылати, чтоб они обратились и вины свои к государю принесли, и собрався, ехали б к вам и стояли б на воров с вами заодин, а вора на себя сбираться не давали; а пущих воров, от которых чинится смута, имая побивали, а иных сажали бы есте в тюрьму до государева указу, а просто их не пущали. А что у вас учнется делати, и вам бы о том о всем писати к Москве почасту.

Собрание государственных грамот и договоров. М., 1816. Ч. 2. № 166

ПОЯВЛЕНИЕ ЗЕЛЬЯ-ТАБАКА В ВОЛОГДЕ

Среди заморских товаров был и один новый для россиян — табак. Отношение к нему на Руси в XVII веке было примерно такое же, как сегодня к наркотикам: был этот товар зловредным — запрещённым для ввоза и употребления. В 1634 году вышел царский указ, подтверждённый позже Соборным уложением: «На Москве и в городах о табаке заказ учинить под смертной казнию, чтобы нигде русские люди и иноземцы всякия табаку у себя не держали и не пили, и табаком не торговали. А кто русские люди и инозем-

цы табак учнут держать, или табаком учнут торговать... за то чините наказание большое без пощады, под смертное казнию, и дворы их и животы имая, продавати, а деньги имати в государеву казну».

Борьба с зельем велась и в Вологде. Здесь осенью 1639 года произошёл инцидент: на двор к «англинским немчинам» - купцам «для табачного сыску» пришли Осип Хлопов, подьячий Фёдор Дурышкин и посадские люди. Но англичане амбар осмотреть не позволили, а гостей встретили совсем не

ласково — заперли ворота и собак спустили. Через два месяца посадские устроили настоящий погром, как на дворах некоторых иноземцев, так и на «судах их под горою», но вот табаку не нашли.

К концу века стало ясно, что бороться с запретами бесполезно, и Пётр I торговлю табаком легализовал. В 1697 году был издан указ о том, чтобы «на Вологде продавать табак и торговать явно», но только в специаль-

но отведённом месте — на «постоялом дворе подле кабака», взимая пошлину в пользу государя. Однако присланный от московских купцов для торговли табаком Иван сын Фандорт начал продавать табак не только там, где позволял царский указ, но и там, где было скопление народа, - у церкви по воскресным дням, чем приводил прихожан в смущение.

М. МУХИНА

В. Сергеев. Курильщики

ПЁТР ПЕРВЫЙ И ВЫТЕГОРЫ

Ну вот, Пётр <...> отдыхал в трёх километрах от Вытегры, значит; деревня Шестова была.

Вероятно, умотали Петра и его свиту наши болота, наши леса, и Пётр заснул, заснула его свита.

В это время у императора пропал камзол. Проснулся - он очень разгневался, как это так?

Ну, император Пётр даже этим не ограничился. А он, значит, сказал, что все

проживающие, вновь здесь семьи создающиеся будут носить фамилию Обрядины:

«обрядать» - значит «спрятать», «обрядили» - «спрятали» камзол...

-Ну вот, пусть здесь все Обрядины и будут!..

Там в деревне все Обрядины живут. Ну, а теперь всех этих деревён нет, и

Обрядиных уж теперь один-два и обчёлся, порасселились все по нашему русскому государству, поразъехались...

О. ОРЛОВ

Автор неизвестен. Петр 1

СЕМЕЙНЫЕ ОСТРОВА

Три острова цепочкой выстроились в среднем течении Сухоны близ Тотмы. Причём не просто так, а по семейному ранжиру. Первым идёт самый крупный остров - Дедов, следом за ним чуть поменьше - Бабий, и замыкает природное шествие самый маленький островок - Внуков.

Впрочем, при всей топонимической схожести, как пишет знаток Севера В. Романов, каждый из них имеет не только свою судьбу, но и отличное от других происхождение. Среди трёх десятков островов на Сухоне, Дедов — единственный, который появился на свет не намыванным путём. Это - настоящая земная твердь, протянувшаяся в длину на полтора километра, а в ширину - на пятьсот метров. На Дедовом острове есть даже своя «гора» - заросший лесом холм высотой около 15 метров. А вот Бабий остров - низенький, заросший кустарником и мелколесьем. Образовался он из песка и донных отложений, принесённых величавой Сухоной. Внуков же остров в какой-то мере является полуискусственным. В начале прошлого века при проведении дноуглубительных работ на небольшую отмель ссыпали взятый с фарватера грунт, а потому в основании этого острова можно встретить не только песок и гальку, но и окаменевшие кости доисторических рыб. Точного объяснения «семейственности» в названиях тотемских островов до сих пор нет. Правда, большинство краеведов и географов склоняются к мнению о том, что дошедшие до наших дней топонимы появились еще восемь-десять веков назад и определённым образом были связаны с существовавшим у языческого населения культом бога Белеса. Предполагается, что когда-то на Дедовом острове было древнеславянское кладбище, а на соседнем, Бабьем острове, про-

водились языческие ритуалы. Романов предполагает, что именно желанием окончательно вытравить «языческий дух» из здешних мест и объясняется появление в конце XVII века на Дедовом острове православного храма - церкви Святой Троицы. Чуть позднее весь остров оказался во владениях Спасо-Суморина монастыря, а на основе деревянной церкви возникла Троицкая пустынь - свой небольшой мужской монастырь.

Романов приводит еще одну версию «охристианивания» островов. Когда-то тотемским воеводой был Фёдор Лопухин, отец первой супруги Петра Первого - Евдокии Лопухиной. Её царь велел сослать в монастырь. Но перед обрядом пострижения в Суздальском монастыре «разжалованную» царицу на какое-то время отправили на послушание в другую обитель - в Богородицкий женский монастырь, что находился на правом берегу Сухоны, неподалеку от Бабьего острова. Личным духовником Евдокии стал иеромонах Иона, до этого по распоряжению Лопухина-воеводы построивший на Дедовом острове небольшую часовню. Она-то и превратилась в церковь. Экс-царицу потом всё-таки отправили в Суздаль, но о тотемском периоде жизни она не забывала — прислала в церковь Святой Троицы икону с дарственной надписью и несколько дорогостоящих книг для богослужения.

После Октябрьской революции на Дедовом острове появились коммунары. Первоначально коммуна была исключительно мужской и жизнь в ней чем-то напоминала монашеские порядки. Днём местная «братия» занималась огородничеством и хозяйственными работами, а вечером, вместо молебна, устраивали классовые читки - заучивали наизусть труды Маркса, Энгельса, Ленина. Потом к коммунарам

приехали коммунарки и времени на читки уже не оставалось. Вскоре коммуна все съестное проела, вся износилась и... разбежалась. Но все же коммунары успели разобрать на кирпич Троице-Сергиевскую церковь и продать кирпич строительной конторе, которая

ценный стройматериал баржами увезла в Архангельск. Слава «семейных» островов как-то постепенно потухла. Может, и к лучшему: меньше посторонних глаз - целее природа.

Н. ЛУЗИН

ОСИНОВЫЙ МЫС

Этот мыс находится при слиянии рек Китлы и Индоманки, в тридцати верстах к северо-востоку от Белого озера. Теперь эта местность относится к Вашкинскому району. Давным-давно здесь произошла битва русских с «панами». А дело было так. Местные крестьяне устроили на берегу засаду, заранее подрубив множество громадных осин вдоль берега и скрепив их верёвками, чтобы до срока не

упали. Когда мимо по реке плыли на плотях поляки с награбленным добром, верёвки были перерублены, осины рухнули и потопили плоты захватчиков. Всех незваных гостей тут и перебили. И поделом, ведь немало погуляли «паны» на большой дороге от Белоозера к Чаронде и дальше к Каргополю и Поморью.

А. КОСТРОВ

ГЕРОЙ ПУШМЯК

Крепко запомнились абакановским жителям Череповецкой стороны поляки, гулявшие тут в XVII веке. В 1611 году пришли сюда два польских отряда: одним командовал пан Казимир, другим - пан Будимир. Отряд пана Казимира разбил лагерь у истока небольшого ручья, впадающего в реку Ягорбу. С тех пор ручей стали звать «Казимир». Другой отряд стал лагерем около деревни Аксёново, где берёт начало другой ручей, впадающий в реку Кошту. Его стали звать

«Будимир». Оба отряда грабили окрестных жителей. Отряд Казимира разорил и сжёг село Пречстое. Жители его поселились недалеко и новое селение назвали «Погорел». Отряд Будимира ограбил деревню Слабеево и оттуда направился к селу Пречистое. При выходе из Слабеева стояла мельница, крылья которой быстро вертелись на сильном ветре. Поляки подожгли мельницу, крылья запылали, разбрасывая горящие головни на соломенные крыши изб. Так сторело Слабеево.

По дороге из Слабеева в Пречистое стояла деревня Лихачёво. Жители её славились лихостью и храбростью и встретили незваных гостей дубинами и топорами. Завязался бой. Много полегло лихачёвцев, но немало полегло и поляков. Особенно отличился силач крестьянин Матвей Пушмяк, вооружённый топором, насаженным на длинный шест, он рубил поляков направо и налево, но и сам пал, изрубленный саблями. Деревня Лиха-

чёво была сожжена. Уцелевшие жители укрылись в лесу, прорубили там широкую просеку, «продол», и на ней поставили новые избы. Появившуюся деревню назвали Продол, а потом как-то переименовали в Подол. Там и теперь проживают люди с фамилией Пушмёнковы, считающие себя потомками славного богатыря Матвея Пушмяка.

Т. ОСМИНСКИЙ

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОМ РУЧЬЕ

Между деревней Вахонькино и селом Пречистое протекает небольшой ручей под названием Золотой. Историю его в кадуйском краю знают многие. А дело, сказывают, было так.

На берегу реки Шулмы, где стоит деревня Никоновская (раньше она называлась Княжное село), находилась усадьба князей Андогских.

У одного из братьев-князей была красавица-дочь, капризная, своенравная и злая.

Князь безумно любил свою дочь и выполнял все её желания и капризы.

У дочери князя был жених, который в день обручения подарил ей золотое кольцо с алмазом.

Однажды летом князь с дочерью поехали к знакомым в гости. Пара сытых красивых лошадей, запряжённых в открытую коляску, быстро мчалась по дороге.

Кучер, крепостной князя, не мог сдержать лошадей при переезде через ручей, коляска наклонилась, и княжна упала в ручей.

В. Сергеев. Всадник у реки.

Лошади остановились. Князь в испуге соскочил с коляски и помог дочери встать. Встав, она гневно посмотрела на кучера, и стала рукой отряхивать одежду. В это время у неё с пальца соскочило кольцо, подаренное женихом, ударилось о камень и куда-то исчезло. Князь, его дочь и кучер долго искали это кольцо, но найти не могли. Княжна расплакалась и, рассердившись на кучера, сказала отцу: «Он не сдержал лошадей. Он виноват в том, что я потеряла кольцо. Пусть же он найдёт его. А не найдёт, строго накажи».

Отец, выслушав дочь, сказал кучеру: «Ты будешь ходить сюда и искать кольцо до тех пор, пока не найдёшь. Найдёшь - помилую, не найдёшь - накажу и сошлю».

И вот бедный кучер стал ходить на ручей и с утра до вечера искать кольцо. Он

заглядывал под каждый камень, под каждый лист, растущий на дне ручья, вылазил на коленках оба берега у переправы через ручей, выщипал траву. Прошло уже лето, наступила холодная дождливая осень, а кольцо не было найдено. Кучер похудел, морщины покрыли его лицо, он стал молчалив, тяжёлые думы лишили его сна и покоя.

У него была семья: старуха-мать, жена и трое детей. Он понимал, что ожидает его и семью, если кольцо не будет найдено.

Однажды он так утомился, ползая по берегу ручья, что сел на камень и заснул. Сквозь сон он услышал, как кто-то около ходит тихо, осторожно. Он открыл глаза и увидел чертёнка. На пальце его был перстень княжны. Ночь была лунная. Алмаз горел голубым огнём, рассыпая голубые

искры. «Отдай!» - крикнул кучер. - «Догонишь - возьми», - отвечал чертёнок. Кучер вскочил и погнался за ним. Маленький, юркий чертёнок, дразня кучера, ловко увёртывался, прятался в кустах, за деревьями. То там, то тут мелькал голубой огонёк алмаза, искрясь и играя при свете луны.

Долго гонялся кучер за чертёнком, устал. Он прислонился к дереву около большого пня. Вдруг пень ожил. Сухие корни его стали корявыми руками. Появилась седая голова. Вытаращенные глаза пристально смотрели на кучера. Это был дед чертёнка. «Отдай мне кольцо!» - строго сказал он внуку. Но чертёнок стал кривляться, прыгать и не хотел отдать кольцо деду, но вдруг споткнулся и упал. Дед взял у него кольцо, вынул из оправы алмаз, кольцо подал кучеру, а алмаз бросил в кусты и сказал чертёнку: «Ты не послушал меня, так за это будешь наказан: теперь ты должен найти брошенный мною алмаз. Найдёшь - прощу». И вот с тех пор в тёмные летние ночи то тут, то там вспыхивает у ручья голубой огонёк. Это вспыхивает алмаз, дразня чертёнка и прячась от него. Огоньки эти видели жители соседних деревень и боялись ночами ходить около ручья, говоря, что тут живёт нечистая сила. А что стало с кучером?

Его нашли утром на берегу ручья мёртвым. Кулак правой руки у него был крепко сжат. Когда его разжали, то там оказалось золотое кольцо княжны, но без алмаза. С тех пор и прозвали ручей Золотым.

П. ОБУХОВ

ТЕНЬ ГОРОДА КИСТЕНЬ

Места здесь, в устье реки Колодни, низинные, тихие. Лишь на возвышенностях в давние-давние времена были городища. Военные поселения состояли в основном из выходцев с Волги и Оки. По правде сказать, военных батальи в то время тут не было - жили люди дружно, работали неистово, осваивая железные ремёсла, отдыхали умеючи. Центром жизни людей - части Железного поля (ныне Устюжна) был город Кистень. Весь год в нём бурлила всякая деятельность, а вот весной наступало затишье. Реки заполняли низины, овраги, поля талой водой, земля набухла и ходила, как кисель, под ногами. Людей охватывал страх, и не напрасно. Когда в один

из годов наступило половодье особенно широкое и глубокое, дрогнул город Кистень и медленно ушёл в земную твердь. Народ стал бояться и избегать того места, на котором стоял град.

Очевидцы рассказывали, что они видели, как над водой в ясную весеннюю пору выступали крыши домов и храмов, а по воде ходили тени Кистеня, оставшиеся от древнего поселения. Души же горожан мечутся на дне, прося земного вечного успокоения. За что выпала городу Кистень такая участь, никто не знает. И вряд ли узнает.

В. МАКАРОВ

НА ОДНОЙ ЛОШАДИ

- Ты куда? — спрашивает один вытегор другого.
-Да туда-то.
-Зачем?
-Подать прошение.
-На кого?
-На тебя.
-А ты куда? -
Туда же. -
Зачем?
-Прощение подать.
-На кого?
-Да на тебя.
-Так поедem вместе - на одной лошади дешевле!
Вот так и появилась поговорка: «Вытегоры на одной лошади судиться ездят».

ВЫТЕГОРСКИЕ СКАЗАНИЯ

Беседная гора

Проезжал Пётр Великий нашими местами, через былой Вяньги-ручей, нынешнюю Вытегру, Архангельским трактом. На север шёл, корабли строить и шведа бить. В деревне Шестовой народу набралось - как темен лес шумит. День праздничный. Староста с выборными лучшими людьми вышел Осударю навстречу. Великий Пётр росту высокого. Ученья большого. С очей весёлый, ласковый. Хлеб-соль у наших мужиков принял, держал с крестьянами приветный разговор. Про путь-дорогу, про волоки спрашивал подробно, пристально. И преждебывшие наши старичонки отвечали ему степенно, всё при всём, без утайки.

-В четырёх верстах ниже по реке есть, надёжа, осударь, пристань Вянгинская. С Бадог гужом возим коню хлеб с низовых города, с Волги-матушки. Потом, конечно, плавим хлебушко на баржах-тихвинках Шексной, Белым озером, далее рекой Вытегрой. И такмо барки ведут бурлаки, охочие люди.

-А с Бадог, Осударь, до Вяньги-пристани теперь ехать тебе никак нельзя. Вода, знаешь, не сошлась. И вёрст пять будет непроходное отмелое место: суда никак не пойдут. Далее по Вяньге-реке, конечно, быстрина. Пороги! Ты там, гляди-ка, Осударь Великий Пётр! Не дерзи реке. А лучше кликни тамошних знатных лоцманов, вековых приречных лоцманов. Они с водяниками ладят да с Николой-угодником. Проведут твой корабль задёшево, беспечально, скоро.

-Добро обсказали! - Пётр чёрну трубочку вынул, о каблук её выбил. И на брёвнышко с дедами нашими седатыми присел пуще разбеседоваться желает.

- А вы сами, ребята-мужики, чем живёте-кормитесь?

Наши, конечно, рады с дорожным человеком разбеседоваться. Отвечают все при нём:

-А вот, Осударь, наш промысел каков. Строим мореходные корабли - галиоты на твоих осударевых вервях. Озёрные соёмки тоже - и пуцаем, знаешь, в Онего-озеро. С Вяньги этой, конечно, ходим шкиперами, боле по Сивери, по Ладоге-озеру. По вольной, сладкой воде. И дело наше нам куда как по-люби. Вот идёт наше озёрное, речное знание от преждебывших людей, родителей.

Осударь трубочку набил опять. Наши прадеды - прадедам деды! - огоньку

вы кресали, поднесли с бережением, почётном. Ну закурили вместях - и мы ведь не староверы! Любим и водочку, и табачок. Над головушками синь дым завис. Пётр душевно умилился, в долони схлопнул:

-Што! Вижу теперь. Живут здесь люди не глупцы. Народ работный, горячий, речной и морской.

-Оно конечно! - дедушки рассмехнулись, переглянулись. - Ходим - за канат не держимся. С ножа уху не хлебаем. Своим трудом сыты. Из хлеба и сроду никому не кланяемся, руку не тянем.

-Вот это дак по мне! - Царь сказывает. - Так и живите. И больно хорошо!

Место, где Пётр с нашими прадедами беседовал, у нас доседе знают: Беседной горой на Вытегре слывет. Теперь тут - Мариинка, Волго-Балтийский водный путь!

Осударева вина

Иные скажут: когда Великий Пётр этими местами шёл, крестьяне загодя про то знали, на своих пьяниц глядячи. Тогда ведь по деревням мало пили. Не то, что ноне. Пьян-то был вроде дурака деревенского. Его жалели, но за человека не считали. А теперь их, вон-то диво, женят. И девы за них идут! Ну, и плодятся они, весело умножаются.

В прежнюю пору, когда Осударь бывал, ярыги кабацкие по придорожным кабакам жилижировали, своей, знаешь, компанией. Вроде бомжей нынешних. И они Осударя ужасались, чуя скорую под собой расправу. Загодя по подпольям прятались! По банькам, по ригачам разбегались рыскающим поскаком. Под половички забирались, под сосновы лесничины.

От царёвых слуг, конечно, и нам худо приходилось, прадедушкам нашим! Тем, что и на-вовсе без вины, без вина. Вот дай, расскажу!

Через эти места - путь из Вологды в Архангельский город, к Белому морю. Старинный почтовый тракт, торговая дорога. Ехал здесь Пётр. Впереди, конечно, по уставу - квартиррьер скакал. В Анхимове глянул, где бы, мол, ему на постой встать, царёву свиту распоселить! Видит, стоят хоромы просторные, жвужирные. На два, значит, жилья-этажа, по-городскому сказать. Крылечко перенос. Наличники со ставеньками. Очелья с прибасенками. Всё честь по чести. Коттедж! Квартирьер и заскочил на бревенчатый взвоз, по которому сено на сарай завозят. С высокого седла в околнку стучится:

-Так что, хозяйева, - царь едет! Освобождайте дом.

-У нас отец в извозе - ямщину гоняет! - стал впоперёк царёву слуге крестьянский сын Плотников. - Нам некому слова сказать, велеть. А тебя - не знаем.

-И скот со двора- вон! Осударевы кони стоять будут, - квартиррьер свою службу исполняет. Ему, конечно, надо ведь под жильё, военный постой место найти. И фураж. Сам в драгунах бывал, знаю.

-Нас двадцать пять душ. Куды пойдём? - парень не хочет и дверей отворить. Здесь ведь у нас какой народ? Каждый сам себе барин. Помещиков-господ сроду не видавали. А сержант Щепотев, царский квартиррьер, и не залюбил. Горяч бывал. Говорят: крестьянскому сыну напрочь головушку тесаком снёс...

Встречает сержант Петра в Анхимове там. Докладывает всё при всём: «Тут тебе, Осударь, постоем встать будет гораздо хорошо!»

-Почто парня сгубил? - Петру уж ведомо. - Людей со своего угла согнал, разорил.

Ну, где, Михаила, твоя правда!

Он и в избу не зашёл. Велел на берегу палатки-шатёрики становить. И не долго здесь ночевал, станом стоял. Его забота дале гнала. Ведь тогда была война со шведом. А на том берегу, где Петрово войско лагерем стояло, по-над рекой

Вытегрой, срубил старик Плотников церковь о двадцати пяти главах. Такого в наших местах допрежь не бывало. Кижский двадцатидвухглавый собор уж потом срубили, там, за Онего. Старики сказывали, что сам Великий Пётр план начертал.

«Давайте так вот и так. В память о крестьянском сыне Плотникове, моей царской вине».

Это исторический памятник был. Храм, говорили, всесоюзного значения. Теперь, правда, сожгли, мазурики.

В. ФИЛИМОНОВА

ПРЕДАНИЕ

На острие речного склона
Сосна висела высоко,
Как будто колокол зеленый
С обронзовевшим языком.
И Петр велел гребцам причалить.
Без передыху влез туда,
Где ровень с царскими плечами
Синела хвойная гряда
И земляничным ветром дуло...
Он сел, разувшись, на траве,
И государственная дума
Затяжелела меж бровей.
Деревни ближние окликав,
Собрали мужиков зараз
У той сосны, где Петр Великий
Сидел и пил холодный квас.
Столпились мужики тревожно.
А царь встает и говорит:
«Скажите, можно ли до Ковжи
Отсель самим веку прорыть?»
И отвечали: «Отчего же?
Как скажешь, царь, тому и быть.
Все можем для Руси, все можем –
Что турок бить, что речку рыть...»
Доволен Петр таким ответом.
На берег бочка сгружена –
И мужиков зовут отведать
За сговор царского вина.
Ох, и забористо царево,
Хмельно бордовое вино.
Под стать вину царево слово –
Оно и крепко. И красно.
Петр говорил, что краем здешним
Судам в столице должно плыть...
Быть нелегко Петром, конечно,
Но мужиком не легче быть.
Уехал Петр. А здесь, в топине,
В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,

Как на Неве у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжен черный бурелом.
И это все – лопаткой-маткой
Да еще батькой-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О славе не радели предки,
Но лишь о них напоминал
Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это,
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

А. РОМАНОВ

А. Завьялова. Жатва

ГРЯЗОВЕЦ

Куда твой взор, Екатерина, не проник!
Ты из всех цариц едина
Свой взор устремила всюду,
В страну непроходимых мест...
Ты в дальнем севере узрела...
Где несчётная верста,
Где большие перелески,
Ехать с маятой всегда,
Где разбойников набеги,
Там явились города.

Из ничтожного села,
Между лесом и болот,
Среди низеньких избышек
Тут Грязовец наш возник.
Где пристанище разбоя,
Теперь стало место для суда.
К Екатерине мысленно взирая,
Благодарны будем навсегда.

Неизвестный поэт XIX века

ГОСУДАРЕВА ДОРОГА

Как царь любил богатые чертоги,
так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза.

То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюбимый филин-властелин.

Н. РУБЦОВ

Любой город, тем более уездный, должен иметь связь с губернией, другими городами. К ним вели дороги, именуемые на Руси трактами или большаками. Из Никольска на Великий Устюг шёл Устюгский тракт. Тракт из Никольска на Вологду появился позднее. Очень важным для Никольска был тракт на Шарью. И это несмотря на то, что Шарья находилась в Костромской губернии. С давних пор она имела для Никольска первостепенное значение. Она, как окно в центр России, местный

путь «из варяг в греки». Путь этот был самым кратчайшим в цивилизацию – на Москву, Нижний Новгород, на Вятку, Урал и дальше на восток. Дорогу, которая вела из Шарьи в сторону Никольска и Великого Устюга через село Пыщук, называли Государевой. И не случайно. Строилась она по велению императрицы Екатерины Второй. Она прекрасно понимала необходимость и значимость данного деяния – соединить юг с севером. И не было более подходящего пути, чем оный. Нижний

Новгород – Урень – Ветлуга – Шарья – Пыщуг – древнерусский город Великий Устюг – Котлас. Если даже официально никто не давал такого названия, то народ окрестил.

Все хотели видеть эту дорогу не только хорошей, но и красивой. Поэтому, наряду с основными работами по прокладке полотна, стали вдоль, на обочинах сажать молодые берёзки. Ещё лет 50 назад можно было видеть кое-где остатки старых насаждений и «вёрсты полосаты» вдоль тракта на Шарью. Дорогу старались делать надёжно. Там несколько лет назад при строительстве новой трассы рабочие извлекли любопытную находку – толс-

тые, почерневшие от времени, дубы, распиленные вдоль. Ими была выстлана гать. Куда, как не на строительство Государевой дороги, а ни какой иной был употреблён столь дорогостоящий материал? А заготовили и привезли его за добрую сотню километров. И посадки аллей возле тракта, и особо прочная дубовая древесина, и верстовые столбы – всё это следы давно ушедших времён. Это уже история, история тех самых мест, той самой Государевой дороги – памятника прошлого нашей святой Руси.

В. КАПЛИН

ПУШКИН ГОГОЛЮ СКАЗАЛ...

Н.В. Гоголь по праву считал себя учеником А.С. Пушкина, внимательно выслушивал всякие советы, следовал им. Однажды Александр

Сергеевич сказал Николаю Васильевичу, что в уездном городке Устюжне заезжий чиновник из Петербурга обобрал местных взяточников, плутов, расхитителей казённого добра. И посоветовал описать это подробнейшим образом. Николай Васильевич всё запомнил, кое-что дополнил из аналогичных историй России и написал гениальную и бессмертную комедию «Ревизор», отразив в ней дурные нравы, царившие в империи. Вот так провинциальная Устюжна, точнее, события, происходящие в ней, помогли Гоголю выйти в классики русской литературы.

В. АРИНИН

СБЕРЕГЛИ, КАК МОГЛИ

Прилуцкий монастырь, что под Вологдой, имеет многовековую историю, вписал немало славных страниц в православие на севере Руси, да и в жизни страны. Среди больших и малых дел было и такое. В 1812 году, перед сдачей Москвы Наполеону, монастырь принял на хранение все ценности Кремля, а после изгнания французов вернул государственные реликвии на прежнее место.

В связи с этим примечателен другой факт: в том же году все драгоценности и вещи императорского Эрмитажа и кабинета Его Величества были вывезены на двадцати двух ластовых судах в Вытегру. Позднее они так же благополучно возвратились в столицу Российской Империи.

Н. ЛУЗИН

МОНАСТЫРСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Свято-Николаевский Моденский монастырь располагался на берегу Мологи близ Устюжны. Кто был реальным основателем обители - неизвестно, а сохранились предания, передаваемые из поколения в поколение.

Самое раннее из устных преданий гласит, что Моденский монастырь был построен на средства московского купца Строганова. Купец этот прежде был крестьянином, живший в подмосковной деревне. Кроме земледелия, он занимался продажей булок, перекупая их на Москве, куда почти ежедневно ходил. Однажды во время такого путешествия он сбился с пути и, блуждая по лесу, вышел к подножию небольшой горки. Там он нашёл несколько монет. Чтобы заметить это место, крестьянин всю дорогу строгал ветку в стружки, отчего и получил прозвище «Строганов», позднее ставшее его фамилией. Вернувшись на другой день с лопатой, он стал копать и нашёл большое количество денег. Как честный человек Строганов объявил эти деньги царю, за что получил от него указанную пятую часть их.

Часть эта была достаточно велика, и Строганов сделался одним из самых богатых людей на Руси. Получив место на Москве, он приступил к строительству дома и при копании рвов под фундамент нашёл ещё сокровище. Увидев в этом промысел Божий и Его милость, купец пожертвовал часть своего имения под строительство храмов и богоугодных заведений.

Позднее, во время торгового путешествия, купца Строганова застал шторм. Чувствуя неминуемую гибель, он обратился с молитвой к иконам Казанской Богородицы и Святителя Николая - покровителя всех путешественников и плавающих. Буря тотчас затихла, и опасность миновала. На следующую ночь в сонном видении к нему явились Богородица и Святитель Николай, повелевшие купцу построить в их честь два храма и назначившие место, где тем храмам стоять надлежит. Богородице угодно было избрать и указать место близ города Устюжны, на восточной стороне его. Там при построении церкви явился на сосне и образ Богородицы Казанской.

Святителю Николаю было угодно указать то место, где впоследствии возник монастырь. Вскоре и здесь явился образ Святителя. Относительно его явления существует особое предание. Как-то в первые годы по основании обители собравшиеся на берегу реки Мологи люди наблюдали весенний ледоход. На одной из льдин они увидели плывущего инока с посохом в руках, которым он отталкивал лёд. Поравнявшись с монастырём и пристав к берегу, инок скрылся в прибрежных кустах. Народ, столпившийся на берегу и видевший всё это, пошёл к зарослям в надежде узнать о монахе. Каково же было всеобщее удивление, когда вместо ожидаемого инока взору предстала лежащая на кустах икона Святителя Николая. Она явилась своеобразным подтверждением слов Святителя купцу об избранном им месте иноческой обители.

Еще одно предание, как бы вытекающее из предыдущего, сообщает, что в начале XVII века, когда наступило Смутное время, поляки угрожали обители разграблением и уничтожением. Святитель Николай по молитве иноков Моденского монастыря спас его чудесным образом. Когда завоеватели пытались переправиться через реку Мологу, то посредине её образовалась какая-то полоса, которую никто из них не смог переплыть. Всякий, её достигавший, невидимою силою увлекался на дно реки. Видя полную невозможность разорить обитель, которая была столь близка, захватчики направлялись по левому берегу Мологи, по пути уничтожив Успенскую Шалочскую Гурьеву пустынь.

Из многих чудес, бывших от иконы Святителя Николая, предание указывает только на это чудо. Несомненно, существовали и другие, но все монастырские документы были истреблены сильными пожарами 1641 и 1661 годов, когда монастырь выгорал дотла.

В. Сергеев. Монастырь

Нам неизвестно, кто был первым настоятелем монастыря, кто управлял им в конце XVI - начале XVII века. Первое документальное свидетельство об обители относится лишь к 1564 году. А основана она, возможно, в 30-х годах того же столетия. Именно с того времени начинается возвышение купеческого рода Строгановых. Они имели свои торговые интересы и в Устюжне Железнопольской - известном в России центре железодельного производства. Фамилия Строгановых была связана с городом вплоть до первой четверти XVIII века. На их средства была сооружена церковь в честь Явления Казанской иконы Богоматери на Казанском кладбище. Не исключено, что последнее предание, более позднее по происхождению, зафиксировало факт построения Казанской церкви в Устюжне и церкви Святителя Николая в монастыре кем-то из основателей этого знаменитого рода. Не случайно некоторые Строгановы имели в Устюжне свои дворы.

В. КОРОБЕЙНИКОВ

КАМЕННЫЕ ЧУДЕСА

Чудеса, которые творятся в Верховажье, не может объяснить современная наука. Здесь есть удивительные камни: одни сами собой растут из-под земли и уходят в неё обратно, другие хранят тайну сокровища, на третьих появляется таинственный лик...

Жители района относятся к своим необыкновенным камням спокойно: это их собственное маленькое каждодневное чудо.

Камень первый: растущий

Над загадкой Синь-камня неподалеку от села Городище под Переславлем-Залесским (Ярославская область) учёные бьются уже не одно десятилетие: камень имеет сине-чёрный цвет и способен медленно перемещаться... В древности ему, как божеству, поклонялись язычники, и до сих пор люди верят, что он способен исполнять желания, лечить от болезней и в нём живёт потусторонняя сила, - поэтому у волшебного камня всегда толпы паломников. Исследователи в своих работах так и пишут: точности измерений и сохранности камня очень мешает поток туристов, сильно утрамбовавших грунт вокруг него...

Но мало кто знает, что в вологодской глубинке есть «родной брат» Синь-камня. Он находится возле деревни Анисимовская Выставка Сибирского сельсовета. Камень буквально появился из земли несколько десятилетий назад. «Это растущий камень. Раз в сто лет он появляется из земли и снова в неё уходит, - рассказывает сотрудник верховажского музея Виктор Пивоваров. - Сейчас как раз период роста. Старожилы рассказывали мне, что ещё в начале 60-х годов у деревни Анисимовская Выставка камня на том месте не было. А те, кто давно живёт в тех краях, вспоминают, что в прошлом веке камень был

таких размеров, что мужики приставляли к нему лестницу, по четверо взбиралось наверх и играли там в карты - сверху камень абсолютно плоский».

Местные жители про камень говорят, что после дождя он синееет, а перед сменой погоды гудит изнутри. Снег на камне не держится, а летом по утрам над ним вьётся туман...

Сейчас размеры анисимовского камня составляют 4,0 x 1,5 метра, а вырос он на 40 сантиметров. Его ярославский «брат», наоборот, уходит под землю: ещё пятьдесят лет назад он возвышался над землёй метра на полтора. Согласно последним измерениям, его размеры 2,5 x 2,5 метра, а пока он возвышается над землёй от 5 до 69 сантиметров с разных своих краёв. По примерным подсчётам, он весит около 12 тонн.

Отчего камни так странно себя ведут и не вредно ли играть на них в карты и использовать для прочих нужд - вот в чём вопрос. И ответов на него множество. Ответ первый, физико-геологический. Учёные пришли к выводу, что в движении камней виноваты геомагнитные поля: камни «ходят» в местах наибольшего геомагнитного возмущения.

Ответ второй, паранормальный. Исследователи паранормальных явлений считают, что места, где «растут» камни, расположены

на пересечении неких энергетических потоков, которые «опутывают» земной шар, - мол, недаром на их месте в древности были расположены языческие святилища с жертвоприношениями и шаманскими плясками. В древности на таких камнях высекали имена своих обидчиков - а те начинали болеть и умирать. Виктор Пивоваров признаётся, что, когда побывал у синего камня, испытал необычайный прилив энергии.

Ответ третий, почти научный. Лет десять назад французские учёные обнаружили у камней пульсацию и заключили, что это

живые организмы с очень медленным процессом жизнедеятельности: от трёх дней до двух недель длится каменный вдох, около суток - удар каменного сердца. То есть камни - это альтернативная белковой форма жизни, а синие камни - редкий подвид.

Ответ четвёртый, экстрасенсорный. Если на каком-то месте не одну сотню лет регулярно производить некие действия и при этом тратить на них свою энергию (а у древних шаманов её было хоть отбавляй), то даже если в этом месте раньше ничего мистического не было - обязательно появится.

Камень второй: писанный

Два века назад верховажские купцы узнали, что под неким камнем, в окрестностях Верховажья зарыто сокровище. Мужики дождались полнолуния (только в это время клад может «даться» в руки кладоискателя) и пришли на то место. Но только стали ворочать камень с места, он покатился сам собой и отдал ногу одному из них. «Они прокляли камень, - заключает Виктор Пивоваров пересказ странной

летописи. - И с тех пор под ним ничего не ищут, а впоследствии его даже оттащили на несколько метров в глубь леса и бросили в траншею». С тех пор сокровищ там не искали...

Писанным верховажский камень прозвали оттого, что за два века на нём появилась масса различных надписей, выбитых чьей-то несусеверной рукой. В 1907 году, например, на камне отмечился какой-то Яков.

Камень третий: чудесный

В деревне Осташевская, возле старого кладбища, сохранился фундамент бывшей Кулойско-Одигитриевской церкви. Рядом с ней лежат сразу два чудных камня. Один - чёрный. На нём Пивоваров сам лично видел лик старца. Причём лик виден не всегда. «Если отойти от камня на несколько метров, лик виден отчётливо, а если подойти ближе - он размывается, - рассказал Виктор Петрович. - То ли это оптический эффект, то ли чудное явление - неизвестно. Но многие это замечают, не я один».

Не исключено, что лик этот появляется на

камне как предостережение. Дело в том, что в 1898-1904 годах чуть южнее деревянной Кулойско-Одигитриевской церкви, которая к тому времени окончательно обветшала, построили новую, Николая Чудотворца. А сейчас в алтаре этой церкви стоит... бюст Ленина. «Когда я был в ней летом, бюст стоял целый, - вспоминает Пивоваров. - А нынче он уже обезглавленный...»

И это не единственная «память» времён социализма в Осташевской: так, окно здания райпотребсоюза заколочено решеткой с могилы Юродивого Акиндина Макаровского...

Камень четвёртый: могильный

А буквально в трёх метрах от чёрного камня лежит другой, на котором выбито имя Ольга. Местные жители утверждают, что в этом месте в 1842 году была похоронена поповская дочь Ольга. «К сожалению, про эту Ольгу ничего доподлинно не известно, - сетует Виктор Пивоваров, который в своих рассказах привык опираться либо на данные летописей, либо на свидетельства очевидцев. - Но рассказывают, что она была дочерью дьячка Одигитриевской церкви Акиндина Баскарева и умерла в возрасте 21 года. Её, как девицу, похоронили в подвенечном платье, а мать перед самым погребением надела ей на палец большую золотую печатку с драгоценным камнем».

И на эту драгоценность, по легенде, нашлись охотники. В то же пресловутое полнолуние они, вооружившись кирками и лопатами, пришли к плите, чтобы снять с покойницы кольцо. «Но какая-то сила заставила их бросить все свои орудия и бежать!» - восхищается Пивоваров.

...Для жителей Верховажья их чудесные камни, действительно, в полном соответствии с гипотезой французских учёных, живые: они хранят истории о прекрасных девах, таинственных кладах и наказанной алчности. И люди бережно хранят свои легенды, а, увидев необычайное явление, не пугаются: ведь если верить в чудо, оно становится реальностью, как ... как и камень, стоящий в лесу!

Н. СЯМЖЕНСКИЙ

«ГРАНИТ» НАУКИ

На Вологодчине немало мест, привлекающих огромное количество паломников. Такое место есть и в Тарногском районе – Тиуновское святилище, аналога которому нет ни в России, ни в Европе. Это место официально было открыто историками в 1985 году. Как считают учёные, появилось святилище ещё в XIV веке. В его основании – огромный камень с выбитыми на куполообразной поверхности загадочными знаками – петроглифами и их блоками. По этим знакам, как предполагают учёные, мастера грамоты дремучих северных лесов обучали молодую поросль разным наукам – от математики до географии и астрономии. Причём, уровень заложенных в камень знаний о Земле и Вселенной настолько высок, что

сравним с европейским университетским образованием того времени. А первый университет в России был создан лишь в Петровскую эпоху, в XVIII веке.

Говоря современным языком, Тиуновское святилище является трёхмерной информационной системой, хранящей знания об окружающем мире. Возможно, это одна из своеобразных древних геоинформационных систем. То, что создатели святилища хорошо ориентировались в сторонах света, заметно по выбору места для него и форме горизонтального плана камня. Этот план полностью совпадает с реальной историко-географической картой региона, известного как Заволочье. При этом даже сорентирован камень в соответствии с географическими параллелями

и меридианами, хотя передвинуть 15-ти тонную глыбу нашим предкам без техники было нелегко.

Обучение географии, как предполагают специалисты, могло происходить по следующей схеме: ученики обходили по периметру основной камень, а учитель, сидя на его вершине, рассказывал об особенностях каждой стороны света: где Солнце садится, где встаёт, и где какие реки текут.

Судя по изображению Древа жизни, выбитому на камне, у древних кокшаров существовало также вертикальное деление мира на три уровня – небесный, средний и подземный. То есть, у местных жителей было представление о происхождении и устройстве Вселенной.

Помимо самого камня, учёными была исследована и прилегающая к нему местность. И в непосредственной близости обнаружили могильник, в котором могли быть похоронены создатели святилища. Любопытно, что практически во всех 60 найденных погребениях умершие положены головами на юго-запад, а ногами на северо-восток – к сакральному центру могильника. Точно так же на святилище изображены лестницы на небо и под землю. Вероятно, кокшары считали, что после смерти у душ умерших была альтернатива – следовать в рай, расположенный на северо-востоке, или в подземный мир на юго-западе. И уже бог по их делам решал, кого куда направить.

Р. ШОРОХОВ

ПРИЗРАКИ-ОЗЁРА

На водоразделе между Онежским и Белым озёрами встречаются такие небольшие озёра, которые то исчезают, то появляются вновь. Вот что по этому поводу говорит старая легенда. В Куштозере когда-то поселился водяной – большой любитель картёжной игры. Частенько он схватывался с другим водяным – хозяином Онежского озера. И так однажды проигрался, что спустил всё, что имел: озеро со всей живностью и с собой вместе. Вот и пришлось ему идти со скарбом в услужение к онежскому водяному, отрабатывать деньги. Так и повелось: отработает проигрыш куштозерский водяной – вернётся назад и озеро вернёт, вновь проиграется – уходит с озером под землю. И не остаётся тогда ни воды, ни рыбы.

Это легенда, а быль такова. Озёра, из которых временами уходит вода, связаны с карстовыми процессами. Они встречаются там,

где местность сложена известняками - слабо растворимыми породами, а с поверхности перекрыта ледниковыми или иными нерастворимыми породами. Вода, растворяя известняки, образует в них полости, а просачиваясь сквозь нерастворимые породы, формирует воронки просасывания с поглощающими отверстиями на дне. Местное население называет их «пучинами», а научное название - поноры. Вода уходит в них до тех пор, пока поглощающее отверстие, как пробкой, не закупорит глина. Воронка заполняется водой, которая поднимается всё выше, постепенно наполняя котловину озера. Проходит какое-то время (иногда несколько лет), вода размывает возникшую пробку и уходит. Такие исчезающие озёра есть не только на северо-запада области, но и в Тарногском, Нюксенском, Великоустюгском районах.

Н. ЛУЗИН

БУНТОВЩИК ИЗ КОКШЕНЬГИ

Моя давняя знакомая, теперь уже покойная, Марфа Фёдоровна Измайлова всерьёз увлекалась историей края и, в частности, собирала материалы, касающиеся восстаний и бунтов крестьян. Узнав про мой интерес к легендам и сказам, она мне долго рассказывала про своих земляков-тарногцев. Одну историю я записал отдельно.

Давным-давно, скорее всего после войны с Наполеоном, в Кокшеньгской волости Тотемского уезда жил в деревне Спас бобыль, а может и пришлый мужик из поляков, мастеровой человек по имени Дмитрий, по отчеству Феофанович, по фамилии Гамиловский. Сказывали, что он был дюже грамотный, старался обучать письму и чтению и взрослых, и детей.

Однажды, когда местные власти совсем обнаглели при сборе местных податей, Гамиловский подал жалобу губернатору. Но она осталась без внимания. И тогда Дмитрий «взбунтовал крестьян». Их быстро подавили, а бунтовщика, как ни стремились, поймать не могли. Его укрывали местные крестьяне по разным деревням и хуторам. Тайно от властей Гамиловский собрал много подписей на

сходах, оформил жалобы книгою, которую сам лично понёс пешком в столицу к царю. Вряд ли эта челобитная дошла до адресата, но чиновники в Петербурге её читали. Само же просителя этапом отправили обратно в свою волость. Обрадовались крестьяне, когда узнали, что для проверки правильности сборов и податей из столицы приехал сенатор Горгоний и стал с приезжими людьми проверять бумаги и склады с продовольствием и льном. Были вскрыты приписки, растраты, кражи. По приказу сенатора многих служивых в волости секли розгами, снимали с должностей. Но больше всех досталось Гамиловскому - его сослали на поселение в Сибирь. При проходах народ плакал и молился. Но народный заступник шибко не горевал. При первой возможности Гамиловский на хорошем коне ускакал от конвоя из четырёх солдат. А вот куда ускакал, никто не знает. В Кокшеньге он больше не появлялся. Говорят, в Устюге видели, да и то там был проездом. Велика Русь, потеряться в ней не мудрено.

А. КУЗНЕЦОВ

КАК В ТОТЬМЕ СОЖГЛИ ВЕДЬМУ ФЕДОСЬЮ

Узкие кривые улочки тотемского посада со стороны Песей Деньги ранним утром были укрыты наползавшим из долины реки туманом. В последний месяц лета 7182 от сотворения мира (сиречь в августе 1674 года), когда на смену белым ночам, не изменяя заведённому природой порядку, пришли пер-

вые заморозки, случилось в уездной Тотьме такое, чего не было здесь никогда...

Лишь только из-за кромки засухонского леса показалось солнце, как посреди площади рядом с церковью Климента папы Римского собрались плотники и по указу воеводы до вечера сделали сруб в шесть рядов, в

длину — две сажени, поперёк — столько же. Перекрестились на главу шатрового храма и разошлись до поры до времени по своим избёнкам, лепившимся по косогорам и оврагам по-над Сухоной и Песьей Деньгой.

Шли последние годы царствования «тишайшего» Алексея Михайловича, хотя на Руси «тихо» вроде бы и не бывало никогда. Современник тех лет, мятежный старообрядец протопоп Аввакум Петрович писал в одном из своих яростных посланий: «Земля плоды свои умяляет, вода иссыхает, а инде потопляет, огонь всё пожирает. Ещё же и воздух изменяет, иногда сухо бывает и не подаст влаги на плоды земные. Не явно ли бысть то в нашей России бедной — и мор, и война, и иная многая напасть». Немного отвлекаясь от темы, замечу, что протопопа Аввакума можно назвать «первым русским экологом», а его пессимистические взгляды на окружающий мир нынче в ходу у разных защитников природы да, не приведи Бог, гринписовцев. Всё-то им неладно — пугают обывателей то засухами, то глобальными потеплениями вкупе с парниковым эффектом. Лесу у них не руби, рыбу не лови, пушных зверей не бей! Конечно, современные экологи этим зарабатывают себе на жизнь, на кусок хлеба с маслом и колбасой, но они почему-то не понимают, что все их «страсти-мордасти» уже были и раньше, но ничего — жива матушка-Русь!

Тотемский уезд в XVII веке тоже испытал немало бед: в начале столетия был «царь-голод», затем Смутное время и шайки разбойников, потом вновь неурожай, морозные зимы, засухи и, как следствие природных катаклизмов, — волнения крестьян в волостях и посадских людей в городе. К тому же сподвижники Степана Разина добрались по притокам Волги до Сухонского бассейна, где их, обессиленных, вместе с предводителем Пономарёвым схватили и казнили на высоком берегу за Тотмой. А

воеводы в уезде менялись как пешки — Орлов, Ртищев, а к тому лету, когда плотники сделали сруб на площади, воеводой был прислан Андрей Непейцин, что, однако, дела изменить уже не могло... Сильно было брожение в душах тотмян, одной искры хватило бы для того, чтоб вспыхнул костёр гнева. И он загорелся!

В «Приказных делах старых лет» по уездному городу Тотме хранится в архиве документ о сожжении женщины по имени Федосья, обвинённой горожанами в ведовстве и напускании порчи. Как нужно относиться к памятникам старинной письменности? Стоит ли им доверять безоговорочно, или же нужно подвергать всё написанное сомнениям? Видимо, смотря где и как: авторы всегда писали свои сочинения ради определённых целей и чаще всего преувеличивали значение интересовавших их событий и замалчивали, а то и искажали факты, им неудобные. Тотемский подьячий, сочинявший «отчёт» для Москвы о сожжении в срубе на глазах многочисленной толпы ведьмы Федосьи, скорее всего, был вынужден писать только то, что от него хотели заказчики — посадский священник Мисаил да воевода Непейцин. Тем не менее даже писец проговорился, что Федосья перед смертью объявила всем, что она не виновна, что никого в Тотме не портила, а была вынуждена перед воеводой оговорить себя, не стерпя пыток...

С одной стороны, сожжение в Тотме — вещь исключительная как для самих тотмян, так и для современных исследователей истории. Подобная расправа над беззащитной женщиной была для Тотмы в новинку, да и позже тут ничего похожего не происходило. Однако если взглянуть с нынешнего края времени в пропасть истории да окинуть взором города и веси, то нетрудно убедиться, что костры инквизиции горели сотнями в большинстве католических, протестантских

и православных стран, но на Руси случаи сожжения людей за «непохожесть на других» всё же не идут ни в какое сравнение с Западной Европой.

Понятие такое - ведьма - пришло на таёжный север из тёплой Малороссии. Преодолев небольшие расстояния, оно видоизменилось. Если в окрестностях Киева или Полтавы воображение людей рисовало ведьму молодой вдовой со взглядом чернобровой красотки, то великорусская ведьма - это обычно пожилая женщина, в избушке которой висели сухие травы и корни. И в самом деле, как -то трудно представить, что тотмяне взяли да сожгли молоденькую красавицу и при этом ни у кого даже сердце не дрогнуло от жалости! Очевидно, та психологическая встряска, которой подвергли себя люди в Тотме в 1674 году, запомнилась им надолго, поэтому желания жечь или быть сожжённым больше ни у кого не возникало...

Видимо, Федосья на самом деле была одинокой старой женщиной, обитавшей в маленькой хижине на окраине посада. Она могла лечить травмами заболевших тотмян, но кто-то обвинил её в порче... Варварская жестокость наказания для Федосьи, какого бы возраста и обличия она ни была, заставляет крепко задуматься над причинами единственного тотемского аутодафе.

Протопопа Аввакума сожгли в далёком приполярном городке Пустозерске через восемь лет после Федосьи, и тоже в срубе. Что же за дикость такая — жечь людей обязательно в срубах? Дело в том, что в ту пору русские люди продолжали жить в двоеверии — христианство так и не успело пустить глубокие корни в нашем народе, а пережитки языческих традиций всё ещё были живы, и с ними

приходилось считаться даже духовенству. Стоглавый собор русской православной церкви в 1551 году принял целый ряд суровых антиязыческих постановлений. Запрещалось держать у себя и читать древние «богомерзкие еретические книги» и ведовские сочинения. Православная инквизиция разработала даже методы выявления колдунов, ведьм и чародеев. К ним относили, скажем, тех, кто не тонул в воде, кто терпел пытку прижиганием раскалённым железом, у кого не шла кровь при протыкании бородавок...

Никонианский раскол в православии вовсе привёл к тому, что язычество стало всё больше и больше отвоёвывать утраченные ранее позиции. Вспомнили русские люди и об обряде огненного погребения в срубе, который у язычников был призван помочь усопшему сразу уйти в ближние дали к душам предков, минуя всяких там христианских посредников в лице ангелов да архангелов. Руководство Церкви в связи с этим решило запугать население и провело по всей стране несколько показательных процессов, когда уличённых в ведовстве людей — тех, кто пытался сохранить традиции древней природной веры, сжигали в бревенчатых срубах заживо, а не как в древней Руси — усопшими.

Языческий обряд погребения церковники превратили в способ казни «еретиков». Ведь и для Федосьи, и для кузнеца Афанасия, и для десятков других невинно замученных русских людей проще было избрать любую другую казнь, так нет же — рубили срубы, чтоб нанести ещё один удар по языческим пережиткам... А Федосье надо бы поставить в Тотме памятник.

А. КУЗНЕЦОВ

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Тотьмичей по праву считают первыми древнерусскими горными инженерами. Они не разрабатывали горных рудников, не добывали драгоценных камней и металлов, не качали нефть, не использовали газ. Они находили и добывали соль, ту самую соль, которая шла с хлебом. Уже в XVI веке Тотьма была центром солеварения, а позднее способствовала развитию этого промысла в Леденге, Сольвычегодске и даже в Перми и Костроме. Солью Тотьма снабжала сперва монастыри и близлежащие поселения, после, используя выгодное географическое положение и наличие водного пути по Сухоне, другие регионы Руси. Соль тотьмичи даже возили за границу через Архангельск.

Тотемские соляные промыслы требовали тяжёлого труда при бурении скважин до 130 сажень (более 200 метров), откачки солевого раствора, выпаривания его. Сюда собирались лучшие мастеровые люди, купцы, представители духовенства, речники и мореплаватели. Соляной промысел в те времена дал импульс развитию всей экономики Вологодского края, благодаря ему устанавливались тесные хозяйственные связи с Севером, Югом, Сибирью. В XIX веке в связи с открытием новых месторождений соли (Эльток, Баскунчак) тотемская не выдержала конкуренции и производство её пришло в упадок. Сейчас лишь медики используют тотемские минералы для лечения различных заболеваний.

Стоит особо сказать о леденгском соляном заводе, что располагался в 30 верстах от Тотьмы

по правому берегу Сухоны. В 1687 году заводом владел устюгский купец Василий Иванович Грунцин. В 1722 году завод принадлежал Светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. После его опалы завод состоял в ведомстве Дворцовой канцелярии, а затем пожалован И.С. Исаеву и управлялся его потомками почти сто лет.

Расцвет соледобывающего производства на леденгском заводе пришёлся на первую половину XIX века. В 1859 году население Леденгского составило 1370 человек, проживавших в 194 домах. Заводская школа была преобразована в заводское училище. Действовали две каменные церкви. Функционировало двадцать варниц. В год добывалось 300-350 тысяч пудов соли.

Вологодчина едва не стала родиной великого композитора П.И. Чайковского. В 1831-1836 годах на леденгском заводе работал в качестве управляющего Онежским соляным правлением Илья Петрович Чайковский. Он многое сделал для села: открыл школу для детей мастеровых, построил больницу, платил хорошее жалование работникам завода, выискивал деловых людей, приглашал их к себе... А потом семья Чайковских уехала, и рождение будущего гения музыки состоялось не в нашем крае. Зато много лет спустя село Леденгское прославили революционер И.В. Бабушкин, советский космонавт П.И. Беляев и другие заслуженные люди.

Н. ЛУЗИН

ЦАРИЦА-ЩУКА

Деревня наша Плесо потому так называется, что в Сухоне напротив неё было большее и глубоченное плесо. В разные годы мужики меряли глубину в середине плёса, дак до пятнадцати сажень доходило. А живёт будто бы в этом плёсе Большая Щука — царица всей Сухоны. В старину о ней все знали, побаивались Щуки — вёсла в воду ни с лодок, ни с барок лишней раз старались не опускать: несло так, потихоньку, течением, а кто шёл вверх по реке, тянули свои судёнышка мимо Плеса на бечёвке, а жители на этом деле даже подрабатывали. Когда проходили середину Плеса, старались бросить в реку чего-нибудь съестного: будь то хлеб или мясо; молоко тоже лили в воду..

Ловить царицу-щуку никто не хотел, да и как её словишь, если некоторые видели её — говорят, в длину с бревно, какие на молевом сплаве шли, будет, а в толщину с три бревна. Но жила Большая Щука в нашем плесе только летом, а осенью будто бы уходила вверх по реке, в само Кубенское озеро. Говаривали, что по осеням-то солнце садится как бы прямо в Сухону на закате, а царица не любила, видать, чтоб ей прямо в глаза солнечный свет пробивался. Вот и гонялась

каждый год за солнцем, пока в Кубенском не проглатывала его со злости!

Тогда наступала зима, а Сухона замерзала. Всю зиму Щука стояла в озере, а солнышко у неё в утробе распалось всё сильнее и сильнее, жгло ей кишки, и начинала Щука метаться в воде, головой своей многопудовой колотиться об лёд, дробить и ломать его. Так и бежала Большая Щука из озера вниз по реке, а за ней несло льдины, начинался весенний ледоход. Только в Опоках, на самом мелком Ярилином перекате вылетало солнце из пасти рыбины, не могла она больше его сдерживать у себя в брюхе.

С Опок царица возвращалась обратно в наше плесо и лежала там всё лето, отдыхая от передряг. Гонялась за стерлядками да глотала целые стаи окунишек. Наверное, жива Щука и до сих пор — ведь всё равно каждую осень разбегается мелкая рыбёшка по протокам Сухоны, а это значит, царица отправилась в сторону Кубенского озера; каждую весну ледоход начинается на Сухоне с верховий — видимо, гонит Большую Щуку жар в брюхе, да так, что только лёд трещит!

А. КУЗНЕЦОВ

О НЕСЧАСТНОМ СЕМЕЙСТВЕ ЛЕВАШЕЙ

Щедро одарила матушка-природа красотами реку Сухону. Ниже Тотьмы берега реки кручами уходят ввысь. На одном из таких крутояров раскинула свои избы слобода Коченьга, по свидетельству писцовых книг XVII века — самая большая деревня в тотемском

краю. Как гласит предание, в старину-стародавнюю проживал в этой посухонской слободке молодой мужик по прозвищу Леваш, то есть Левша другими словами. Пришло время ему жениться, взял он в супруги себе ладную девушку из соседнего дома. Обвенчались в

небольшой деревянной церквушке, что па-рила над Сухоной на высоком угоре около устья реки Коченьги.

Постепенно и к молодой жене «приклеилось» мужье прозвище, только называть её стали Левашка. Вскоре новая семья не захотела жить в Коченьгской слободе с родителями и братьями Леваша в одной избе. Надумал тогда мужик переселиться на другое место, в дремучий лес верстах в десяти от Сухоны. Вырубил там Леваш вековечный ельник да сосняк, поставил дом на вершине расчищенного холма, откуда, как на ладони, в хорошую погоду была видна родная Коченьга.

День и ночь трудился Леваш в лесу, возделывая подсеки, а жена Левашка с хозяйством управлялась. Через некоторое время родился у них сын — назвали его Левашок, а потом и дочка на свет появилась — стали звать её Малой Левашкой, в честь мамы... Жизнь в семействе Левашей текла хорошо и спокойно, пока на деревенском пивном празднике в

Коченьге, куда они пришли навестить в Медовый Спас родителей, не положила на Леваша глаз красивая Баба-одиночка — местная колдунья. После праздника стал мужик по ней сохнуть и в конце концов бросил семью, ушёл жить с колдуньей.

Не смогла перенести такого горя жена Леваша, стала вместе с детьми плакать каждый день, и превратились они все в речки и ручьи. Сам Леваш, узнав об этом, тоже не выдержал, обернулся рекой и убежал от красавицы-колдуньи искать своё несчастное семейство по лесам да болотам.

Так и ищут они друг друга: река Леваш — это правый приток Сухоны; напротив устья Леваша впадает в Сухоу слева ручей Левашок; от истоков Леваша в противоположную сторону бегут две речки — Левашка и Малая Левашка, сливаясь позже вместе, они отдают свои воды реке Илезе.

А. КУЗНЕЦОВ

ВАЛУНЫ-ГИГАНТЫ

Говорят, Бог сильно возмутился, когда увидел варварское отношение людей к природе и, в частности, к рекам и лесам. Увещевать не стал, а напустил на земли наши ледники. Они шли с Севера, напроочь стирая леса, жилища, неровности... Эти льды впереди себя толкали камни Скандинавии. Туда, где люди больше всего вредили миру, Господь валил каменя. Вот и считается в народе, что камни - божья кара нерадивым земледельцам, лодочникам, рыбакам.

В тотемском краю на реке Еденьге есть валун необычайных размеров. Зовут его Утюг.

Недавно замеряли: ширина почти пять метров, длина - восемь, высота почти два метра. С годами, как утверждают знатоки края, он уходит в землю, На то, мол, Божья воля. На самом верху его есть углубление, напоминающее большой человеческий след. И это след Господа, говорят местные жители. Когда он устал, то остановился на камне отдохнуть и оставил след в камне. А вот валун Лось, что в восьми километрах от Тотьмы, лежит целиком в Сухоу. Он еще больше Утюга и весит, по расчётам учёных людей, около 350 тонн. Камень возвышается над водой на два метра,

имеет плоский верх. На нём хорошо летом в жаркую пору: обдувает ветерок, не досаждают комарё и гнус. Люди любят залезать на Лося. Молва народная хранит память о Петре Великом Он, проплывая по Сухоне из Вологды в Архангельск, останавливался у Лося, взбирался на него, пил там чай. Местные крестьяне после того дали валуну второе имя Царский стол. А ещё говорят, что царь Пётр, показывая

на Тотьму, сказал: то - тьма. Помнят в народе и такую историю: царь Пётр хвалил мастеровых людей на соляных приисках, сам долго качал соляной раствор с глубины, употелся весь и кричал мастеру: «Плати деньгу! Всякая работа должна оплачиваться!» И будто бы взял медную монетку и положил за обшлаг камзола.

Н. ЛУЗИН

РЕМЕСЛО КАК ИСКУССТВО

Пожалуй, в каждой местности есть своё ремесло. Где-то делают кадки и лодки, где-то - серебряные и кованые изделия, в других землях - свирели и гармошки... А вот в Тотьме ремёсла народные были большей частью русским искусством. На рубеже XIX и XX веков в Тотьме открылась на частные пожертвования Петровская ремесленная школа, куда принимали сырых и бедных крестьянских детей и которые творили настоящие чудеса. Вот далеко не полный перечень того, что выходило из рук подростков: плетение изделий из берёсты, корней, камыша, соломы, ивы, деревянная и глиняная посуда, всевозможные игрушки, карнизы к окнам и дверям, табуретки, скамейки, стулья, детские колыбели, шкафы, этажерки, комоды, столы, рамы для зеркал, подсвечники...

Школа постоянно участвовала в выставках. Так, в 1903 году на выставке кустарей в Ярославле тотьмичи были награждены большой золотой медалью. В том же году в Петербурге школа получила золотую медаль «за отличное выполнение резных изделий». В январе 1904 года в Таврическом дворце столицы состоялась

Международная выставка «Детский мир», где Петровская школа была удостоена золотой медали. В следующем году в Петербурге прошла учебно-показательная выставка, а диплом её увезли тотьмичи. 1905 год особый - на Международной выставке в Льеже (Бельгия) школа удостоена Грант-при. Тотемские игрушки стали известны в Берлине, Париже, Нидерландах. В 1909 году завоёвана большая золотая медаль на Международной выставке в Казани, на следующий год успех в Киеве. В 1912 году участие в парижской выставке. Тотьму стали называть центром игрушечного искусства в России, вторым Нюрнбергом.

Позднее, с наступлением первой мировой войны и с победой Октябрьской революции слава тотемских мастеров постепенно угасла. Петровская школа превратилась в заурядное советское учебное заведение. В 1992 году тотемская власть, желая возродить традиции местного искусства, открыла новую Петровскую ремесленную школу. Но о ней что-то ничего не слышно.

Н. ЛУЗИН

КОМОЛЫЕ КОРОВЫ СОНДУГСКОГО ОЗЕРА

На Сондугском озере, что в Тотемском краю, было несколько рыболовных избушек, одна из которых называлась Дунина. В ней жила подолгу тётя Дуня, Евдокия Алексеевна Талашова. Ещё девчонкой она бегала на Сондугское озеро, носила рыбакам хлеб, соль и другие продукты, а обратно домой — выловленную рыбу. Дуня с детства впитала все запахи природы, её привлекали на озере крики чаек, уток, гагар. Она научилась стрелять без промаха на лету, удить, ловить на крюки больших щук. Девчонка рано познала нелёгкий крестьянский труд. В шестнадцать лет она покинула родную волость и устроилась в Вологде няней у зажиточных хозяев. Когда прошли трудные годы войны и послевоенного голода, в деревне тётя Дуня стала навещать свою деревню. С помощью лесников она срубила себе избушку на северном берегу озера, недалеко от истока реки Кулой. С тех пор это место так и зовут — Дунина избушка.

Особенно часто Евдокия Алексеевна стала наезжать на Сондугу с начала шестидесятых годов, когда вышла в Вологде на пенсию. Почти всё лето, с ранней весны до поздней осени, она жила в своей избушке, где было тепло, уютно. Приятно подышать свежим воздухом с озера, полюбоваться восходами и закатами солнца... Рядом был её верный пёс Руслан, с которым она не расставалась. Это была истинная любительница природы, она могла часами рассказывать разные истории, приключавшиеся на охоте и рыбной ловле. Например, у тётя Дуни была «знакомая» утка по кличке Кума. Утром и вечером птица подплывала к избушке вместе с утятами, а Дуня кормила её с рук мелкой рыбёшкой и потрохами...

После жаркого летнего дня, бывает, надвигается с перевала непогода. Поднимется сильный ветер, на озере ходят большие волны. И вот сондугские рыбаки среди волн видали головы плывущих комолых, то есть безрогих, коров. Это почиталось за недобрый знак, поэтому все, кто наблюдал коров, старались как можно быстрее грести на лодках к берегу — знали, приближается буря. Бывали и смельчаки, пытались ловить озёрных коров, но сделать это было очень трудно: как только лодка приближалась к плывущему стаду, все животные скрывались под водой. Правда, указывали на одного мужика из деревни Марьинская (она же Шильниково), которому якобы удалось вывести из озера телушку. Потом она стала большой коровой и давала столько молока, что хоть запейся. Масло, сметана и творог в этой семье не переводились... Так словил этот мужик телушку: взял деревянное корытце, накрошил в него белых пирогов да привязал корытце сзади к лодке — тем и приманил. Спрашивали у тётя Дуни, не видала ли она сама озёрных коров? А та улыбалась и говорила: «Может и видала, да на что они мне, я и без молока проживу!»

Сюжет этого примечательного предания, скорее всего, был заимствован русским населением Сондуги от своих финно-угорских предшественников. Карелы и вепсы до сих пор верят в плавающих по озёрам коров, утверждая, что они принадлежат водяным — хозяевам озёр. Пасутся эти коровы в основном на дне, но перед бурей или грозой могут выходить и на берег. Коровы у водяных жирные, красивые, дают много молока. Видимо, самый главный водяной Тотемского уезда жил в Сондугском озере и мог разнообразить свой стол молочными продуктами...

А Дунина избушка на берегу озера простояла до восьмидесятых годов XX века. Она сильно обветшала, а после того, как жители сондугских деревень разъехались со своей родины кто куда, стали на озеро наведываться рыбаки из Тотмы. В избушке выломали

полы и потолок, сожгли их на кострах... Но нашёлся какой-то добрый человек и восстановил Дунину избушку, так что память об этой удивительной женщине пока живёт!

А. КУЗНЕЦОВ

СИНЕУСОВ КУРГАН НА БЕЛООЗЕРЕ

Шевырев С. в девятнадцатом веке совершал путешествия по северу России и, в частности, в Новгородскую губернию. В 1850 году им была написана книга «Поездка в Кириллово-Белозерский монастырь», изданная в Москве. Из этой книги мы приводим некоторые выдержки, касаемые Белозерского края

В. Сергеев. Северная деревня у озера.

От дороги поворотили мы влево к городу. Версты за две до него курган, довольно высокий, покрытый елями, и несколько разрытый, останавливает наше внимание. «Что это у вас за курган?» - спросил я у извозчика Онисима. - «Здесь, сударь, говорят, лежит царь Синеус. Многие дворяне останавливаются тут и прощаются с ним. Как-то возил я польского священника. Он выходил и плакал: это, говорит, здешний наш первый царь Синеус».

Брат Рюриков, Синеус на Белоозере, дал название этому кургану, который, как видно, сльвёт его могилою. Но летопись ли тому причиною, или так было искони в пределах народных — решить трудно. Народ, впрочем, про Синеуса не знает, а знают только грамотные дворяне, по словам извозчика.

Вот те рассказы, которые собрал я здесь на месте.

Мальчик говорил: «Старики рыли и дорылись было до сундука; да выехал из кургана солдат на коне и испужал их: все и разбежались. А гора опять засыпалась, как была». Мужик постарше из соседней деревушки рассказывал так: «Рыли и дорыли до мосту — и вдруг солдат на коне по горе заездил (по здешнему наречию). Все и разбежались. Теперь бы народ не разбежался: тронуть бы его, так бы и рассыпался». Предание слышал мужик от своего отца. Я обращался к 70-летнему старику, самому старшему в деревне: он приходил ко мне нарочно в Белоозерск. По его варианту, солдат на коне, испугавший всех, выходил не из кургана, а из города, а потом вдруг пропал, куда - не заметили. Прибавил ещё, что видали огонь на этом кургане, видали также рыбу шелуху и брали её домой; а дома она превращалась в деньги.

Весьма замечательно имя деревушки, лежащей почти насупротив этого кургана: Росляково. Она существует с незапамятных времён,

испокон веков, как говорят крестьяне. Другие деревни около ней не носят таких замечательных названий и должны быть уже нового происхождения. Рослеков встречается в грамоте 1551 года, которою царь Иван Васильевич пожаловал сёла, деревни и починки Корнильевой пустыни в Вологодском уезде. Синеусов курган, Белоозеро и старинное имя деревни Росляково напомнили невольню Рослагень (Robslagen). Так назывались гребные общины моряков Норманских. Название Рослагень сохранилось в Швеции для означения берега, который они занимали. Не сохранилось ли оно и здесь, и передалось после в Росляково, по обычаю нашему всё чужое превращать в свои родные звуки?

Народные предания, окружающие этот курган, внушили поэту, моему спутнику, стихотворение. Я помещаю его здесь, как прекрасную память тех взаимных удовольствий, которые доставляло нам дружелюбное сообщество в нашей повозке.

Курган Белозерский я видел и там
Сидел на вершине; шумели кругом
Колосья, как волны катясь по полям,
Мешаясь то с синим цветком-васильком,

То с куколем красным; вилась предо мной
Дорога, что лента меж нив и полей,
Брели пешеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней...

Околица вправо... село и гумно...
Село искони Росляковым зовут -
Название такое недаром дают...
Постой-ка, чего не случилось ли тут?

Вон Белое озеро плещет вдали,
Качая расшивы на бурых валах...
Когда-то варяги оттуда пришли...
Я вспомнил невольню о тех временах...

И брани взгремели! Изведал сосед
Их меч и лихой шестопер-буздыгань...
Но вот прокатилась тысяча лет...
Не стало героев... что ж этот курган?

Могила он что ли? Откуда возник?
Как сторож бессменный окрестных полей
Стоит. Расскажи-ка, послушай, старик,
Откуда он взялся? Не знаешь ли чей?

«Не знаю я, барин, про то ничего,
Но помню, когда ещё коней держал,
Провёз господина я здесь одного,
Так он у кургана с телеги слезал,

Здоровался с ним и прощался; потом
Сказал, что какой-то под ним Синий Ус
Лежит, а допрежь мы не знали о том,
И больше рассказывать я не берусь!

А было однажды... да этого знать
Не для ча! - мой батька рассказывал мне,
Что миром курган принимались копать,
Да выскочил, видишь, солдат на коне, -

И все разбежались: народ... не того...
Был в теноры больно нужлив и смирён;
Тронуть бы солдата, так мигом его
Не стало бы - вот что! рассыпался бы он!

Ещё, говорят, приходилось видать,
Что рыбьей накидано там шелухи;
Кто горстку ухватит, уж дома-то, глядь,
Посыпались деньги... такие грехи!

Всё Синего Уса проказы, я чай!
Вот, батюшка, только сказать я могу!
Девятый десяток живу почитай,
Что слышал, то слышал, скажу не солгу!»

Так вот что узнал я! Спасибо старик!
И думой глубокой внезапно объят,

Челом я к могиле-кургану приник -
И мнилось: бывшее вернулось назад;

Иная, чужая мне слышалась речь,
И стоны, и вздохи родимой земли,
И - чудилось - меч ударялся о меч,
И озеро-море гудело вдали...

И оком с князьями я в битве летел,
По мшистым болотам, по льдам и снегам,
Туда, на полуночь, где света предел,
И дивныя дивы мы видели там:

В странах полунощных, во мраке густом,
Кишела Печёра, Юрга, Самояд,
Народы, что молвят чужим языком,
Его ж новгородцы не могут понять;

И высится там за горою гора,
И в море лукою те горы идут;
И слышен там говор и стук топора:
То гору они топорами секут;

Ни много, ни мало - три тысячи лет
Секут они гору, чтоб высечись вон,
Но сдвинулись горы и выходу нет,
И Господом Богом запрет положен,

Положен запрет и гора заперта,
И трое поставлено крепких ворот:
Свинцовы, железны, медяны врата,
И пламя не жжёт, и меч не берёт!

И мнилось: туда мы с князьями пришли,
И в медны врата я грянул с мечом...
Но в миг всё исчезло... лишь волны вдали
Шумели... и снова село за гумном

Мелькнуло... и снова курган предо мной...
Вилася дорога меж нив и полей,
Брели пешеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней...

ЖЕРЕБЁНКА С ПОДКОВОЙ СЪЕЛИ

Память об Иване Грозном в вологодском крае сохраняется ещё и в связи с преданием, которое как будто бы вышло из Грязовца. Когда царь был в Вологде, горожане привели ему в дар жеребёнка с серебряными подковами. Грозный был не доволен подарком и сказал, что это не жеребёнок, а телёнок, и велел подданным съесть его. Вологжане, когда ели, всё сомне-

вались: телёнок это или жеребёнок? Но когда доели ноги до подков, убедились, что ели жеребёнка. Отсюда и пошла поговорка: «Вологодские телятники жеребёнка с подковой съели». Особенно часто её повторяли грязовчане. Как бы в отместку вологжане говорили: «Пьяница Грязовица: семь кабаков, одна церковь».

С. НЕПЕИН

СКАЗ О ВОЛОГОДСКИХ БЕЛОРИЗЦАХ

Дмитрий Прилуцкий и белоризцы укрепляют стены вологодской крепости.
Фрагмент иконы «Чудо о белоризцах».

В то Смутное время сполна досталось Вологде, а когда литовцы вплотную подошли к городу, нависла угроза разорения его и Спасо-Прилуцкого монастыря.

Местные жители, монахи, воины из округи отважно дрались с неприятелем, силы которых были в несколько раз больше, чем у вологжан. Чаша победы должна была вот-вот качнуться в сторону нападающих. Но в этот момент на поле брани появились два витязя, облачённые в белые одежды. Они, как русские богатыри, стеной стали у последнего края города и начали сокрушать железными палицами врагов, обратив их в бегство. Воодушевлённые вологжане рванулись вперёд и отбросили наступающих далеко за город, а когда вернулись к родным стенам, то увидели мёртвыми обоих воинов. Кто они и откуда пришли - неизвестно. Иные говорили, что сам Господь послал их на борьбу с иноземцами за славный град Вологду.

Вологжане своих героев назвали белоризцами и с особыми почестями предали земле. А потом каждый год на месте подвига воинов

устроивали гуляния, построили тут часовню и в течение нескольких веков служили церковную службу в честь спасителей Вологды и земли вологодской.

А вот как описывает те события неизвестный автор, живший в XVIII веке.

Город Вологда, как котёл, кипит.
На ослоне дьяк Кривоглаз стоит.
Хлещет воздух зыком, аки вервием.
Смерд внимает гласу сему с усердием.
«Князь Василий изволил прибыть в свою
вотчину.
Смерду за службу будет заплачено
Гривной звонкою. Лучшим — льготою
всякою.
Выходите, горожане, на борьбу с Шемякою!»
В пословице мудрой слово верное взято:
Люди в Вологде ласковы, как телята...
На княжнюю речь они отзываются -
В ратный бой с Шемякой снаряжаются.
Три дня-ночи лютует Шемяка-враг,
Но твёрдо стоит вологодский стяг...
На четвёртый день зажёт на кострах серу
горючую,

Чует рать Васильева беду неминучую...
И восслаг тогда Тёмный к небу моление:
«Всеблагий Творец! Претерпел я от брата
поношение:

По вине его мира святого Твоего не вижу.
От второй беды, горшей, Господи,
изыми же!»

Вдруг от врат железных тройчатых
Во кольчугах белых кольчатых
Выезжает два витязя великии -
За забралами стрельчатými лик их.
Что творили они — описать не под стать:
Полонили двое Шемякину рать.
От мечей Белоризцев исшёл огонь.
Сам Шемяка со страху — скорей на конь.
И пошла молва из конца в концы:
Белоризцы, мол, Божьи посланцы.
Не кровавою сечью-битвою
Отстоялась Вологда — молитвою.
А Василий-князь рукою торопливою
Одарил горожан казною богатою.
Сотни лет прошли. Изменился свет.
Белоризцев подвигу забвенья нет.
Сердце мягкое сворбит под притиною.
Память воинов сих подчим былиною...

ВОЛОГОДСКИЕ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ И МОРЕХОДЫ

Деятельность вологжан в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII, в Северной Америке в XVIII веке называют великими географическими открытиями, которые укрепляли могущество России. О некоторых славных земляках и пойдёт речь.

Ерофей Павлович Хабаров родился около 1610 года под Великим Устюгом. Уже в 1628 году он занимался промыслом в Енисейском крае. С в уфатагой таких же, как он, «промышленных людей», «соболевал» в таёжных дебрях Западной Сибири и даже побывал на далёком Таймыре. На короткое время возвратился на родину, где расплатился с долгами и на какой-то период обеспечил благополучное существование семьи. После чего с братом Никифором и племянником Артемьём вновь отправился в Сибирь. В 1638 году Хабаров поселился на реке Лене. При устье её правого притока Киренги поставил мельницу, завёл соляную варницу и первым в этих краях стал хлебопашествовать. Однако его полезные начинания пришлись не по душе якутскому воеводе, и, вместо поощрения, Ерофей Павлович был посажен в тюрьму. Лишь в 1645 году его оттуда выпустили. В 1646 году в Якутск из далёкого путешествия по нижнему Амуру воротился В.Поярков, который привёз достоверные сведения о замечательных богатствах природы Амурского бассейна. Сметливым и расчётливым умом бывалого человека Хабаров оценил практическую важность освоения амурских земель, особенно для разрешения острой проблемы снабжения хлебным довольствием русских поселенцев в Восточной Сибири. Снаряжённый на его личные деньги отряд в 70 казаков летом 1649 года выступил из Якутска. До наступления зимы землепро-

ходцам удалось добраться до реки Тунгур. Весной следующего года они достигли реки Амур. Отсюда начиналась Даурская земля. Собрав сведения о ней, Хабаров убедился, что с малочисленным отрядом обосноваться здесь невозможно и, трезво оценив обстановку, возвратился в Якутск. В 1651 году с отрядом в 137 человек он возобновил своё путешествие по Амуру: река показалась казакам рыбнее Волги и «прибыльнее Лены». Принимая местных жителей в подданство Руси, Хабаров дошёл до устья реки Зеи, а затем проплыл до устья реки Усури. Нужно было обладать мужеством и силой воли, чтобы выйти победителем в схватке с многочисленным войском маньчжурского хана. Не менее жестоким врагом был и голод. Но несмотря ни на что Хабаров успешно осуществлял освоение края, строил укрепленные городки, стремился развести пашню, установить дружественные отношения с местным населением и маньчжурами. Вести о подвигах Хабарова докатились до Москвы. В 1652 году на Амур посылается дворянин Зиновьев с наказом на месте ознакомиться с положением дел. Тот, раздав жалование казакам и сделав распоряжения о строительстве новых укреплений, основываясь на наветах, арестовал Хабарова и под конвоем доставил в Москву. В Москве Ерофею Павловичу удалось доказать свои заслуги в амурской кампании. Ему присвоили звание боярского сына и назначили на новую должность - управителя

приленских деревень в районе Усть-Кута. О последних годах жизни Хабарова сведений почти не сохранилось. Известно, что в 1667 году он подал прошение тобольскому воеводе отправить его снова на Амур. Но просьба

не была удовлетворена. Зимой 1651 года он заложил зимовье на месте, где теперь раскинулся крупный город Дальнего Востока - Хабаровск. В Амурском крае есть и железнодорожная станция Ерофей Павлович.

* * *

Поход Семёна Дежнёва - не случайная удача смелого казака, но частица переселенческого потока огромного масштаба. Не эпизодом местного, второстепенного значения, а одним из крупнейших событий истории является поход Семёна Дежнёва и его спутников из Нижне-Колымского зимовья вниз по Колыме, а затем по бескрайним просторам Северного Ледовитого океана. Долгое время представляли, что заслуга Дежнёва состоит только в том, что он прошёл Анианским проливом. Дежнёв открыл в то же время «Великий северный угол» - мыс Табин, или Тамарос, известный в античном мире, участники похода открыли Камчатку, достигли Охотского моря, и, может быть, часть экспедиции Дежнёва, отделившаяся от его партии во время сильной бури еще до Большого Каменного Носа, достигла побережья Аляски и оставила там, на побережье Кенойского залива, русское поселение из 31 дома.

В 1632 году был основан Ленский, или Якутский острог. В 1633 году казаки Ребров и Илья Перфирьев, спустившись вниз по Лене, прошли морем до Яны, а через три года Ребров открыл устье Индигирки, Иван Ерастов и Дмитрий Михайлов Зырян (Ерило) прошли с Индигирки на Алазею морем, в 1641 году Михаил Стадухин с Оймякона поплыл по Индигирке и затем достиг Колымы. В партии Стадухина находился Семён Дежнёв.

Стоило только передовикам из южного ответвления колонизационного потока достичь Охотского моря, как начались походы на Амур Пояркова (1643-1646 гг.) и Хабарова (1647-1651 гг.). Поярков составил подробное описание и чертежи Амура. Чертежи Амура привёз и Хабаров. В 1643 году Курбатом Ивановым был открыт Байкал.

Из документов видно, что при весьма суровых климатических условиях Арктики поселенцы на севере, используя богатейший в то время рыбный промысел, охоту на ценного пушного зверя, обложение данью местного населения и весьма выгодную неэквивалентную торговлю с ними, обеспечили себя всем необходимым, а некоторые из этих переселенцев имели и большую наживу. Впереди этого потока переселенцев шли не крестьяне-хлеборобы, а промышленники и служилые люди. Капиталы для предприятий давали обычно крупные купцы-москвичи, устюжане и другие. Предприниматели не сами отправлялись в трудные, полные лишений походы, а посылали своих приказчиков, как, например Федота Алексеева или Василия Гусельникова. У них были наёмные работники — беднота, «покручники», работавшие по найму, по договору. Наконец, немалую роль в этом людском потоке играли «гулящие люди», бежавшие от своих помещиков, или от наказания царских властей.

Однако трудно провести чёткую грань между служилым и промышленным человеком. Дежнёв не получал жалования 19 лет, снаряжался он в путь «на дальнюю реку» Анадырь на свой кошт.

В приговоре Якутской приказной избы от 3 августа 1641 года упоминается, например, в числе других казаков Семён Дежнёв, которому решено было отдать 36 соболей, причём объясняется, что Дежнёв и другие казаки были на государственной службе в 1640-1641 годах, на Янке-реке и что после того, как ясак был собран, они купили соболей на свои товары. Служилые люди, отправлявшиеся в дальние походы, занимали деньги у купцов, то есть у их приказчиков. К концу 50-х годов им разрешалось добывать моржовую кость исполу. У Дежнёва и Селиверстова около 1657 года было взято сто пудов «испольной кости» и кроме того одна десятая часть из оставленной

у них в виде пошлины. О масштабах торговых операций и операций по сбору ясака в Сибири свидетельствует то, что торговля с Сибирью в середине XVII века составляла треть доходов всей царской казны. И вот ещё пример: в июле 1642 года была сделана выписка из таможенной книги Ленского острога, выданная участнику экспедиции Дежнёва - Федоту Алексееву, приказчику А. Усова, при отпуске его на реки Лену и Оленек для рыбной ловли и соболиного промысла. Из документов видно, что у служащих Усова было при отправлении в поход 700 пудов муки, медных котлов четыре пуда, два пуда олова, 20 фунтов синего бисера, сто аршин сукна, 35 сажен невода, сто аршин холста и других товаров на 1025 рублей. И это один лишь из приказчиков Усова.

У Федота Алексеева Попова, отправлявшегося вместе с Дежнёвым в неведомые земли, было денег 3500 рублей и товар.

* * *

20 марта 1646 года устюжане Степан Евдокимов и Лука Семёнов обратились на имя царя Алексея Михайловича с просьбой разрешить им построить коч пониже Ленского острога из леса, которой они приискали. Воевода приказал: «Записать челобитие, а коч велеть делать». Таким образом, двое устюжан строили коч на Лене незадолго до прихода Дежнёва. Как известно, Семён Дежнёв был приглашён Федотом Алексеевым Поповым и другими промышленниками для организации похода, для его военной охраны, в качестве сборщика ясака и как представителя сибирских властей.

Для понимания истории похода Дежнёва надо проследить, когда и как были получены первые сведения о Чукотском полуострове,

в частности, о реке Анадыре и о населении Чукотского полуострова. В 1641-1642 годах казаки получили известие о том, что на реках Нелогге и Нерогге, к востоку от Колымы, есть серебро. По тому времени это было сведением первостепенной важности. В том же 1641 или 1642 году Михаил Стадухин побывал на Охотском море, на реке Охонее (Ламе). Так, известно, что первая попытка достичь Анадыря была сделана в июне 1647 года. Устюжский торговый человек, приказчик купца Усова Федот Попов и казак из Великого Устюга отправились на Анадырь на четырёх кочах. Экспедиция эта отправлялась, как объяснил Дежнёв в челобитной царю Алексею Михайловичу, «для прииску новых неясачных людей», то есть для выполнения

государственного задания и в то же время «для промыслу». Попытки Дежнёва и Попова пробиться «на новую реку Анадырь» были безрезультатны. Путь преградили льды. 20 июня 1648 года начался исторический поход Семёна Дежнёва. С ним было 210 человек, семь кочей. Когда Дежнёв достиг района Анадыря, в его партии были Фома Семёнов Пермь, Сидор Емельянов и Иван Зырянин, в экспедиции участвовали также и Бессона Астафьев (Ворона) и Афанасий Андреев, приказчики купца Гусельникова.

По отписке 1655 года Фёдора Емельянова Ветоши, четыре коча ещё до Большого Каменного Носа отделились от остальных. У Каменного Носа разбился коч Акундинова, так что осталось два коча. Когда следовавшие на этих двух кочах сошли на берег, Федот Попов был ранен. Затем кочи Федота Попова и Дежнёва потеряли друг друга из виду. Известно, что Акундинов был вместе с Поповым. О Попове и его спутниках имеются сведения, что они погибли, за исключением нескольких человек, которые с Камчатки направились на лодках в неизвестном направлении, не имея с собой никаких припасов. Известно, что коч Акундинова был разбит до Анадырского устья и что до Большого Каменного Носа Дежнёв потерял ещё несколько кочей. При высадке Дежнёва в неизвестном месте, которое принято считать Олюторской губой, последний коч Дежнёва выбросило на берег и, по-видимому, повредило.

В 1654 году предприимчивый Дежнёв с некоторым числом служивых людей отправился опять в поход морем. Он встретил коряков, далее следуют известия о том, что «в некотором месте Дежнёв взял в плен женщину, принятую им за якутку». Из расспросов её Дежнёв узнал, что она была женой купца Федота Алексеева, т. е. Попова, и что муж

её вместе с ней плыл на своём коче по Пенглинскому морю (Берингово море) к разным народам с судами других купцов, «от коих случившегося погодою коч его отшибло и занесло в Камчатку, где застигла их зима, и на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной по мужу ее Федотовкою, построил зимовье. По наступлении лета он обошёл Курильскую Лопатку и Пенглинским морем в реку Тигиль. Там и умер, а оставшиеся последнего люди все побиты».

Великое открытие Дежнёва и его данные оказали влияние таким образом на карту Российской Академии наук, вышедшую в свет в 1758 году на русском и иностранных языках и широко известную в России и Западной Европе. Обращает на себя внимание огромная энергия Дежнёва, совершавшего морские походы, во время которых была открыта «корга» с «заморской костью». Он строит кочи-дощанки, посылает ясак, собирает моржовую кость. Важно отметить, что Дежнёв установил настолько хорошие отношения с местными жителями, что мог посылать яшашную казну, например, с атаманом Чекчуем, который на оленях отвёз её через Камень «кость» на Оной-реку, а затем на Колыму. Итак, после похода Дежнёва морское плавание из устья Лены до устья Колымы стало весьма обычным делом.

Дежнёв настолько крупная историческая фигура, что всякое сведение о нём представляет интерес. Так, например, обычно полагают, что выходец из низов Семён Дежнёв оставался бедняком до конца своих дней. Между тем Дежнёв, хотя и был рядовым казаком, но, как и подавляющее большинство служивых людей, был промышленником-предпринимателем. Если верно, что он вышел из низов и до похода на Анадырь масштабы его «промышленных» операций являются весьма

скромными, то на Анадыре он уже приобрёл значительные по тем временам средства. Например, он погрузил на коч в Верхне-Колымском зимовье 50 пудов лично ему принадлежащего «рыбьего зуба», то есть моржовой кости. По оценке, за один зуб платили 60 рублей, в то время жалование деньгами казаку платили 5000 рублей в год.

Последние годы жизни Дежнёв был атаманом. Летом 1662 года Дежнёв подначалом сына боярского Ивана Ерастова получил весьма ответственное поручение - отвести из Якутского острога в Москву соболиную казну за 1662 год. Посылались меха, огромные ценности в 70-ти катаных мешках. Вместе с ним послали 16 служивых людей. Поручение было выполнено, и вся пушнина, а также моржовая кость были в целостности доставлены в Москву.

Дежнёв до конца жизни не знал грамоты, за него всегда расписывались другие казаки. Тем более замечательны необычайная наблюдательность и пытливость его, свидетельством которых являются челобитные и отписки, написанные под его диктовку.

Поход Дежнёва не только привёл к географическим открытиям величайшего значения - к установлению раздельности Азии и Америки, к открытию «Табин Промонториум» (Великого Северного угла древних), к открытию Камчатки и, вероятно, связан с первым поселением русских в Северной Америке, но и имел непосредственное экономическое значение. С 1649 года движение по освоению северо-востока Сибири из устья Колымы переключилось на речные и сухопутные пути по Анюю через Анадырский хребет.

* * *

Атласов (по некоторым данным Отласов) Владимир Васильевич (1661 -1711 гг.) на исходе XVII века совершал походы на Камчатку и «обьясачил» (обложил данью) местные народы. За присоединение Камчатки к России получил чин головы. Он описал

острова земли вблизи Камчатки и Чукотского полуострова, составил труды о Японии. Одно время нёс службу на реках, впадающих в Охотское море, с сыном Семёна Дежнёва - Любомиром Дежнёвым. Погиб во время бунта служивых людей на Камчатке.

* * *

Русская Америка - неофициальное название российских владений на Командорских, Алеутских островах, Аляске и по северо-западному побережью Северной Америки. Это название утвердилось во второй половине XVIII века, после того, как поток русских промышленных людей устремился в эти земли для «приводу их обитателей в российское подданство» и для «своей собственной пользы». Первыми организаторами промысловых

экспедиций на Командорские и Алеутские острова были камчатские и сибирские купцы. Но уже через четыре-пять лет после окончания второй Камчатской экспедиции В. Беринга на открытых островах Тихого океана появляются представители вологодских уездов. Первыми среди них были лальский купец Афанасий Чебаевский, купцы-устюжане Иван Бахов и Никита Шалауров. Наиболее удачливым оказался тотемский купец Фёдор Холодилов.

В 1747 году Фёдор Холодилов с иркутским купцом Никифором Трапезниковым создали промышленную компанию, которая снарядила судно «Иоанн» и отправила его к берегам острова Беринга. Трижды, в 1747-1748, 1749-1752, 1753-1755 годах, это судно совершает плавания к Командорским и Ближним Алеутским островам.

Итоги промыслов оказались удачными. Доставленная на Камчатку пушнина оценивалась громадной по тому времени суммой в 228069 рублей. Почти сорок лет Фёдор Холодилов и его племянник Алексей занимались предпринимательской деятельностью. За это время на судах «Иоанн», «Андреян и Наталья», «Михаил» было направлено семь промысловых экспедиций. Значительная доля прибылей досталась Холодиловым. Не случайно они в XVIII веке были одними из самых богатых представителей тотемского купечества. Вслед за Холодиловыми начинают свою предпринимательскую деятельность тотемские купцы братья Григорий и Пётр Пановы. В 1758 году они вместе с Андреем Титовым вошли в компанию московского купца Ивана Никифорова, построили и снарядили судно «Иулиан», мореходом на которое был назначен яренский посадский Степан Глотов. Промышляли на Лисьих островах. Экспедиция закончилась в 1759 году. Её результаты для Пановых были весьма благоприятными. Промысел оказался удачным: в Охотск было доставлено 1465 шкур морских бобров, более 2500 чёрных и чёрнобурых лисиц, а деятельность купцов, возглавлявших компанию, была высоко оценена правительством. 21 сентября 1764 года указом сената компании был предоставлен ряд льгот, её руководителей наградили золотыми медалями с изображением Екатерины II. Среди награждённых были братья Пановы и Андрей Титов.

Купцы были лишь организаторами финансирования экспедиций. В морских вояжах, как правило, сами не участвовали. Главная тяжесть ложилась на непосредственных организаторов промыслов. Одним из удачливых мореходов-тотмичей был посадский, а позднее купец Степан Яковлевич Черепанов. В 1759 году компания вологодских купцов Василия и Фёдора Кулковых пригласила его мореходом на судно «Захарий и Елизавета». В плавание вышли из Нижнекамчатска. Вели промысел и зимовали на острове Беринга, а после зимовки направились на Ближние Алеутские острова. Промысел был удачным. Из дошедших до нас источников известно ещё об одном плавании этого морехода, который на судне «Николай» в 1768 году отправился на Андреяновские острова, где компанейщики вели промысел четыре года.

В 1758-1778 годах по меньшей мере в трёх промысловых экспедициях участвовал тотемский крестьянин Дмитрий Врагов. Во время плавания на «Иулиане» он был известен не только как охотник, но и как помощник Степана Глотова в изучении и описании новых земель. На «Захарии и Елизавете» он был уже передовщиком и четыре года возглавлял промысел. Выполняя обязанности передовщика на судне «Михаил» он не только организовал промысел, но и занимался исследованием и описанием новых земель. За шесть лет последнего плавания им было изучено и описано более 20 островов.

Как видим, в ходе промысловых экспедиций многие мореходы и передовщики вели большую работу по исследованию и описанию новых земель, открывали новые острова и присоединяли их к Российскому государству. Об этом свидетельствуют составленные ими рапорты и сказки, дошедшие до наших дней. Так,

мореход на судне «Иулиан» посадский Степан Готов из Яренска в 1758-1762 годах открыл, обследовал и описал острова Умнак и Уналашка - самые крупные из Лисьих (Лисишных) островов. Помогали ему в этой работе тотмичи Дмитрий Брагин, Михаил Холодилов и Пётр Шишкин. Последним была составлена одна из первых карт Алеутских островов. Чертёж Петра Шишкина был доставлен в Петербург. На нём были показаны не только острова Алеутского архипелага, но и западное побережье Северной Америки, которых он со Степаном Готовым достиг в 1763 году.

В последующие годы экспедициями, снаряжёнными тотемскими купцами, были открыты и обследованы Андреяновские острова, острова Акун и Унга в Чугатском заливе и остров Кадьяк у берегов Северной Америки. Среди тех, кто проявил свои способности пытливого исследователя, следует назвать и тотмича Степана Черепанова.

С деятельностью этой компании на протяжении трёх десятилетий связана судьба тотемского мещанина, а позднее купца И.А. Кускова, верного сподвижника и постоянно-го помощника главного правителя Русской Америки каргопольского купца Александра Андреевича Баранова (1746 - 1819).

Иван Александрович Кусков родился в 1765 году в Тотьме. В 1787 году он, как и многие его земляки, отправился в Сибирь. О первых годах его деятельности на сибирской земле сведений нет. Но ясно, что начало пути будущего морехода не было усыпано розами. 20 мая 1790 года в Иркутске между Барановым и Кусковым был подписан

В первые годы открытия и освоения островов в Тихом океане промышленные компании не были постоянны по своему составу и создавались лишь на один-два вояжа. Между ними шла конкуренция, в которой выживали сильнейшие. Такими на протяжении многих десятилетий были компании тотемских купцов Пановых и Холодиловых. Но к концу века и они сдали свои позиции. Во второй половине 90-х годов XVIII века относительную самостоятельность сохранили лишь пять компаний, которые в 1797 году объединились в Американскую соединительную компанию, возглавляемую купцами Григорием и Иваном Голиковыми. Через два года правительство Павла I предоставило этой компании монопольное право на производство пушного промысла и открытие новых земель в северо-восточной части Тихого океана. С 1799 года новое торгово-промышленное объединение стало называться Российско-Американской компанией.

* * *

контракт, согласно которому последний брал на себя обязательство: «...быть при нём, господине Баранове, при коммерческой деятельности и следовать с ним до Якутска и до Охотска, с ним же, господином Барановым, в морской вояж ко Американским берегам в компанию тамо промысла господина Голикова и Шелихова...»

Три месяца занял путь от Иркутска до Камчатки. 19 августа 1790 года галиот «Три святителя» вышел из Охотска. На нём и отправившись в Русскую Америку Баранов и Кусков. Но у острова Уналашка корабль потерпел крушение, и люди были вынуждены остаться на зимовку. Через десять месяцев

плавание было продолжено. 27 июля 1791 года оба мореплавателя прибыли на остров Кадьяк. С этого дня и началась деятельность Ивана Александровича Кускова во владениях Российско-Американской компании: на островах Кадьяк и Ситка, на побережье Аляски, а затем на калифорнийском берегу.

В 1791-1808 годах Кусков выполняет многие поручения Баранова по организации промыслов, по обследованию и изучению новых земель, по ведению большого и сложного хозяйства российских поселений в Америке. Во время длительных отлучек главного правителя компании он замещал его на острове Кадьяк, а позднее и в Ново-Архангельске (остров Ситка), куда была переведена главная контора. Ему поручается строительство Новоконстантиновской крепости на острове Нучек в Чуганском заливе, а затем и командовать ею. Позднее он управлял русскими поселениями в заливе Якута. Незаурядные способности Кускова проявились в морском деле. По поручению Баранова он неоднократно совершал морские переходы на байдарках, а позднее и на парусных судах, исследуя американское побережье. Имя Кускова связано со строительством парусных судов, с созданием русского торгового флота в американских владениях. По его инициативе и при активном участии были построены парусники «Ермак», «Ростислав», «Ситка», трёхмачтовое судно «Открытие», а в Калифорнии на судовой верфи крепости Росс галиот «Румянцев», бриг «Булдаков» и заложен бриг «Волга». В 1805 году Кусков был переведён в купеческое звание и ему присвоен чин коммерции советника, а 12 октября 1806 года наградили золотой медалью на Владимирской ленте.

Особенно полно организаторский талант Кускова проявился в 1808-1821 годах, когда по замыслу правителей Российско-Амери-

канской компании на калифорнийском берегу были основаны крепость и селение Росс, призванные снабжать русские селения на Аляске и прибывающие корабли продуктами питания. Чтобы подыскать место для поселения, Кусков трижды побывал на берегах Калифорнии. В марте 1812 года крепость была заложена. Спустя три месяца строительство её главных сооружений окончили. 30 сентября новая крепость была освящена и получила название Славянск, или Росс. Последнее название и сохранилось за крепостью и селением до наших дней.

В крепости, начальником которой Кусков пробыл десять лет, и на окружающих её землях завели многоотраслевое хозяйство. Для нужд населения Русской Америки на огородах выращивались капуста, салат, хрен, морковь, лук, огурцы, редька. Два раза в год сажали картофель и собирали обильный урожай. Было развито животноводство.

Вблизи крепости на реке Славянке построили водяную мельницу. Завели кожевенный завод и сапожную мастерскую. Из местной сосны жители гнали смолу, дёготь, делали деревянные бочки. Кирпичный завод, кузница, столярная и слесарная мастерские обеспечивали морские промыслы, судостроительную верфь и население необходимыми орудиями для охоты, предметами морского такелажа и вещами домашнего обихода.

Развивая многоотраслевое хозяйство, Кусков продолжал уделять большое внимание морским промыслам. Многочисленные экспедиции направлялись из крепости Росс для ведения охоты на морских бобров, котов и сивучей. Во время этих походов собирались сведения о природе, географии, этнографии и истории исследуемой части Америки.

В калифорнийский период проявился талант Кускова как незаурядного дипломата.

Он разоблачал деятельность руководителей американских компаний, настраивавших местных жителей против русских промышленников, умело отверг притязания испанских колонизаторов на земли вокруг крепости Росс. Через своего помощника Сыся Слободчикова И.А. Кусков установил связи с королём Сандвичевых (Гавайских) островов и заключил с ним договор о торговле. В сентябре 1821 года закончилась служба Кускова во владениях Российско-Американской компании. Главный правитель капитан-лейтенант Матвей Муравьев 22 апреля 1822 года подписал мореходу свидетельство об увольнении со службы. 4 июля 1823 года он прибыл на родину, в Тотьму. Неприветливо в городе встретили морехода. Оказалось, что из тотемского гражданства он исключён, несмотря на то, что в течение трид-

цати лет государственные подати и повинности вносились исправно.хлопоты по восстановлению утраченных прав окончательно подорвали здоровье, и в конце года Иван Александрович скончался. Тело его было похоронено на кладбище Спасо-Суморина монастыря.

Потомки сохранили память о мореходе. Его именем названа набережная в Тотьме. Имя Кускова чтят и в Америке. Форт-Росс превращён в национальный парк и памятник штата Калифорния. В конце прошлого века в Лос-Анджелесе возникла группа энтузиастов, называемая «Друзья Форт-Росс», которая в пропаганде необходимости сохранения в Калифорнии памятников русской истории видное место отводит основателю этой крепости И.А. Кускову.

Н. УВАРОВ

ИКОНА-ЗАЩИТНИЦА

Давно это было, ещё когда устюжане с москвичами водились. Новгородцы же войной пошли на Устюг. По прибытию к городу потребовали от его жителей «копейщины» - откупа за то, чтобы «не быть взятыми на копьё». Получив отказ, новгородцы стали грабить город. В одном из храмов они взяли икону «Одигитрию», погрузили её на барку и решили отплыть восвояси. Но силой

Божией с места сдвинуться не могли. Тогда связали икону убрусом и только после этого отчалили от берега. Но в пути новгородцев начало корчить, некоторые вояки даже ослепли. Оставшиеся в уме испугались, вернулись назад и возвратили городу награбленное добро, в том числе и икону - защитницу Устюга. Эта икона и по сию пору находится в Великом Устюге.

ОШИБКА ВЯТИЧЕЙ

В давние-давние времена пошли как-то устюжане большой ватагой в сторону Вятки. По какому такому случаю? Теперь уж никто и не помнит. Шли, значит, и напоролась на вятичей, которые сходу схватились за мечи и копья. Насмерть стали пластаться. Опомнились, когда уж многие полегли. По-

винились вятичи, дескать, за москвичей вас, соседей, приняли. После на месте том стояла часовня, которую по времени порушили. А вот недавно кировчане на месте старой новую поставили: чтоб молился народ Богу и разумным был.

Н. УВАРОВ

ЧЁРТОВ ПАЛЕЦ И ФОНТАН

В полдарской округе, близ Сухоны, есть Святой ручей и Святая гора. Местное предание гласит, что давным-давно с горы упал огромный медведь, который превратился в многочисленные камни. Может быть, здесь отразились традиции жертвоприношений у язычников. Разглядывая камни, мы заинтересовались одним из них. Он крупный, тёмно-коричневого цвета, полупрозрачный, явно органического происхождения, полый внутри и очень похож на обломок гигантского когтя. Местные жители называют такие находки «чёртовыми пальцами». Вот что по этому поводу говорит Н.Е. Новинский из деревни Никулино:

-Вот как это было. В древние времена, когда чертей было несметное количество. В наших краях устраивались настоящие побоища чертей. Они собирались здесь со всех концов обозримой Вселенной. Бились они по-чёртовски – не на жизнь, а на смерть; до того дрались, что у этих чертей пальцы обламывались и падали на землю. Много времени прошло с тех пор. Обломки пальцев

успели покрыться многочисленными слоями осадочных пород – глинами да мергелями. Но вот пришла наконец наша кайнозойская эра и мощные потоки воды, образовавшие речку Сухону, размывали эти осадочные породы и добрались до тех слоёв, в которых обломки чёртовых пальцев сохранились. Вот как в природе всё закручено. И сколько этих пальцев у чертей пообламывалось в те древние времена, что люди их и сейчас иногда находят на берегу реки. Только они теперь совсем каменными стали. Порошок из этих камней любую рану в момент заживляет.

Для учёных «чёртовы пальцы» давно перестали быть тайной, в конце XVIII века, в земных слоях был найден портрет животного, которому дали имя,

придуманное ещё древними греками, - белемнит. Оказалось, что «чёртов палец» - это как бы защитный наконечник сложной раковины, находящейся при жизни животного внутри его тела. Специалисты назвали эту деталь ростром, то есть выступом, тараном, какие когда-то были у древних боевых кораблей.

Есть на Сухоне уникальный фонтан. Одна из легенд гласит: «Давным-давно это было. В те времена у всех рек душа была, и дружили они между собой, во всём помогали друг другу: в засушливые времена водой своей делились, рыбой обменивались. Многие завидовали этой дружбе двух рек.

И вот злой дух решил помешать рекам, наслал страшную засуху на одну из рек. А ту, что ей на помощь поспешила, под землю упрятал.

-Сохну я. Сохну я, - причитала первая река. Так и получила своё название – Сухона.

А вторая река на хитрость пошла: из-под земли на помощь подруге двинулась, вырвалась из-под земли фонтаном, направила свои воды в Сухону. Так что этот фонтан памятником верной дружбе считать можно».

Фонтан, как чудо местной природы, вдохновляет людей на написание стихов. Вот одно из них, написанное местной учительницей Т.А. Наумовой:

Там, где поле в пушистом одеяле,
Речная гладь, что мирный океан,
И где морозно, словно на Ямале,
Там бьёт наикрасивейший фонтан.

Слезинки-брызги, как алмазы, засверкали,
И радуга повисла над рекой,
Мы, словно в сказке, у фонтана побывали,
Как здорово, что это край родной!

Фонтан! Фонтан! Живительная влага!
Я протяну тебе свою ладонь.
Опокская природа, как услада,
Я за неё и в воду, и в огонь!

Что преподнесёт нам ещё древний край
отчей земли?

Ю. СЫРНИКОВА, А. ВОПИЛОВСКАЯ

УСТЮГСКИЕ УМЕЛЬЦЫ

Ходит такая притча. Когда Господь обходил селения и раздавал умения по разным мастерским делам, Он остановился возле Устюга и спрашивает мужика: «Чем хочешь заниматься?» - «Всем, Господи», - «Быть тогда сему городу скопищем умельцев! И пусть они станут безымянные, кроме серебряных дел мастеров. Там материал благородный и долговечный». Прошло много

веков, помер мужик и попадает на тот свет к Господу на суд. Господь спрашивает: «Как исполнил мой завет?» - «В точности. Только со временем много растеряли и порушили. Жалко, секрет мороза по жести утратили». - «Тогда пусть устюжане знают всегда мороз по коже. Чтоб памятьливыми были и совестливыми». Расскажем вкратце, чего же могли устюжане.

Умели строить храмы устюжане - монастыри, соборы, ансамбли, церкви, часовни.. . Такого другого города на Севере России нет. А что за храм без иконы? Древнерусская живопись получила в Устюге своё развитие от ростово-суздальской школы. Едва ли не самой древней иконой считается «Устюгское благовещенье», изготовленная в XII веке. Она была увезена новгородцами как христианская святыня, помещалась в Московском Кремле, а теперь хранится в Третьяковской галерее. Веком моложе икона «Собор Архангела Михаила», «Богоматерь Одигитрия». Позже на иконах изображали святых Прокопия и Иоанна устюжских, пользовавшихся особой любовью горожан. Вот какую научную оценку даёт большой знаток Устюга В. П. Шильниковская иконе «Прокопий Устюжский с чудесами» (1669 год): «Популярный местный святой изображён в окружении 40 клейм, которые отличаются особой красотой композиционного и цветного решения и представляют наиболее интересную часть иконы. Смело

отказываясь от устаревших канонов, мастер переходит к типичной фольклорной повествовательности, благодаря чему вся икона превращается в оригинальное собрание народных преданий, рассказанных языком живописи. Особое место мастер уделяет архитектуре. Узорчатый силуэт города, ритмично повторяясь, приобретает значение основной темы, композиционно объединяющей все клейма в одно целое, а сама икона благодаря этому воспринимается как торжественный и радостный гимн красоте города... Эта «житейская» икона была бы иллюстрацией к увлекательной сказке, поэтому автор отошёл здесь от реалистического изображения природы. В то время, когда почти весь Устюг ещё оставался деревянным, он изобразил его таким, каким мечтал видеть - белокаменным...» Недавно мастера Новаторского леспромхоза наладили рисование икон, которые после освящения охотно покупаются устюжанами, вологжанами, москвичами, иностранцами. Но будут ли они будоражить сердца потомков?

Художественная обработка дерева - искусство северян. С давних времён из древесины, коей богат устюжский край, делали всевозможную утварь и ей обязательно придавали «баской» вид. Из жилища деревянные изделия «шли» в храмы, прежде всего на иконостас. Деревянные конструкции их (тябла) украшались резьбой и расписывались красками. Особую красоту представляет собой пятиярусный иконостас Троице-Гледенского монастыря: витые колонки, антаблементы с полукруглыми фронтонами, гроздья ягод и гирлянды цветов, замысловатые рамы и деревянные кружева,

скульптурные изображения и роскошные царские врата... Да и другие храмы, где сохранились иконостасы, радуют глаз и душу деревянными изразцами.

А вот скульптуры из дерева корнями своими уходят в языческий период. Религиозное содержание они получили в руках устюжских мастеров. Часто встречаются среди скульптур фигуры Христа, Богоматери, ангелов. Особо ценится специалистами скульптурная группа «Плач Христа», «Нерыдай мене, Мать» из Михайло-Архангельского монастыря.

Берёста - это тот материал, который особенно эффективно использовался северянами для различных поделок: лапти, кожуха, короба, шкатулки, солонки, туеса... Скорее всего, в устюгском крае зародилась резьба

по берёсте как вид художественного промысла. Больше всего мастеров по берёсте было в Шемоксе, на правом берегу Двины. Отсюда и пошла поговорка: «В Шемоксе мастера все».

* * *

Особую славу городу Устюгу принесло искусство черни по серебру, расцвет которого приходится на XVIII век. На Руси было три черни - кавказская (Дагестан), московская и северная, унаследованная, скорее всего, от Сольвычегодских мастеров древнерусской живописи. Суть северной черни в том, что на рисунок по серебру наносится слой порошка (смесь меди, свинца, серы и других компонентов), который на огне плавился и заполнял углубления. Потом изделия шлифовались. Ценность черни была не только в высоком художественном исполнении рисунков, но и в прочности сцепления черни с серебром. Даже при ковке серебра из него не крошилась чернь. Лучшими ювелирами на раннем этапе развития промысла были М. Климшин, Я. Попов, А. Мокшин. Их изделия и теперь украшают музеи Москвы, Вологды, Устюга. С середины XVIII века и до начала XIX успешно работала с серебром династия Жилиных - Пётр, Михаил Петрович, Иван Петрович, Александр Иванович. Ученик последнего, Михаил Иванович Кошков (1816-1896), передал секреты мастерства и состава черни внуку, М.П. Чиркову, который в 1932 году со-

здал в Устюге артель «Северная чернь». Благодаря ему древний промысел был сохранён и по сию пору радует людей красотой. Признание мастерства устюжан было завоёвано не только в России, но и за рубежом - изделия экспонировались на всемирных выставках в Париже, Брюсселе, Монреале, Нью-Йорке, Осаке, на международных ярмарках.

К. УВАРОВ

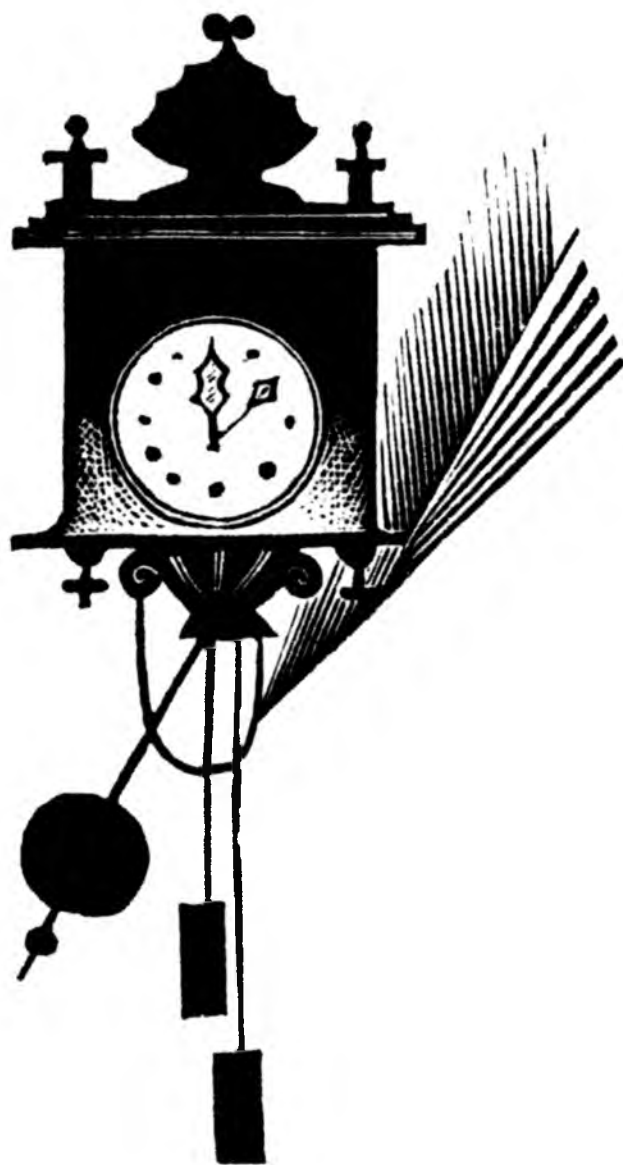

В.Сергеев. Лист и трава

СТАРИННЫЕ ЧАСЫ

Год 1630. В Москве, на Спасской башне, устанавливались часы-куранты. Эти работы выполняли командированные в столицу известные специалисты по часовым делам крестьяне Устюжского уезда Ждан, его сын Шумило и внук Алексей Виравы. Потомками их подобные часы затем были установлены в Великом Устюге, на колокольне Успенского собора. Кстати, на колокольне этого собора находился колокол «Варлаам» весом 1054 пуда, отлитый местными мастерами. И вообще история Успенского собора насчитывает более семи столетий. Шесть предшественников храма стали добычей пламени, в том числе циклопическое деревянное сооружение 1502 года, сгоревшее «пред вечерню от удара молнии», которое имело высоту 75-80 (по другим источникам 85-90) метров. Для сравнения: высота Московской колокольни Ивана Великого - 81 метр. На колокольне Архангельского монастыря города Устюга были «часы железные боевые». В 1670 году часы «колокольные» установлены в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере - первом каменном монастыре на Севере. Существовали подобные часы в Вологде и в Горицком монастыре под Кирилловом, изготовлены они были в 40-х годах XVII века, а устанавливали их и «отлаживали ход» устюжские мастера.

Н. ЧЕБЫКИН

В.Сергеев. Ходики

ГРЕШНАЯ БОГОМОЛИЦА

Мария, сказывали, родом была из Шемоксы, что под Устюгом. Здоровая и статная, она вовремя вышла замуж и скоро родила двух мальчиков-близнецов. Муж в назначенное время повёз её с детьми в церковь, крестить сыновей. Был лютый мороз, но откладывать поездку не стали. Мария, укрывшись шалью и тулупом, в обеих руках держала по «свёртку», прижимая их к груди. Доехав до места, зашла в церковь, развязала «свёртки» и... едва не лишилась разума. Дети были мертвы. Мария в дороге их задушила.

Потом у неё ещё были дети, но умирали в раннем возрасте. Мария считала это Божьим наказанием за великий грех. Она отчаянно молилась Господу, ходила пешком на Соловки замаливать грех, да всё было напрасно. Последний, тринадцатый мальчик её дожил до шести годиков.

Под старость Мария оказалась одна, ушла в няньки, неистово любила чужих детей. Жила у Рождества в Викторовской округе, похоронена в Палемском городке. Её полное имя - Мария Семёновна Коняева.

Н. УВАРОВ

КОЛЯ ПОДУЗЕРИНСКИЙ

В те годы Колю Подузеринского знали все в Усть-Алексеевской округе. Это был нищий, тронутый умом, ещё не старый человек. Он ходил с котомкой по деревням, побирался, чем мог. Незлобный и угодливый, Коля привечался сельчанами, был своим на свадьбах и поминках. Особо он любил плясать и петь. В тот день он удивил всех. Как будто бы без причины смеялся и радовался, пускался в пляс и кричал: «Война, война!

Завтра будет война!» Бдительный участковый пытался усмирить Колю, да не получалось. Тогда милиционер увёл его в баню и припёр дверь колом. А назавтра, уже после обеда, узнал народ, что Германия напала на страну. Выпустили Колю из бани, и он, обливаясь слезами, со своей котомкой пошёл привычным путём.

Н. УВАРОВ

ЛЕСНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Край наш лесной, а потому и народных преданий о нём множество. Вот лишь некоторые, пришедшие на память.

В прежние времена моя родная деревня Викторово, что в устюгском краю, славилась хмельниками. Со всей округи съезжались сюда пивовары, чтоб закупить приготовленный к продаже в витках хмель. Недавно я побывал там. Уж более тридцати лет прошло, как уехали отсюда последние мои земляки. А хмель... по-прежнему растёт на плодородных огородных землях. На месте дома моего деда растёт большущая черёмуха. Она-то и взяла на себя заботу о хмеле, держит крепкими ветками длинные побеги «пивного стебля». И так из года в год, из года в год. Наверно, и после меня хмель будет бушевать на черёмухе, не сдастся зарослям чертополоха.

А ещё в Викторове есть знаменитые липы. Их несколько. Растут они, пожалуй, не одну сотню лет. К ним приходили на свидания молодые люди, их берегли старики. К ним не раз наведывался за дупляным мёдом медведь. С этими липами приходил прощаться

мой дед Афанасий Трофимович, когда собрался покинуть сей мир. Приходил сюда, как на исповедь.

На Боровинке, близ Палема, прямо в поле растёт много-много лет рябина. Своими кистями она радуется трактористов, что поднимают зябь. И ни один из них ни разу не задел лемехами плуга корней рябины. И всё, может, от того, что есть поверье: сведёшь рябину — вся родня вымрет. Но, думаю, берегут рябину не из страха, а из любви к красоте.

Хотя, по-разному бывает. Краевед и знаток народной жизни тотмич А.В. Кузнецов сообщал, что в деревне Светица священное дерево — сосну один мужик срубил без надобности. И как расплату получил на мельнице смертельное увечье. Все эти поверья, пожалуй, из язычества. А что, разве в дохристианский период не было ничего доброго, как некоторые горячие головы пытаются представить тот период бытия?

Н. УВАРОВ

РЕЧКА ПОЦЕЛУЙ

Текла, струилась вода на быстринках и ворковала на быстринках, как сизая лесная голубка-горlinka. Остановился, присел на мосточках. Заглянул я в курпажку и увидел на песчаном дне речушки шелковистые нити трав, спующих рыбёшек-кузнечиков, которых в детстве мы звали сентябрюшками. Весной брюшко сентябрюшек было расцвечено киноварью, а тупые головки усеяны малюсенькими,

словно икринки, белыми пупырышками. Берестяным ковшиком-черпаком, который висел на деревце, попил я водицы. И была она холодна, как лёд, чиста и прозрачна.

К песчаной отмели-исаде, которую перегородил упавший с дерева сук, один за другим причаливали светло-жёлтые багряные, пунцовые листочки. Берега речушки заросли черёмушником, тальником, дикой смородиной, на

ветках которой чернели крупные ягоды. Кусты осики уже порыжели, и узкие листочки никли к земле.

На рябинах оранжевые кисти ягод. Прозрачное голубое небо и тишина. Всюду признаки настоящей осени. И сама речка казалась задумчиво-грустной, как девушка в минуты расставания с любимым.

-А ведь так и было, - сказал Иван Михайлович Прахов, местный житель. -Шёл по этой лесной дороге поп-батюшка, подходил к мосточкам и издали увидел, как сидят на берегу девушка и парень, обнимаются да целуются. Обошёл батюшка влюблённых стороной, не помешал, только сказал:

-Пусть эта речка будет Поцелуй.

Поцелуй да Поцелуй — так и случилось с давних пор.

В.Сергеев. Дерево

В. КАПЛИН

ХОДИЛИ ПО ЁРГЕ РАЗБОЙНИКИ...

В Верхней Ёрге пошустрят — вниз спускаются, а потом опять идут в верховья. Места для разбойников там были отменные: густые леса заросли и сузёмы помогали им скрываться от погони. Да и высокие берега Ёрги и острова в озёрах и болотах не страшили их. В берегах разбойники наделали пещёр, а подступ к ним только они и знали. Из этих пещёр разбойный люд просматривал местность далеко окрест.

На мысе Бык, что стоит внизу у Ёрги, у самой Сухоны, были две пещёры: одна глядит на Сухону, другая — на Ёргу, и обе соединены ходом. Это были сторожевые пещёры разбойников. Богатство своё они хранили на острове в верховьях Ёрги. Правда, его никто никогда не видел...

Н. ЛУЗИН

БАБИЙ НОРОВ

В тотемском краю есть две удивительно привлекательные лесные речки — Опросинья и Степанида. Откуда же взялись эти названия с женскими именами? Оказывается, подруги однажды поссорились из-за земли, да так крепко, что о примирении не было и речи. Каждая их встреча отмечалась шумом, криками, обзываниями... Однажды Господь

не выдержал пустого гомона и превратил баб в речки. В наказание за несговорчивость.

Но самое удивительное в том, что будучи речками, они и не думают о покое — шум перепадов, течений слышен далеко окрест. А люди недоумевают: «Как их образумить?»

А. КУЗНЕЦОВ

ЗА МИЛЛИОНЫ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Современные учёные высказали смелую и новаторскую идею: культура древней Индии корнями своими уходит к культуре людей, живших на современных территориях Вологодской, Пермской, Кировской, Свердловской и других областей. Короче, цивилизация шла с Севера на Юг. Разные учёные выдвигают разные доводы, но не нам судить о новых явлениях в познании мира. А вот о старых открытиях вспомнить стоит. Так, на рубеже XIX и XX веков на Сухоне и Северной Двине работал известный в то время геолог и палеонтолог Владимир Прохорович Амалицкий. На отмели Двины, близ деревни Ефимовской, он нашёл окаменелости, близкие по составу и формам отложениям Индии и Южной Африки. Эти редкие находки подсказали ему, что надо искать тут позвоночных южноаф-

риканского типа. И скоро на сорокапятиметровом береговом обрыве были найдены отдельные кости, черепа, целые скелеты пресмыкающихся и земноводных, живших тут в пермский период (250 миллионов лет назад). Амалицкий сформировал ценнейшую коллекцию костей и скелетов, которым давал сам названия - иностранцевий, динозавр, котлассия (последние названы в честь реки Двины и города Котласа). Теперь собранные экспонаты Амалицкого хранятся в столичном палеонтологическом музее Российской Академии наук и известны под названием «Северо-Двинская галерея».

А что, может быть, и в самом деле Север-батьюшка был старшим братом Юга-тепляка?

Н.ЛУЗИН

НЕ УСТОЯЛ УНИВЕРСИТЕТ

Теперь в Великом Устюге пять средних учебных заведений - речное, медицинское и педагогическое училища, автодорожный и сельскохозяйственный техникумы. Названия их меняются - не в том дело. Пять для райцентра - это немало. А ведь здесь были строительный и библиотечный техникумы, совпартшкола. А ещё раньше был... университет! Он открылся в октябре 1920 года, когда Устюг являлся центром Северо-Двинской губернии. Размещался университет сперва в двухэтажном здании близ герценовской средней школы на Советском проспекте, а потом в Иоанно-Предтеченском монастыре (ныне кистещетоchnая фабрика) образовался университетский городок, где были общежи-

тия, библиотека, клуб, столовая, квартиры профессорско-преподавательского состава. И хотя первый на Севере университет воспринимался местным населением восторженно, однако, судьба его была незавидной. Он все же находился далеко в провинции и не мог соперничать с высшими учебными заведениями Москвы, Петрограда и других городов. В декабре 1921 года университет был закрыт как неперспективный. Через четыре года была упразднена Северо-Двинская губерния, и Устюг превратился в заштатный районный центр Северного края, а потом и Вологодской области.

Н. КУДРИН

УМЕЛИ ДЕДЫ РАСТИТЬ КЕДРЫ

На левом берегу Малой Северной Двины есть деревня Полутово, истоки которой уходят в XVI век. Многие считают, что название её произошло от слова «плут», а отсюда и некоторая настороженность к людям из этих мест. Но это не верно. В старые времена в северо-русских говорах употреблялось существительное «полута» («полутка») в значении «глупый, недалёкий человек». Но если проводить аналогии и сравнения, то жителей деревни никак нельзя было заподозрить в недалёкости. Скорее, наоборот. Лет сто назад Полутово прославилось тем, что в местных рощах, ухоженных и взра-

щённых заботливыми руками крестьян, были посадки кедров, лип и даже голубых елей. Откуда они появились в устюгском крае? Краеведы считают, что завёз сюда диковинные хвойные деревья мореход Дмитрий Полутов, который был штурманом на пароходах, ходивших по Амуру, Охотскому морю, бывавших на Камчатке и Алеутских островах, в Северной Америке. Что привёз Полутов на родину: семена или саженцы? Как и кто возделывал их? Эти и другие вопросы остаются без ответа.

А. КОПОСОВ

ВИНО И ПИВО - ВСЁ НЕ В ДИВО

Устюг имеет свою историю и с водкой, и с пивом. Историю весьма печальную. Ещё в XIX веке устюжане, привыкшие всё делать основательно, наладили производство водки, и качеством она была довольно приличная. Всё бы хорошо, да тут грянула первая империалистическая. По законам военного времени, потребление хмельных напитков было ограничено. И так случилось, что на складах ликероводочного завода скопилось много спирта и водки. Народу же, особенно людям мужского пола, хотелось утолить желания. Да и революционные события, гулявшие по стране, подорвали всякий порядок. И вот 5 января 1918 года толпа жаждущих взломала ворота складов и начался грабёж. Так описывает те события знаток устюгской старины Н.М. Кудрин: «Люди набирали

водку и спирт, кто сколько хотел и сколько мог унести. Воздух около склада был буквально насыщен запахом спирта. Появлялись всё новые и новые любители казённого добра. В тесноте руки с бутылками поднимались вверх, сталкивались, стекло разбивалось, на головы сыпались осколки стекла и разлившегося спирта. Он ручьями лился по канавам, и люди местами бродили в нём по колено...» И эта горячая смесь, возможно от чьей-то папиросы, вспыхнула. Возник пожар, который продолжался больше суток. В огневом месиве погибло более четырёх сотен человек! Восстановили ликёрку лишь в 1926 году. Она выпускала немало спиртного, но её часто трясло - то от аварий, то от крупных недостат, как в 60-е годы прошлого века, то от приватизации 90-х годов.

* * *

В 1877 году немецкий пивовар Людвиг Георг Зельбальд построил в Устюге завод с немецкой (из Баварии) технологией. Главное, как считал хозяин-мастер, в городе добывалась из скважины отличная вода. В 1909 году проведённая детьми Зельбальда реконструкция позволила поднять марку пива, да так, что оно получило широкую известность на севере России. В советское время славу устюгского пива растеряли. Ещё в 50-60 годы прошлого века старые пивовары А. С. Замараев, С. Я. Корякин и ме-

ханик завода М.Д. Липко выдерживали нужную технологию, но позднее, когда пересохла скважина с пресной водой, качество продукции вызывало у знатоков этого напитка лишь усмешки. И хотя худо-бедно в Устюге действует пивоваренный завод, но устюжане предпочитают пить пиво из Ярославля, Иванова, Москвы, Петербурга... Сможет ли когда возродиться пивоваренное мастерство устюжан?

Н. КРАСИЛЬНИКОВ

АННУШКА ИЗ ПИВНУШКИ

Устюжане любили пиво всегда. И толк в нём знали. Немало было в городе разных питейных заведений. Но одна пивнушка в 20-30-е годах XX века славилась особо. Не напитком, а продавцом по имени Анна. Была она огромного роста и необычайной силы. Уж если какой перебранный лишнего мужичок начинал хорохориться, то Аннушка, так её звали устюжане, брала за шкуру

и выбрасывала его на улицу. С Аннушкой из пивнушки никто не смел связываться. Рассказывали старожилы, что она умирала дважды. Первый раз её бездыханную доставили в морг, где она очухалась и пешком ушла домой. В другой раз, как все православные, по-людски отошла в мир иной.

И. СТРЕКАЛОВСКИЙ

ГОРИТ И ПАДАЕТ

В восьмидесятые годы минувшего века Никольску «везло» на пожары. Как-то почти в одно время горели Дом культуры, типография с редакцией, гостиница, контора совхоза... А в Устюге другая напасть - валились строения: мост через Сухону, баня в городе,

ферма и пилорама в Палеме, склад в Сусоловке... Вот тогда и появилась эта горькая поговорка: «Уж если что горит, то в Никольске, а падает, то в Великом Устюге».

Н. ЛУЗИН

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В УСТЮГ

18 апреля 1977 года произошло знаменательное событие в жизни устюжан - открылась железнодорожная станция Великий Устюг. Вопрос о прокладке этой линии к городу растянулся почти на целое столетие. В 1867 году появилось предложение о строительстве, как тогда называли, Вятско-Двинской железной дороги между Вяткой и селом Котлас. С

1867 по 1870 год было проведено три изыскания трассы.

Это вызвало различные реакции у жителей города. Вот что говорят сохранившиеся документы: «1872 года, августа 5 дня. Велико-Устюгское городское общество... в зале городского собрания выслушало словесное предложение г-на городской головы о том,

что по дошедшим слухам проводиться будет железная дорога от города Котельнича до селения Котлас... в расстоянии от города Устюга на 8 версте, в таком случае город наш должен быть по торговым операциям совершенно стеснён».

Некоторые купцы предлагали не дорогу строить, а расчистить реку Малую Северную Двину. Но были и другие, написавшие обращение к вологодскому губернатору, в котором было сказано: «...Не признает ли он возможным направить линию железной дороги с Вятки на Устюг, место слияния рек Сухоны и Юга». Предложение не было оставлено без внимания, и в 1874 году производились изыскания прокладки пути от Тушемской просеки до слободы Дышково, после чего в докладной записке указывалось: «Выбор указанной линии удачен, местность вообще более ровная и твёрдая, вполне способствующая цели назначения». Мнения насчёт постройки железной дороги были различны. Судовладельцы, в частности, утверждали, что исключительным препятствием для перевозки грузов является мелководье реки в летний период, поэтому разумней использовать деньги не на строительство дороги, а на улучшение речного пути. В результате конечным пунктом железнодорожной линии был оставлен Котлас.

В 1880 году рыбинский купец Я. Биншток получает разрешение произвести за собственный счёт изыскание линии для постройки железной дороги от Кинешмы через города Судиславль, Галич, Чухлому, Солигалич, по берегу реки Сухоны до Великого Устюга. В мае 1881 года он стал ходатайствовать о том, чтобы ему разрешили оставить те же конечные пункты железной дороги (то есть Кинешму и Великий Устюг), но прокладку линии направить через города Макарьев, Котельнич и Никольск.

Но предприниматель умер, так и не закончив изыскательские работы, в результате затраты времени и денежных средств оказались напрасными. После проведения железной дороги на Котлас устюгские купцы снова, в ноябре 1907 года, выдвигают предложение о необходимости соединения одной из станций Пермской железной дороги с Кузинским затоном под Устюгом. Эту железнодорожную ветку посчитали неперспективной и предложили отклонить. В 1913 году появился ещё один вариант прокладки железнодорожной линии по проекту инженера С.А. Чмутова: Кострома - Галич - Кологрив - Никольск - Великий Устюг - станция Савватия. Но проект остался на бумаге. В 1916 году вопрос о железнодорожном строительстве на Севере вновь ставится на обсуждение органов государственной власти и общественных организаций. Обсуждались в основном два проекта: инженера В.Н. Вольтмана (Обь-Беломорская железная дорога) и художника А.А. Борисова (Обь - Котлас - Сорока с ответвлением от Котласа на Петроград под общим названием «Великий северный железнодорожный путь»). Первый вариант был признан совершенно неприемлемым, а проект Борисова министерство путей сообщения внесло на рассмотрение Государственной Думы.

Только после победы Октябрьской революции Совет народного хозяйства (12 декабря 1918 года) и Совет народных комиссаров под председательством Ленина (4 февраля 1919 года) рассмотрел проект Борисова и признал его приемлемым. В 1920-1921 годах инженер В.А. Новоченко провёл изыскательские работы по линии Котлас - Сорока. От Котласа дорога начиналась с моста через Малую Северную Двину у деревни Заовражье. На левом берегу Двины проектировалась станция Удима, от которой должна была пойти магистраль Котлас - Званка и ветвь к Устюгу. Устюг в 1918

году становится центром Северо-Двинской губернии. Северо-двинской губисполком остро ставит вопрос о необходимости постройки железной дороги в Великий Устюг.

В 1920 году предлагается ещё одно направление дороги к Устюгу: Селиваново - Аристово. Принимается решение о строительстве этого пути как наиболее короткого (31 километр), но по причине невключения в план строительства 1921 года все работы оказались приостановленными.

Приехавший из Красноборска в Великий Устюг по вызову губисполкома Борисов прилагал немало усилий для осуществления своего замысла. Несмотря на принятый вариант строительства дороги Селиваново - Аристово, художник по-прежнему был убеждён, что выгодней прокладку дороги вести через Красавино и Приводино. В одной из газет он писал: «Итак, от Костромы на Великий Устюг - Котлас - Ухту и даже Печёру, к угольным залежам... Эта же железная дорога на пути от Котласа до Устюга обслужит огромную полотняную Красавинскую фабрику». Через год Борисов писал: «Конечно, рано или поздно мост через Северную Двину должен быть построен, чем скорее, тем лучше... Этот мост даст возможность посредством короткой железнодорожной ветки связать огромную прядильно-полотняную фабрику с центром».

И всё же большинством голосов был поддержан другой проект железнодорожной линии: от Устюга на Селиваново. Поэтому не случайно 11 января 1921 года президиум Северо-Двинского губсовнархоза совместно с президиумом губисполкома рассматривали проект железнодорожной ветки от станции Селиваново до Кузинского затона. Направляется ходатайство на разрешение постройки.

23 января 1921 года губисполком получает сообщение об утверждении проекта и сметы

на постройку железнодорожной ветки к Устюгу с разъезда Селиваново, о выделении рельсов для дороги и о направлении Тихвинской технической железнодорожной команды для строительства.

13 февраля 1921 года на заседании президиума Северо-Двинского губсовнархоза был заслушан доклад о строительстве железнодорожной ветки Селиваново - Аристово. Обсуждение проходило очень бурно. Инженер Шишкин, представитель речного транспорта, например, говорил: «Инженер т. Закордонский делал поспешно изыскания и, стремясь, очевидно, к сокращению пути, допустил ошибку, пройдя долиной реки Шемоксы и пересечённой местностью, попал в высокую точку Котлаской дороги, вследствие этих причин слишком большая кубатура земляных работ. Предлагаю произвести новые изыскания по варианту проекта 1914 года». К этому выступлению присоединились и другие специалисты. В результате было принято решение разыскать проект 1914 года. Поиски продолжались до 1925 года.

В сентябре 1925 года президиум Северо-Двинского губисполкома и губернская плановая комиссия ещё раз слушают вопрос о проведении железнодорожной ветки Устюг - Селиваново и принимают следующее постановление: «1. Запроектированную железнодорожную ветку Селиваново - Кузино признать крайне целесообразной и имеющей огромное значение в экономике губернии, а поэтому необходимой для постройки в 1925-1926 годах. Так как сооружение этой железнодорожной ветки не может быть включено в план дорожного строительства за счёт государства, а поэтому её содержание следует отнести на объединение средств местного бюджета, хозяйственных учреждений и организаций губернии и правления Пермской железной

дороги, с целью эксплуатации, а равно и о конкретном участии в постройке её».

Вопрос становится злободневным. Идут бурные обсуждения, появляются узкоместнические решения и предложения. Одновременно с этим выдвигается вопрос о включении в первый пятилетний план строительство дороги Котлас -Плесецкая - Сорока, а отсюда и необходимость строительства моста через Северную Двину. Последнее, естественно, вносило свои коррективы в вопрос прокладки железной дороги к Устюгу.

С ликвидацией Северо-Двинской губернии вопрос строительства железной дороги в Устюг оказался законсервированным на многие годы.

В 1944 году Великоустюгский горком партии совместно с горисполкомом обращаются

в НКПС с ходатайством о постройке железнодорожной ветки длиной 60 километров для соединения Великого Устюга с Северо-Печёрской дорогой. Ходатайство было поддержано, и Союзтранспроектом были произведены изыскания трассы, разработан проект, составлена смета, но окончательное решение о строительстве не было принято. Потребовалось новое обращение. Позднее вопрос о строительстве дороги, хотя и медленно, начал решаться. Приступили к возведению железнодорожной линии в начале до Красавина, затем, спустя несколько лет, до Устюга. В апреле 1977 года прибыл первый поезд, много лет ожидаемый в древнем городе.

Н. КУДРИН

СИЛУШКА БОГАТЫРСКАЯ

Шуль. Он не из легенды. Впервые я услышал о нём от ямщика, который вёз Шуля со станции Луза в Великий Устюг, а потом видел так близко, что мог дотянуться до него рукой. Это произошло в 1924 году. В то время мы с Федей Вотищевым, моим ровесником-братаном, учились в средней школе имени А.И. Герцена и жили на квартире у Исаака Абрамовича Исмагилова, который в дореволюционном прошлом содержал постоялый двор. Ямщики в новое время по старому знакомству останавливались на ночлег у доброго хозяина. Мы с Федей часто задерживались там, чтобы послушать бывалых людей. О многом они баяли, но рассказ ямщика хранится в моей памяти до сих пор:

«Подъехал я на своей Карюхе к поезду, разбросил пошире тулуп на облучок, жду. Поезд остановился. Вижу, из пассажирского вагона выходит человек с бритой головой. Пальто нараспашку, чемодан в руке. Я поспешил ему навстречу.

- Вам в Устюг?

- Да.

Я пригласил его в свою кошевку, назвал цену. Он не рядился.

- Надевайте тулуп! Холодно, - сказал я.

- Спасибо! - ответил седок и добавил: - Не замёрзну. Карюха быстро вывезла кошовку на тракт. Дул встречный ветер, полозья скрипели. Я поднял воротник своего тулупа, дёрнул вожжами. Оглянулся. Второй тулуп

лежал рядом с седоком. Бритая голова, казалось, парилась.

- Неужели вы не мёрзните?

- Нет. Я приучил себя к морозу ежедневными упражнениями на открытом воздухе, обтиранием снегом.

Быстрая езда ему, видимо, нравилась. Он охотно отвечал на мои вопросы. Я узнал, что везу в Устюг борца по фамилии Шуль, что он будет выступать в клубе щетинщиков и в других местах, а потом уедет в Вологду».

Феде и мне хотелось самим увидеть борца. Узнав, что Шуль остановился в гостинице «Север», мы на завтра отправились к подъезду гостиницы. Любопытных сверстников оказалось много. Молва о Шуле распространялась быстро.

Вскоре из дверей вышел мужчина с открытой бритой головой в демисезонном пальто. Толпа любопытных мальчишек устремилась вслед за ним. Опережая друг друга, мы подходили к богатырю всё ближе и ближе. Самые любопытные и смелые старались поравняться с ним и даже забежать вперёд, чтобы посмотреть на него сбоку и спереди, а потом, приотстав, рассказать об увиденном своим спутникам, шедшим сзади.

Шуль, конечно, видел нас и слышал восхищённые голоса, но делал вид, что ничего не замечает. Так дошли до клуба щетинщиков. На доске объявлений висела афиша, из которой мы узнали, что завтра в семь часов вечера приезжий борец будет выступать. Билеты уже продавались. Но ни у Феде, ни у меня денег не было, а увидеть борца нам страшно хотелось. Была лишь надежда пробиться в клуб «зайцем». Мы тут же придумали и на завтра осуществили свою затею. То, что увидели, превзошло наши ожидания. Помнится, он рвал голыми руками листы кровельного железа, как мы рвём листы из школьной тетради. Запомнился другой но-

мер, названный каруселью. На сцену вынесли бревно. Ведущий программы попросил подняться к нему четырёх человек. Расставил их, а затем усадил по два человека на концы бревна. Шуль в это время перевязал бревно посередине полотенцем, завязал узел, взял зубами, поднял бревно вместе с сидевшими на нём зрителями, как коромысло с ведрами, и стал крутить его, подобно карусели. Необыкновенная сила мышц и зубов демонстрировалась наглядно и весело. Ещё больший успех вызвала инсценировка «Освобождение Спартака из тюрьмы». Шуль в роли Спартака «томился» в заключении. Зрители видели его через решётку рамы. Он что-то говорил, но слов я не помню. Затем он подошёл к решётке вплотную и попробовал руками её крепость. Решётка состояла из железных прутьев, толщиной в мою тогдашнюю завить. Прутья были вставлены концами в толстые брёвна, образующие раму. Выбрав удобное положение, Спартак-Шуль рванул один прут, прогнул его, потом стал прогибать другие прутья. Посередине решётки образовалось отверстие, в которое «Спартак» вышел из «тюрьмы» на свободу. Публика дружно приветствовала освобождение «Спартака» и богатырскую силу Шуля.

Приезд Шуля в город усилил интерес устюжан к богатырям, былинам и сказкам о богатырских подвигах.

Но вернёмся на постоялый двор, где квартировали ямщики, крестьяне, приехавшие из деревень, расположенных в долинах рек Луза, Юг, Сухона. Были там и пимокаты. Они не истинные устюжане, а приехали в разное время из Вятки. Но относились к ним здесь уважительно, как к мастерам. Пимокаты рассказывали ямщикам о Шуле. И дополняли легендами о Ване Южаке. Один ямщик из Кичменгского Городка говорил, что он был из родной деревне Вани Южака и многое слышал о нём от стари-

ков, которые богатыря знали лично. И тут мы услышали об одном удивительном происшествии с Ваней. Лесник, охранявший казённый лес, однажды заметил свежие сосновые пни на своём участке и следы человека на снегу. А следов лошади не было. Это его встревожило и удивило. Он доложил об этом лесничему. Тот приказал усилить наблюдение за участком и поймать порубщика. Лесник часто приезжал на место хищения деревьев, затаивался и наблюдал. Однажды он увидел, как к месту порубки приехал мужик на дровнях. Остановился. Повернул свою упряжку в обратную сторону. Взял топор и ушёл туда, где виднелись свежие пни и росли строевые сосны. Нашёл подходящее дерево, срубил, очистил от сучьев, отрубил вершину, взял бревно на плечо, вынес его на дорогу и положил на сани. Лесник ничем не обнаружил своего присутствия. Он дрожал от страха. Похититель обладал невиданной силой. Привязав бревно, он поехал по дороге. Лесник следовал за ним, стараясь не терять его из виду, но не догонять.

Доехав до своего дома, богатырь отвязал бревно, взял его на плечо, занёс во двор, поставил вершиной вверх, а затем прислонил к сеновалу, рядом с другими брёвнами, привезёнными раньше. Позднее выяснилось, что Ваня решил построить себе новую избу из брёвен, взятых в казённой роще. Рассказал ли лесник лесничему, что видел, неизвестно, но к суду богатыря не привлекали.

Знакомый ямщик, земляк Вани, поведал другую историю. В ту снежную зиму дорога была особенно похожа на бесконечное корыто. Выворачивать из него, особенно с тяжёлым возом, трудно и опасно - могут порваться завязки. Выезжать из сугроба на дорогу ещё труднее. При встрече на дороге часто бывали споры и жестокие драки. Сворачивает побеждённый.

Однажды Ваня Южак вёз домой сено. Воз

был большой. Ваня шёл впереди своей лошади. Навстречу ему ехали с базара мужики на нескольких подводах. Ехали порожняком, с весёлым шумом. Были они под хмельком. С передних подвод кричали: «Сворачивай! Нас много, а ты один!» Свернуть с дороги в глубокий снег с сеном Ваня не решился. «Помилюйте, братцы! Застряну в снегу!» Но встречные мужики не хотели уступать. Назревала драка. Ваня понял, что миром их спор не кончится, драки он не боялся, но ввязаться в неё не хотел. Мужики угрожающе окружали его. И тут Ваня подошёл к передней лошади. Взял за концы оглобель, выступавших из гужей, и так нажал на них, что дуга сломалась, хомут разорвался. Мужики, окружившие Ваню, притихли и в страхе отступили. Ваня подошёл к лошади сбоку, присел, плечом и рукой подхватил её под брюхо, а затем так толкнул, что она улетела с дороги в снег. Встречные мужики разбежались, освободили дорогу, а потом со страхом скрылись. Им показалось, что встретился не человек, а нечистая сила в обликии мужика.

Рассказывали, в долине Юга, особенно в среднем и верхнем его течении, много

сосновых боров. Жители этих мест издавна сплавливали лес плотами в Архангельск, хорошо зарабатывая на этом промысле. Им занимался и Ваня Южак. Доплыл он на плотках до лесной биржи в Архангельске, удачно продал свой лес. Чувствует, время сева подходит, надо возвращаться. Но парохода, идущего до реки Юг, не подворачивалось. Однажды пришёл он на дровяной склад, где пароходы топливом запасаются. Присел отдохнуть. Через некоторое время пришёл к этому складу грузовой пароход. Матросы сноровисто привязали к причальной тумбе, положили сходни и стали грузить дрова.

-Куда направляетесь, братцы? - спросил Ваня.

- Кабыть на Юг, за лесом, - ответил один из матросов.

- Возьмите меня с собой, я заплачу!

- Проси об этом капитана.

Ваня подошёл к нему: «Господин капитан, вы направляетесь в реку Юг. Там моя родная деревня. Возьмите меня, я заплачу!»

Капитан ответил: «Грузовым пароходам возить пассажиров запрещено».

- Сделайте Божью милость! - Упрашивал Ваня. - Я согласен работать вместе с матросами.

- Не могу. Не проси, - ответил капитан.

Завершив погрузку дров, матросы убрали сходни, а чалку с тумбы, на которой сидел Ваня, не сняли. Надо было кому-то спрыгнуть на берег или сбрасывать сходни. Старший матрос обратился к Ване с просьбой: «Слушай, приятель, сними чалку и брось её на палубу!» «Сделаю», - сказал Ваня, снял чалку с тумбы, но на палубу её не бросил, а держал в руках. Капитан, видя, что сходни на палубе и чалка снята с тумбы, подал команду: «Вперёд!» Колёса начали медленно двигаться. Ваня держал канат, упираясь ногами в тумбу. Колёса крутились, а пароход стоял на месте. Капитан дал вторую команду: «Полный вперёд!» Колёса закрутились быстрее. Ваня упёрся крепче, откинув назад своё туловище. Пароход по-прежнему стоял на месте. Капитан и матросы в удивлении смотрели на Ваню, казалось, все опешили. Такого и представить себе никто не мог. И капитан, оправившись от изумления, подал команду: «Стоп! Сложить сходни!» А Ване крикнул: «Заходи».

Ваня Южак бывал в Устюге. Здешние купцы пытались однажды определить, насколько велика его сила. Дербенёв строил тогда новый кирпичный дом. Каменщики по распоряжению хозяина наложил в ящик кирпичей,

заколотили его и поставили так, чтобы удобно было навалить на спину. Укрепили сходни, по которым носили кирпичи. Пригласили Ваню Южака. Хозяин ему сказал: «Нужна, Ваня, твоя услуга. Я за ценой не постою. Ящик, что стоит перед тобой, надо поднять на второй этаж. Никто из рабочих за такое не берётся. Мне сказали, что ты это сможешь сделать. Ты подставь свою спину, а рабочие завалят на неё ящик. Если почувствуешь, что сможешь нести его по сходням на второй этаж, неси, если нет, положишь на старое место».

Ваня согласился. Осмотрел ящик, примерился, подставил свою широкую спину, рабочие накренили ящик. Ваня подхватил его руками, чуть-чуть поприсел, как бы определяя тяжесть, а затем сказал: «Вынесу». Сходни прогибались и скрипели, Ваня медленно шёл по ним всё выше и выше. Хозяин, приказчик и несколько рабочих шли следом. Поднявшись на второй этаж, Ваня спросил: «Куда положить?» Ему показали приготовленное для ящика место. Ваня освободился от груза, разогнул спину, выпрямился. Лицо его не было ни багрово-красным, ни бледно-белым. Он добродушно улыбался.

Дербенёв спросил: «Как ты думаешь, сколько пудов тянет ящик?» Ваня, подумав, ответил: «Пудов тридцать пять, полагаю, будет». Купец сказал: «Больше - сорок». Было ли это пределом силы мужицкого богатыря, осталось тайной. Илья Муромец, о богатырских подвигах которого я знал из былин, уже не казался мне чудом, выдумкой.

Последняя легенда о гибели Вани Южак ова, буквально потрясла меня, вызвала слёзы сожаления и гнев на виновников гибели нашего северного богатыря. Эту легенду рассказал Акиндин. Он услышал её на зимней дороге в Кичменгском Городке, от сплавщиков леса. Ваня и его земляки приплыли на плотях в Архангельск. На сей раз они не торопились,

как раньше, возвращаться домой, а решили познакомиться с городом. Они узнали, что в портовом клубе состоится поединок двух иностранных борцов, английского и шведского. Купили билеты, заняли места. Поединок закончился победой англичанина. Судья, объявивший о победе, обратился к зрителям с вопросом, не желает ли кто-нибудь из них померяться силой с победителем.

Земляки приступили к Ване: «Иди и покажи этому чужеземцу, что среди русских мужиков есть удалцы посильнее его!» «Может ты боишься заезжего силача?» Вопрос показался обидным. Ваня даже встал и сказал так, что услышали многие: «Нет, не боюсь! Но я не умею бороться так, как они. Вот если бы по-нашему, по-мужицки». Поднялся шум: «Пусть борются по-нашему». Англичанин не возражал. И Ваня пошёл. Снял армяк, положил его на стул, подошёл к своему противнику с улыбкой. Подал ему руку. «Начинайте», - сказал судья. Каждый из противников старался захватить другого

в обнимку. Англичанин превосходил Ваню в ловкости, в знании приёмов борьбы. Ему удалось захватить руку противника и повернуть её так, что Ваня почувствовал страшную боль в плече. Он рассердился и так дёрнул свою руку, что противник не смог оборониться и оказался в его объятьях. Ваня сдавил англичанина руками, как клещами, приподнял, оторвав от пола, а потом с такой силой бросил на помост, что иноземец долго не мог подняться. Зрители громко аплодировали, а сплавщики-южаки кричали: «Молодец, Ваня!» Английский борец ушёл с помоста, хромя. Друзья его решили погубить мужицкого богатыря. На следующий день они разыскали Ваню и пригласили к себе на паром, чтобы достойно, как они говорили, отпраздновать его победу. Во время этого злодейского пира иноземцы отравили русского богатыря. Ваня умер после непродолжительной болезни, вскоре после возвращения в родную деревню. Ваню погубили, но остались жить его сестра-богатырша и малолетний сын.

* * *

«Легенды о богатырях» — так называлась серия моих материалов, опубликованных в газете «Советская мысль» в 1987 году. В предисловии я обращался к читателям с просьбой сообщить мне известные им иные варианты рассказов, преданий и легенд о северных богатырях. Раньше всех откликнулся В.Л. Ядрихинский, житель Красавина. Он сообщил, что ему известны многие цирковые выступления Шуля по рассказам его дяди. О Ване Южаке ему рассказывал дед, дважды встречавшийся с богатырём. В Архангельске дед-матрос видел, как «Ваня удерживал за канат паром, идущий к реке Юг, упрашивал взять его на палубу». В юности, случалось, ради потехи Ваня приподнимал угол избы и клал туда шапку одного из сверстников. Поз-

же, во время сплава леса по Северной Двине, около Холмогор, плоты сели на мель, течением воды их могло разорвать. Ваня соскочил в воду и сдвинул плоты с мели. Однажды в Архангельске Ваня решил подработать на перевозке рыбы. Он в одиночку брал двадцатипудовые бочки с треской в складе и переносил их на свою телегу. Сообщалось о гибели богатыря. Хозяин цирка в Архангельске уговорил Ваню выступить в качестве борца и, стремясь нажиться, так перегрузил, что его сердце остановилось во время исполнения циркового номера.

В.Деревесников сообщал рассказ своего дяди, Ивана Петровича Деревесникова, об испытании силы Вани Южака на лесобирже в Архангельске. «Бабу», которой забивали

сваи четверо сильных рабочих, Ваня поднимал выше своей головы. Большое и содержательное письмо я получил от Непогодьева из Сыктывкара. Он родился в деревне, расположенной в восемнадцати верстах от родной деревни Вани Южака, и с 1966 года собирает материал о своём легендарном земляке. Им написана повесть «Иван Лобанов - северный богатырь». Непогодьев ездил в родную деревню Вани, беседовал с Лобановой Екатериной Фроловной, женой покойного Фёдора Григорьевича, родного брата Вани. На основании письма Непогодьева можно считать установленным, что легендарный богатырь Ваня Южак - это Иван Григорьевич Лобанов, родившийся в Мочальниковском Починке Никольского района. Автор повести подвергает сомнению достоверность легенды об отравлении северного богатыря английскими соперниками. Сомнение естественно, но в преданиях, передаваемых из уста в уста продолжительное время, естественны и отступления от реальных фактов. Они

свидетельствуют о том, в каком направлении работают усилия рассказчиков, пытающихся создать образ близкого им богатыря-земляка.

В.А. Фамский сообщает, что он видел почти все выступления Шуля в Устюге с 1927 по 1937 год, а в начале 50-х годов встречался с ним в застолье у общих друзей. Тогда Шуль уже сильно постарел, однако шутил, интересно рассказывал о своих гастролях.

Н.И. Лебедев - земляк знаменитого Шуля. «Настоящее имя борца, - утверждает он, - Василий Григорьевич Шульгин. Он родился в деревне Наволок Покровского сельсовета Вилегодского района Архангельской области, в семье крестьянина. Я учился в одной школе с младшим братом будущего богатыря Шульгиным Алексеем, знал старшего брата, Савватия. Младший брат обладал ловкостью, а не силой. Савватий же был под стать Василию. Умер Шуль в 1958 году в Котласе бедным и забытым».

В. ПРОКШИН

НЕБО ПОКОРЯЛОСЬ НА ЗЕМЛЕ

Гора Бычья - известная под равнинной Вологодой возвышенность. Говорят, её местные крестьяне отвоевали у леса и распахали ещё в XVII веке. Многие поколения кормила она зерном людей, сеном - лошадей и коров. Только бы за это горе следовало ставить памятник. Но не за то помнят в народе гору. В 1861-1869 годах здесь, в деревне Котельниково, жил Александр Фёдорович Можайский. Одержим он, в прошлом моряк, был одним - изготовить летательный аппарат и, как птица, подняться в небо. Свой аппарат он мастерил

Автор неизвестен. Деревья умирают стоя

по подобию воздушного змея. Когда всё было готово, Можайский с помощью пары лошадей поднял таки змея, а вместе с ним и себя на несколько метров от земли. Произошло это знаменательное событие на Бычьей горе.

Потом Можайский отказался от конной тяги, стал изучать крылья птиц, нашёл в них подъёмную силу, стал мастерить лопасти и

мотор... В 1885 году он впервые в мире поднялся в воздух на своём самолёте.

Вологжане искренне считают, что без Бычьей горы Можайский бы никогда не смастерил самолёт. В честь изобретателя Котельниково вот уже почти полвека носит другое имя – Можайское.

Т. ЛЕЙКИН

ДЬЯВОЛЬСКОЕ МЕСТО

В Бабаевском районе есть одно озеро, официальное название которому Большое. А в народе его зовут «мёртвым». В него не впадает ни один ручей, растительности почти никакой нет, а рыба и вовсе не водится. Почему? Говорят, в своё время чёрт рассорился с дьяволом: мол, нам, чертям, нет никаких условий для пакостей и гадостей. И потребовал у дьявола всяких льгот и привилегий, а все тихие омуты отдать полностью в распоряжение чертей. Долго спо-

рили, перепирались, а потом дьявол махнул рукой: забирайте Большое озеро и живите сами, как хотите! Все черти устремились на озёрный простор. Что там между ними произошло, никто не знает. Но то, что в том озере нет ни чертей, ни Божьей живности - это точно. А люди гадают, кто больше виноват в том, что озеро стало «мёртвым»? Дьявол или черти?

Н. ЛУЗИН

ВОДОХРАНИЛИЩЕ, КАК ЧУДИЩЕ

Все знают или хотя бы слышали легенду о граде Китеже. Согласно ей Великий князь Владимирский Юрий сначала построил на Волге город Малый Китеж (сегодняшний Красный холм, по другой версии Городец). Позднее князь пересёк реки Узулу, Санду и Керженец и нашёл красивое место на берегах озера Светлояра, где он решил построить город Большой Китеж. Предполагается, что название города произошло от княжеского села Кидекши (около Суздаля), уничтожен-

ного татаро-монгольской ордой в 1237 году. Завоевав некоторые русские княжества, хан Батый узнал о Китеже и приказал взять его. Монголы скоро захватили Малый Китеж, вынудив Юрия отступить в леса к Большому Китежу. Один из пленников рассказал монголам о тайных тропах к озеру Светлояру. Орда преследовала Юрия и вскоре достигла стен города. К удивлению монголов, у города совсем не было укреплений. Его жители даже не собирались защищаться, а только молились.

Увидев это, монголы атаковали город, но тут им пришлось остановиться. Внезапно из-под земли хлынули фонтаны воды и начали заливать город и самих захватчиков. Нападавшим пришлось отступить, и они только могли видеть, как город погружается в озеро. Последнее, что они видели, был крест на куполе собора. И вскоре на месте города остались только волны.

Эта легенда родила многочисленные невероятные слухи, которые дошли до наших дней. Говорится, что только те, кто чист сердцем и душой, найдут путь в Китеж. Также говорится, что в тихую погоду можно иногда слышать колокольный звон и пение людей, слышимое из-под вод Светлояра.

В советское время у нас появился новый

Китеж. Только с печальной историей... Рыбинское водохранилище — большое искусственное озеро на реке Волге и её притоках Шексне и Мологе. Около 17 тысяч лет назад тут было ледниковое озеро. Постепенно оно обмелело, и возникла обширная Молого-Шекснинская низменность. Рыбинское водохранилище планировалось как самое большое по площади искусственное озеро в мире. Осенью 1940 года русло Волги перекрыли, а весной 1941 года началось наполнение чаши водохранилища. Для завершения работы пришлось переселить на новые места более 600 селений и город Мологу. Заполнение продолжалось до 1947 года. Берега Рыбинского водохранилища преимущественно низкие, по его побережью тянутся сырые луга, леса, болота.

Судовой фарватер идёт вдали от берегов. Высота волн достигает двух метров. С появлением Рыбинского водохранилища климат в прилежащих к нему районах изменился. Лето стало более влажным и прохладным, перестали вызревать пшеница и лён. На зиму водохранилище замерзает. Лёд держится с середины ноября до начала мая.

На дне Рыбинского водохранилища покоятся деревни, кладбища и даже целые села с церквями. Во время межени над поверхностью воды показываются кресты церквей. В основном такие подводные сёла находятся вблизи пошехонских и брейтовских берегов. Кроме того, на дне водохранилища большое количество техники, утонувшей по разным причинам. От северо-западной части берега Рыбинского водохранилища довольно часто отрываются большие пласты торфа, поросшие растительностью и даже мелкими деревьями. Они автономно плавают по всей акватории.

Строительство водохранилища нанесло серьёзный экологический и культурно-исторический урон краю. После наполнения гигантской чаши водохранилища ушла под воду и была изъята из хозяйственного оборота восьмая часть ярославской земли, в том числе 80 тысяч гектаров лучших в Поволжье пойменных заливных лугов, травы которых по своему качеству не уступают травам с альпийских лугов, более 70 тысяч гектаров веками возделываемой пашни, более 30 тысяч высокопродуктивных пастбищ, более 250 тысяч грибных и ягодных лесов. Сельскохозяйственному производству региона был нанесён тяжелейший удар, поскольку основными районами маслоделия Ярославской губернии были Мологский и Пошехонский уезды, а также северные части Мышковского и Рыбинского уездов, то есть те территории,

которые были затоплены или подтоплены водохранилищем. Здесь вырабатывалось до 85 процентов ярославского масла, значительная часть которого до революции экспортировалась в Западную Европу, в частности в Англию и Данию. Всё это свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне развития животноводства в молодого-шекснинском междуречье, которое сопоставимо с современным сельскохозяйственным производством в Голландии и Франции. Однако богатейшая база высокопродуктивного животноводства была бездумно затоплена.

Но самые тяжёлые потери связаны с переселением, а правильно сказать, выселением десятков тысяч людей. В общей сложности при строительстве Рыбинского и Угличского гидроузлов и заполнении водохранилища разрушены и затоплены около 800 сёл и деревень, шесть монастырей и более пятидесяти храмов.

Ушли под воду древняя княжеская столица, культурно-исторический и административно-хозяйственный центр города Мологи, в котором проживали более пяти тысяч человек, пятитысячный фабричный посёлок Абакумово, находившийся на реке Шексне в нескольких километрах от Рыбинска. Затоплено три четверти территории одного из древних русских городов – Весьегонска (Тверская область), расположенного в 140 километрах от Рыбинска. Под воду ушла вся его историческая часть с тремя старинными храмами. Перенесено на новое место старинное село Брейтово, стоявшее при впадении реки Сить в Мологу. Затоплены древние летописно известные сёла и храмы, расположенные вдоль бывших берегов Мологи, в частности село Борисоглеб - бывший Холопий Городок, впервые упомянутый в XII веке. Ушли под воду сама благоустроенная

в Ярославской епархии Югская Дорофеева пустыня, располагавшаяся на полпути от города Мологи до города Рыбинска; обширный комплекс Мологского Афанасьевского монастыря, основанного в XIV веке. В комплекс входило четыре храма. Затоплен Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, находившийся между Череповцом и Рыбинском близ реки Шексны, с величественным пятиглавым собором.

Не все смогли смириться с потерей родных земель. При затоплении Рыбинского водохранилища 294 жителя Мологи добровольно ушли из жизни, запёршись в затапливаемых домах.

Иногда Мологу называют Ярославским Китежем. Но в отличии от красивой легенды судьба Мологи — трагедия и боль русского народа.

В. КОТОВ

ВЕНЧАНИЕ ЕСЕНИНА И РАЙХ

Деревня Петровское в старые давние времена стояла на дороге из Вологды в Кирики-Улиты. Учёные мужи говорят, что деревня эта известна по летописи с XVI века, что большой и шумной она никогда не была, что в XIX - начале XX века были вырыты пруды, в которых молодые люди из барской усадьбы на лодках катались здесь. Но это всё в прошлом, лишь часть прудов напоминает о былом величии Петровского. Известность оно получило ещё и от того, что вскоре после Октябрьской революции тут ночевал Сергей Есенин. Будучи в Вологде со своим другом Ганиным, поэтом из села Архангельское Кадниковского уезда, и возлюбленной Зинаидой Райх, Есенин решил обвенчаться с ней. Весёлая компания из столицы намерение Сергея хотела осуществить в каком-нибудь тихом сельском храме. Вот тогда-то, по совету вологжан, они направились пешком в Кирики-Улиты. Минувя Осаново, они вышли на Петровское, где их и застала вечерняя темнота. Есенин, Ганин и Райх заночевали в Петровском, а назавтра, дойдя до храма, совершили обряд венчания, возвратились в

Петровское и устроили уже у знакомого хозяина дома ночлег и вечеринку. Есенин и Райх были счастливы, но недолго.

Вернувшись в Питер, Есенин расстался с Райх, Ганин пал жертвой органов диктатуры пролетариата, да и сам Есенин ушёл из жизни в 1925 году.

В Петровском же коренные жители из

поколения в поколение рассказывали, как у них дважды ночевал Есенин, как он спал на соломенной постели с молодой женой-красавицей.

Н. ЛУЗИН

ЧУДО ПАРК И ЧУДО ЛЮДИ

В XVI веке село Никольское, что на Устьянщине, было даровано казачьему атаману Филату Васильевичу Межакову за участие в освобождении Москвы от поляков. Межаков был одним из четырёх казачьих атаманов, которые в решающий момент битвы за Москву 22 августа 1612 года бросились на помощь войску Минина и Пожарского. Когда в 1613 году Филат Межаков перешёл на государственную службу, ему было назначено поместье на Вологодчине — село Никольское Заболотье. Потомки Филата Межакова продолжали нести государеву военную службу, и село Никольское закрепилось за родом.

В XVIII веке, когда служебное бремя дворян стало несколько ослабевать, у владельцев Никольского появилась возможность больше времени уделять своему хозяйству. Предпринимательская деятельность, которой они энергично занимались, позволила им значительно расширить свои владения.

Отстраиваться усадьба начала лишь при Михаиле Фёдоровиче Межакове, который в 1761 году приехал в имение Никольское после окончания военной и гражданской службы. Его сын Александр пригласил для ведения строительных работ известных архитекторов. Автором проекта дворца одни называют Ринальди, другие — Баженова. Круглые башни, простые формы, отсутствие украшений — это

отличало усадебный дом дворян Межаковых от других дворцов классического стиля. Дом состоял из главного здания, где было более сорока комнат. С ним соединялось здание картинной галереи. Внутреннее убранство дома покорило и удивляло многочисленных гостей. В комнатах была старинная мебель екатерининской и александровской эпох. Английские гравюры, ценные картины, хрусталь, фарфор, статуэтки, канделябры, светильники, паркет, потолки с лепными украшениями — вот чем блистала усадьба. Кроме дворца и парка в ансамбль усадьбы входили оранжереи, каменные торговые ряды, церкви Николая Чудотворца и Николаевская Заболотная Ружская и некрополь.

Никольское было настоящим оазисом в этих глухих местах. Оно славилось богатейшей в губернии библиотекой, картинной галереей с полотнами Рембранда, Рейсдаля, Гвидо Рени, Джорджа Дуо и других художников, оркестром и крепостным театром.

Однако не только барским домом прославилось Никольское. В середине XVIII века при усадьбе был разбит роскошный парк. На 16 гектарах высажено большое количество берёз, лип, дубов, лиственниц. Здесь были многочисленные клумбы, аллеи, сооружены каменные гроты, построены оранжереи. Парк украшали различные статуи. Из речки Макаровка, что

протекает посередине парка, создаётся система затейливых прудов с дамбами, островками, горками, валунами. Крепостными крестьянами в парке был сооружён большой насыпной холм высотой семь метров. Для ухода за насаждениями парка из Петербурга специально был привезён садовник Ренненсберг. Нарочные из дворовых ездили за семенами и цветами в Ярославль, Москву, Астрахань...

Межаковы были разносторонне одарёнными людьми. Павел Александрович Межаков (1788-1865) в первой трети XIX века был известен как поэт в литературных кругах Москвы и Петербурга, опубликовал два сборника стихов. Он получил прекрасное образование сначала дома, а с девяти лет в Московском университетском пансионе; служил в коллегии иностранных дел и комиссариатском штате военного ведомства, а позже избирался вологодским губернским предводителем дворянства. Он был знаком со многими поэтами, в том числе с такими выдающимися, как Г.Р. Державин, К.Н. Батюшков, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский.

В 1850 году, когда Павел Александрович Межаков был предводителем

дворянства, в Вологду после ареста и заключения в крепость по делу

петрашевцев был выслан Николай Яковлевич Данилевский. Здесь он написал и опубликовал два весьма талантливых исследования: «О движении народонаселения в России» и «Климат Вологодской губернии». Сейчас он известен как учёный, автор капитальных трудов «Россия и Европа» и «Дарвинизм. Критическое исследование». И хотя он провёл в ссылке всего полтора года, вологодские связи сохранял всю жизнь. П.А. Межаков пригласил Николая Яковлевича в своё поместье Никольское. Их дружбе способствовала общность их научных интересов. В 30-40 годы XIX века Александр Павлович Межаков начинает здесь

свои работы по акклиматизации дуба, ясеня, кедра. Выпускник Петербургского университета, член Русского географического общества четверть века занимается в Никольском научной работой. Результаты своих изысканий он публикует в «Записках комитета акклиматизации», создаёт «Каталог семяносных и высших растений Кадниковского уезда». Гербарий растений, собранный им, до сих пор хранится в Российской Академии наук. Привязанность Н.Я. Данилевского к Никольскому и Вологде с кончиной А.П. Межакова не угасла. Зимой 1860 года он приезжал в Никольское, сделал предложение дочери своего покойного друга Ольге Александровне. Их свадьба состоялась в октябре 1861 года. Огромная занятость Николая Яковлевича не мешала ему время от времени с семьёй навещать места, ставшим для него такими близкими. Память о нём как о добром барине, изучавшем растения, долго сохранялась у жителей Никольского.

Известно, что в тот период в парке Межаковых выращивалось около ста различных видов деревьев и кустарников. Под их сенью росли розы, гвоздики, мальвы, аквилегия и множество других цветов. Имение славилось ананасной и виноградной теплицами.

Изменения в России внесли коррективы и в жизнь тихого села и его барской усадьбы. Дом был разграблен, а в 1933 году он полностью сгорел. В годы советской власти насаждения хоть и бережно охранялись от произвольных рубок и вмешательства, но постепенно старели, поскольку настоящего ухода за парком не было. Сократилась и территория парка, не осталось прекрасных цветников. Он постепенно зарастал ивой и крапивой. Лишь в 80-е годы XX века по инициативе учителя местной школы Вениамина Михайловича Голубева в парке стали проводиться работы по восстановлению. Он с местной ребятнёй

провёл систематизацию деревьев и кустарников, наметил рубки ухода. Занимались и лечением деревьев-патриархов: спиливали сухие ветви, заделывали дупла в стволах, очищали пруды, косили сорную траву, протаптывали дорожки. И старый парк воскрес. Сейчас он выглядит чистым и ухоженным. Это единственный на территории Вологодской области памятник садово-паркового искусства республиканского значения.

В последнее десятилетие парком интересуются и учёные. Неоднократно оценивали состояние парковых насаждений сотрудники кафедры ботаники педагогического университета, главного ботанического сада, специалисты-экологи. Создано учреждение культуры «Никольский парк». Проводится экологический мониторинг парка, картирование древесных и кустарниковых пород, выявляются и сохраняются популяции редких растений. Предпринята попытка восстановить первоначальное

расположение деревьев с тем, чтобы более полно представить ландшафтное устройство парка. Необходимо восстановить водную систему, так как одной из причин гибели деревьев является недостаток влаги.

Усадьба Межаковых и село Никольское тоже не остаются без внимания. Ведётся большая краеведческая работа по изучению истории села, собираются материалы для музея. В мае 2002 года посёлок Устье и село Никольское посетили наследники рода Межаковых, приехавшие побывать в местах жизни их славных предков: Инна Михайловна Рау из города Любек (Германия) и Валентина Яковлевна Данильченко с дочерью Ириной (г. Москва) – правнучка известного учёного-философа, естествоиспытателя второй половины XIX века Николая Яковлевича Данилевского.

Л. СМЕРНОВА

«ВЕЛИКИЙ УСТЮГ – РОДИНА ДЕДА МОРОЗА»

Так теперь называется обширная программа строительства вотчины Деда Мороза на земле великоустюгской. А как появилась эта затея? Знающие люди говорят: придумали её мэр Москвы Юрий Лужков и художник Зураб Церетели. Дело было так. Высоких гостей из столицы угощали стерляжьей ухой близ Троице-Гледенского монастыря. Там есть деревня Морозовица. Лужков интересуется: почему Морозовица? Разве только в ней морозы зимой? А не отсюда ли вышел Дед Мороз? А почему бы не сделать Морозовицу, этот монастырь, вотчиной Деда Мороза? Вот так и зародилась идея. Потом вотчину утвердили в другом месте – на берегу Сухоны, в сосновом бору. Там развернули строительство теремов, туда завезли зверей... И о родине Деда Мороза стали знать по всей России, повалили туда туристы... И Устюг приобрёл новую славу – сказочную.

Есть и другая легенда появления в Устюге Деда Мороза. Её талантливая местная поэтесса ОЛЬГА КУЛЬНЕВСКАЯ так выразила художественным слогом.

Там, где лес стоит стеной -
молчаливой и густой,
зори водят хороводы
по-над Сухоной-рекой,
разливая алый свет
дню ушедшему вослед, -
на горе высокой Гleden
жили братья много лет.
Первый звался Водолей:
тёплый взгляд из-под бровей,
а в глазах — речные блики
неба синего синей.
А второй был брат Мороз,
только нет, не Красный Нос,
был чуть-чуть он покапризней,
потому, что младшим рос.
Жили братья, не тужа,
в душу, говорят, душа.
Оба высоки и статны,
и трудились не спеша.
Ведали они водой -
дождевой и снеговой
и речною, и озёрной -
каждый в срок, но только в свой.
Водолей снега топил,
и дожди на землю лил,
и сливал реку с рекою,
в общем, «слякоть» разводил.
А Мороз выковывал льды,
чтобы не было воды,
реки зимами морозил...
Так и жили без беды.

Только как-то вышел спор,
очень крупный разговор,
и поссорились два брата -
не бранившись до сих пор!
Водолей махнул рукой:
«Брат, прощай, и Бог с тобой!..»
И за Сухону подался -
на тот берег, что крутой.

А Мороз в обиде весь,
по округе подал весть:
«Здесь Морозовица будет,
я хозяин буду здесь!»
Только вскоре заскучал,
головой покачал:
«А пойду-ка я по свету», -
он сердито проворчал.
Поросли былём слова,
только, правда — не молва:
под крылом святого храма
деревенька тут жива.

Сколько лет он пробродил,
только где и не ходил,
и в путях-дорогах длинных
много валенок сносил.
Был он там, где холодней, -

это место всех белей,
там, под северным сияньем,
где хозяин — Вьюговей.
По сибирской по тайге
побродил он налегке,
там хозяином Стужайло -
по метели, по пурге.
И южнее был Мороз,
там, где нет уже берёз,
где гуляют Сечень с Лютым
среди замёрзших южных роз.
А потом подался он
в западную из сторон:
Снежень стал ему там другом.
Северу послал поклон.
Там ходил он много дней,
стал мудрее, стал сильней,
и всё чаще стал он думать:
«Как же брат там, Водолей?»
В жизни есть всему свой срок!
Много позади дорог,
только та из них дороже,
где в конце — родной порог.
И решил домой идти, -
должен быть конец пути!
Хорошо в гостях, но дома
лучше, сколько ни крути!
...Наконец свои края...
Шепчет, слёз он не тая:
«Здравствуй, город Водолея,
Здравствуй, родина моя!»
Встретил старший его брат -
синих глаз лукавый взгляд:
«Оставайся-ка ты с нами,

будет в жизни прежний лад!
Счастлив будешь каждым днём
в этом городе родном.
Терем мы тебе построим
и Снегурку здесь найдём!»

Здесь не даром время шло!
Видно, доброе крыло
осенило этот город,
где просторно и светло.
В устье Юга он рождён,
над рекою вознесён,
отражаясь в зыбких водах,
словно тихий, белый сон.
Чуден город стариной;
здесь и люд мастеровой -
далеко делами славен...
Герб у города есть свой.
Герб един — другого нет:
Водолей — суров и сед
Юг и Сухону сливает -
в память давних-давних лет.

Околдован Дед Мороз
серебром и светом звёзд,
храмов дивных белым строем
и резною берестою,
и морозною игрою
вновь растроган он до слёз...

Вот и кончился рассказ.
Дед Мороз живёт у нас.
Отчего не верить в чудо?
Доброй сказке — в добрый час!

Игры

Хороводные игры, как вид народного творчества, существовали до 30-х годов XX века, в памяти людской жили долго. Вот как проходил хоровод в Вашкинском районе. Игроки становились в две параллельные шеренги, причём, одна из них комплектовалась из ребят, а другая – из девчат. Шеренги поочерёдно приближались друг к другу и отходили обратно. Первую строку песни (а затем через одну) пели девушки, а парни отвечали им.

«ЛЁН МОЙ, ЛЁН»

-Мы-то лён-то посием, посием,
Ходим ладо посиели, посиели, посиели
(повторяется после каждой строки)

-Мы-то лён вытопчем, вытопчем.

-Чем жо вы-то вытопчете, вытопчете?

-Мы-то коней заведём, заведём.

-Мы-то коней выведём, выведём.

-Чем жо вы-то коней выведёте, выведёте.

-А шолковым поводом, поводом.

-Вам кого же надоти, надоти?

-А нам надо девицу, девицу.

-За кого надобно, надобно?

-А нам надо за парня, за парня.

Девицу называют и подводят к кавалеру.

-У нас в полке убыло, убыло.

-А в нашем полке прибыло, прибыло.

-У нас не пряха была, не ткаха была,

Не умела по берегу ходить,

Решетом воду носить.

-Мы научим прясть,

Мы научим ткать,

Мы научим по берегу ходить,

Решетом воду носить,

И постельки стлать,

И с мужичонком спать.

«ПРЯЛИЦА»

Играющие стоят кругом и поют:

Прялица кокорица моя,

С горя выброшу на улицу тебя,

Стану прясть и попрядывать,

На беседушку поглядывать.

Во беседы нет весельица,

Моя милая не осердится.

Моя мила по дорожке шла,

Черноброва барабан нашла.

Она била, барабанила,

Из-за лесу парня манила,

Из-за лесу, лесу тёмненька,

Из-за садику зелёненька.

Во время песни в кругу парень с девушкой быстро вертятся в одну и другую сторону, потом целуются и уступают место другой паре.

«СТРАШНЫЕ КУЛЯШИ»

К Покрову заканчивали мять лён. От него в каждом дворе целые вороха костры скапливались. Малые ребята тайком её нагребали и в поле гурьбой шли – куляшей закрепивать. Там костру сваливали в копну – «бабкой», поджигали и ждали, когда разгорится. Потом начинали кострицу «лежать» - палками вверх подбивать, чтобы искры летели далеко. И приговаривали: «Куляши на бабках в чёрных шляпках, куляши на бабках в чёрных шляпках! Лён-во-

локно, иди к нам под окно, кострица-жилица иди в другую деревню к девицам!» А как станет костёр затухать, бросали палки на огнище крест-на-крест и бежали во весь дух по домам. Те же, что сзади бежали, друзей-товарищей подзадоривали: «Куляши бежат! Куляши гонятся! Куляши-ти, куляши-ти!» В поле темно, ветер свищет. Молодяшкам и впрямь казалось, будто из огнища куляши в чёрных шляпах повыскакивали и за ребятнёй неслись.

«КАК КИКИМОРА ПРЯСТЬ УЧИЛА»

В пору приближающегося Рождества девушки и парни сговаривались, как бы им избу на всю зиму найти для посиделок. Упросят какую-нибудь одинокую старушку, она и разрешит им собираться в избе за определённую плату или услуги. Наступает вечер, девушки принаряживаются, берут прялки и дут к старушке. Там по лавкам рассядутся, прядут да песенки поют, а сами в окошко поглядывают, ухажоров ждут. Самые нетерпеливые на крылечко выскакивают послушать, не играет ли где гармошка, не идут ли парни. А уж придут гости долгожданные, девушки ещё пуще стараются прясть, хочется им себя показать. Славутницу - работающую да красивую, ребята и в пляску, и в игру первой позовут. Ну да с парнями разве долго проработаешь – разговоры да шутки! А гармошка заиграет – вовсе на месте не усидишь. Покладут девушки

свои прялочки на печку и в пляску пойдут.

Больше всего забот у девушек перед Рождеством, каждая старается допрясть кудель, чтобы к празднику на прялке ничего не осталось, а то придёт Кикимора, да всё испортит – намочит, изорвёт. Кикиморой девушек да недоростков часто стращали. Она со зла натворить много может, но особенно от неё нерадивым прядеюшкам достаётся. Вот, сказывают, раз вернулась девушка с посиделок с куделью недопряженной, весь вечер проиграла да проплясала и с работой не справилась. Поставила прялку на лавку, а сама спать легла. Утром стаёт и видит – вся куделя её испрядена. Да только толсто-толсто, в палец толщиной нитка. Она спрашивает: «Мама, а кто это спрял мою куделью?» А та отвечает: «Не знаю, видно Кикимора тебе помогала!» Ей и стыдно стало, покраснела, а ничего не поделаешь. Такое прядиво никуда

не годится, только, как говорят, Кикиморе на рубаху. Другой раз прясть будет, а не плясать весь вечер.

Потому девочки и стараются побыстрее прясть научиться. По первоначальному делу это не простое: то веретено из пальцев норовит выскочить, то куделя толстыми сосульками вытягивается, то нитка вся в узлах – «кишочиках» - получается. Говорят, у кого нитка будет тонкая и ровная – у того и жизнь будет хорошая, а у кого в кишочиках, то жизнь не заладится, да и муж будет «шадровитый», весь в оспах. Хоть девочки и знают, что это шутка, а как сядут прясть, так то и дело на веретено подружек поглядывают, у кого какая нитка тянется. И беда, если у прядеюшки дело не ладится. От насмешек хоть под лавку полежай, до слёз доведут. Старушка это как увидит, отведёт её в сторону, да на ушко скажет: «Не плачь, детонька, я тебя научу, будешь лучше других прясть. Ты завтра-то по утру пораньше встань, смотай свои ниточки в клубочек, стань

спиной к печке, этот клубочек через левое плечо в устье брось да скажи: «Матушка-печь, научи меня прость, нитки мотать, сновать и ткать». Тогда уж точно дело пойдёт на лад».

А если несколько таких девочек окажется, то ребята поставят ступу, в которой зерно толкут, на середину избы, хоровод вокруг неё заведут. Ступа и пест – это у Кикиморы главное орудие. Она в ступе по ночам грубый холст толчёт: «Туп да туп, скрип да скрип!» Вот и начнут девочки ступу упрямить да умаливать: «Ступа да пест, научи меня прость!» Водят-водят, пока кого-нибудь смех не разберёт – разбегутся по лавкам и ну хохотать!

Особенно достаётся на орехи тем, кто от работы отлынивает или за пряжей задремлет. Тут уж дрёмушке кудель всю намочат да узлами извяжут, а потом ещё долго будут дремуньей поддразнивать. Или посадят её на стул, вокруг ходят «городком»-хороводом да поют:

-Щё сидит-то дрёма,
Да щё на стульцике,
Щё прядёт-то дрёма
Шевковы нитоцки.
Кишоцики росчитывают,
Сокрутики развёртывают.

Тут все дрёме поклон отвешивают:

-Здравствуй, дрёма,
Пойдём к обидни!
-Не во что нарядиши! –
Дрёма им в ответ.
-Пряла да ткала,
Куды щё девала?
-На тын изметала,
А вешние кони
На копытах унесли,

Красные девки
На дары разобрали.
-Ак-ат цем тебя подарить-то?
-А хоть платоцком!

Вот дрёма с кого-нибудь платочек сдёрнет да на себя навесит. Потом опять хороводом идут, пока она со всех платки не соберёт. А под конец станут платки выкупать. Каждая к дрёме подходит да говорит:

-Здравствуй, дрёма, отдай платок!

-А как жениха-то зовут?

Тут кто смелый, чьё-нибудь имя скажет, а кто засмущается, тому дрёма наказание назначает: кого-нибудь поцеловать, сплясать с кем-нибудь или громко в печку крикнуть: «У-ух!»

Вечера зимние долгие, девки пока за прялкой сидят каких только забав не придумывают. Вот одна скажет: «Давайте бабушку выпрядывать!» Тогда её кто-нибудь спрашивает: «Что бабушка делает?» А та отвечает: «Умывается!» - все прядут нить сколько руки хватит. Как закончат, другая

спрашивает: «Что бабушка делает?» - «Богу молится!» - и опять все нить прядут. «Что бабушка делает»: «Стряпать начинает!» И так все бабушкины работы вспомнят: она и корову доит, и хлебы печёт, и избу метёт, и малышей лелькает. Вот, глядишь, половину кудели и спряли.

А то примутся «ягодки прясть». Накрутят нитки кучкой в три-четыре оборота, это «ягодкой» называется. Потом ещё «ягодку» накрутят, и ещё, и ещё, пока всё веретено не станет будто в рёбрышках. Вот подходят с таким веретеном за спиной к подружке и спрашивают: «Отгадай, сколько ягодок у меня?» А не отгадает, получает щелчки в лоб, столько, сколько «ягодок» было.

Иногда расшумятся девочки, стрекочут, как сороки, каждая своё, тогда кто постарше да посерьёзнее крикнет:

-Жа-жамки,
Не казать зубки,
Кто покажет зубки,
Того бить-колотить,
За волосья теребить,
Жам!

И сразу тишина настаёт. Только слышно, как лучинка потрескивает да веретена жужжат. Девочки изо всех сил стараются не засмеяться, и даже словечка не сказать. Да ведь разве удержишься, когда все друг дружку рассмешить хотят: кто щёки надуёт, кто глаза вытаращит, кто нос сморщит. А засмеёшься – пряди подружке три нитки в наказание.

Когда кудели немного на прялочке остаётся, один «охлопок», возьмётся кто-нибудь «мокрушу» делать. Соберёт быстро все охlopочки и наматывает на лучину – будто кисточка получится. А потом нальёт в чашку воды и подходит к первому, спрашивает: «Максим по углу лез?» Надо ответить: «Лез!» - «Максим по углу тряс?» - «Тряс!» - «Максим по углу натряхивал?» - «Натряхивал!»

Никто не знает, кто такой Максим и по какому углу он лез, но отвечать надо да к тому же не улыбнуться, а то получишь удар по лбу кисточкой - «мокрушей», которую девочка обмакивает в воду да постарается так шлёпнуть, чтобы брызги во все стороны летели. Но серьёзным остаться, когда все со смеху с лавок падают, никак нельзя.

За играми и не заметят, что уже давным-давно на дворе темно. Поздно уже, по домам пора, у младших совсем глаза слипаются. Прежде чем домой идти, надо бы добрым людям «походочку показать». Вот переглянутся подружки и заведут:

-Летал, летал воробей,
Летал, летал молодой
Вкруг синя моря,
Вкруг синя моря.
-Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Как и Марья ходит,
Ивановна гуляет?
-Она эдак, вот эдак.
Вот ещё вот эдак!

Тут «Марья Ивановна» должна встать и пройтись по избе, показать свою походку, а тогда уж ей споют:

-Баско ходит, выступает,
Бает, рассыпает!
Баско ходит, выступает,
Бает, рассыпает.

А поупрямится «Марья Ивановна», не захочет свою походку показать, ей чего только не нажелают:

-На глазу бельмо,
На зубах бревно,
Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Сорок кадушек
Солёных лягушек.

Всем придётся свою походку показать, никого не обойдут. А вот конец миру – всей своей честной компании – споют:

-Как и мир-то ходит,
Иванович гуляет?

Сойдутся ребяташки с мест, повернутся и похвалят сами себя:

-Баско ходит, выступает,
Баёт, рассыпает!
Баско ходит, выступает,
Баёт, рассыпает!

Потом поклонятся друг другу и по домам разойдутся.

КОСТИ И ЛОДЫШКИ

Народная игра – яркая, самобытная страница национальной культуры. Игры были связаны с календарными и семейными праздниками и обрядами, с полевыми работами, с основными этапами жизненного пути человека, а когда и просто носившие развлекательный характер.

В процессе изучения удалось восстановить правила игры в кости и лодышки благодаря местным старожилам Фроловского поселения Грязовецкого района, которые охотно делились своими воспоминаниями.

И так, правила игры в кости и лодышки.

1. У каждого игрока должно было быть на начало игры одинаковое количество лодышек.

2. Решали, кто начинает игру. Как удалось выяснить, было три способа:

-несколько лодышек окрашивали в разные цвета карандашами, каждый игрок загадывал определённый цвет, затем лодышки бросали на стол, тот, чья лодышка попала стоячком, и начинал игру;

-если лодышки не были окрашены, то каждый игрок выбирал себе определённую лодыжку (они по внешнему виду все разные), кидали на стол, тот, чья лодыжка падала стоячком, и начинал игру;

-если играли двое, то брали лодыжку, и каждый выкрикивал. Что он загадывает горбок или ямку. Затем лодыжку бросали, и в зависимости от того, как она падает и что выпало, тот начинал игру.

3. Кости брали в пригоршню, если их было много. То складывали на руки до самых локтей и с размаху раскидывали на стол или на пол.

4. Выбирали лодыжки упавшие одинаково: стоячок – стоячок, горбышка – горбышка, ямка – ямка. Тот, кто начинал игру, собирал все лодышки, выпавшие стоячком, и продолжал игру. Если при стрекани в одинаковые кости вновь появлялся стоячок, то игрок забирал себе не только выбитую лодыжку, но и стоячок.

5. Если при выбивании одной лодыжки игрок попадал в две одинаково лежащие, то забирал себе не две лодыжки, а три.

6. Ни в коем случае нельзя было даже случайно (пальцами рук или рукавом одежды) задеть лодыжку на игровом поле. В этом случае лодыжки собирались и раскидывались снова, в игру вступал следующий, ход переходил и в том случае, если при стрекани игрок не попадал в лодыжку, либо при выбивании двух лодышек задевал третью.

7. Если при выкидывании лодышек одна из них падала на пол, то игрок должен был наклонить голову и сбросить упавшую лодыжку с головы на игровое поле.

8. Если при выкидывании лодыжек кости ложились кучно, то брали одну из лодыжек и с головы бросали в кучу лежащие лодыжки, чтобы разобрать их.

9. Если последние лодыжки в игре находились близко друг от друга и были разными, чтобы их выбить и закончить игру из выигранных лодыжек, игрок брал кость, ставил её на кулак и выбивал оставшиеся лодыжки. Ставил горбком, если оставался горбок, если ямка, то ямкой, если стоячок, то стоячком. Если игрок ошибался, то ход переходил другому игроку.

10. Выигрывал тот, кто больше наберёт костей

11. Игроки, которые не набрали той нормы,

которая была оговорена в начале игры, получали щелчки в лоб.

12. Играли не только на щелчки, но и на желания (спеть песню, прокукарекать и т.д.).

Игра в кости была любима, в неё играли с удовольствием. Правила Иры складывались и проверялись многими поколениями, и это очень мудрые правила, поэтому изменять их, усложнять, облегчать не следует, чтобы не потерять секрета и увлекательности игры. Игру в лодыжки местные жители называли ещё игрой в сачки (иное название лодыжек). Играли разные категории: дети, молодежь, взрослые. Играли либо семьёй, либо заранее договаривались, у кого будут играть. Кости копили годами, передавали их по наследству, берегли. Количество игроков было неограниченно.

Н. МАСЛОВА

Частушки

Поиграйте, поиграйте,
Хорошо играете.
Мы - девчоночки из Вологды,
Наверно, знаете.

Мы красивы и счастливы,
Вологодски девушки.
А по Вологде идём,
Звонко песенки поём.

Кудри вьются, кудри вьются,
Завиваются до глаз.
Мы - весёлые девчата,
Вологжане любят нас.

Дорогая моя Валя,
Валя из-под Вологды,
Давай, Валя, погуляем,
Пока оба молоды.

Город Вологда красивый,
Красит Вологду вокзал.
Я ни с кем гулять не буду,
Строго милый наказал.

Город Вологда — не город,
Золотуха — не река.
Если ты меня не любишь,
То валяешь дурака.

Вологодский я парнишка -
Очень сильно окаю...
Не сходить ли мне к Иришке
Ноченькой глубокою.

Вологжанки хороши.
Юбочки до талии.
А коленки - свет туши!
Не говоря уж далее.

Мэр по Вологде проехал,
Много грязи увидал.
На себя он рассердился
И в отставку сам подал.

Люди дома работают,
Мы за Вологдой живём.
От нас денег дожидают -
Мы в опорочках придём.

На «Подшипнике» - гудок.
Отворю окошко,
Не охота на работу –
Полежу немножко.

Вологодские ребята
Воры и грабители.
Ехал дедушка с навозом,
И того обидели.

Я пойду и погляжу,
Девчонка из-за бойкости,
Из колхоза из «Авроры»
Вологодской области.

Не ленивы, молоды...
Без зарплаты,
А айда всей Вологдой
В депутаты!

Если курица - не птица,
Золотуха - не река,
То не буду и жениться
Этак лет до сорока.

Прочь, бабуся, из рекламы,
Не хвали мазню из «Рамы»,
Видно, бабка не того...
Шла бы ты в Кувшиново.

Я Осаново не хаю
И Можайско не хвалю.
Я нашла себе залёточку
На самом на краю.

Нам, конечно, не охота,
Чтоб настал момент такой:
Всей толпой по Пошехонке
Отправляться на покой!

Город Вологда на «о»,
Дроля Дарья окает.
Она на «о» да я на «о»,
И нам не надо ничего.

Голубочек на лету
Спасается от холоду.
Дролю ранили в Германии,
Везут на Вологду.

Вологодская девчонка,
Вологодский разговор.
Ну кому какое дело -
Ленинградский ухажёр.

Вологодские приехали
На лампочки глядят.
Мы приехали подраться,
Из наганов пострелять.

Рекрута вы, рекрута,
Вам дороженька куда?
Нам дорожка бережком,
Идти до Вологды пешком.

Всех ребят перелюбила,
Одному платок дала.
Сколько в город раз ходила,
Три раз в Кубенском была.

Дорогой, куда поехал?
Дорогая, в Вологду.
Дорогой, не простудись
От такого холоду.

Ягодиночка моя
В Вологде студентом.
Хорошо поговорить
С таким интеллигентом.

Далеко уехал дроля,
Далеко за Вологду.
Написала бы записку,
Да не знаю городу.

Из тюремного окошка
Погляжу на Вологду.
Принеси, милашка, хлеба -
Помираю с голоду.

Вологодская дорога
Много силушки взяла:
Богачей всех наградила,
Бедняков обидела.

Эх, Вологда-река,
Берега отлогие.
Там девчонки хороши,
А парни кривоногие.

Не глядите на меня -
Глядите на ботиночки.
Это дроля мне купил
В Вологде, на рыночке.

Задушевная, тебе
Это надо забывать,
Мати в Вологду уедет,
Ходит милый ночевать.

В центре Вологды построено
Дворянское гнездо.
Одного только не знаю,
Есть ли бункер и метро?

Мэру Вологды мы пишем:
В кабинете не сиди,
По дворам гуляй почаще
И порядок наводи.

Я пойду на речку Вологду,
Упаду на само дно.
Милке жалко ненаглядного,
Расставаться всё равно.

Милый в Вологде живёт,
Орехи-пряники жуёт.
Конфетами питается,
За барыням гоняется.

На Соборной на горе
Уголёчек тает.
Полюбила техника -
Практика мешает.

Говорила я подружке,
Говорила от души:
У Николы-то на Лумбе
Есть три брата хороши.

А Нефёдове деревня,
Чем она обставлена?
Пеньями, колодами,
Девками уродами.

Мы нефёдовски девчонки,
Мы нигде не пропадём.
Мы озёра переехали
И реки перейдём.

Ночки тёмные, осенние,
Фонарики горят.
Глазки серые, весёлые
В Нефёдово манят.

По Петровской по деревне
Бродят наши пареньки.
Возьми, миленький, гармошку
Золотые ручейки.

Выйду на гору крутую,
Погляжу по сторонам.
Деревня Янгосарь на славу,
У меня залётка там!

Нам Филипповска деревня
Любо-налюбо-люба.
Нам в Филипповской деревне
Жить не выпала судьба.

Что Филипповски ребята?
Очень гордоватые:
Наденут белые рубахи -
Думают богатые.

Белозерск наш — город древний,
Даже старше, чем Москва.
Теплоходы у нас ходят,
Жаль, не ходят поезда.

В Белозерском нашем крае
Можно жить и не тужить:
Собирать грибы, волнушки,
Рыбу про запас сушить.

Посредине Белозерска
Вал высокий земляной.
Это предки нам вручили
Свой подарок вековой.

Белоозеро широко,
А на отмелях песок.
Судака порою ловим,
А весною и снеток.

Хорошо игрок играет,
С Шолги ли откудова?
Далеко ли эта ягода
Живет отсюдова?

Индомана — люди злые,
Жизнь веселую ведут,
Попади бутылка в руку -
Так и горло оторвут.

Ягодиночка, у Белого
У озера сидим.
Ягодиночка, про прежнюю
Любовь не говорим.

Встань, подруженька, поране,
Бело озеро в тумане.
Чайка вьётся над водой,
Мил смеётся надо мной.

Бело озеро в тумане,
Чайка вьётся над водой.
По глазам девчонку вижу,
Что смеётся надо мной.

Белозерские ребята,
Что вы не гуляете?
Двадцать пятого набор -
Разве вы не знаете?

Белозерски девки мелки,
Мелки, как горошинки.
Потому ребята любят -
На лицо хорошеньки.

Злятся-косятся
Магеевцы на нас.
У нас ножички наточены,
Мы перережем вас!

В Подболотье в основном
Женщины - толстушки.
Приезжайте в гости к нам,
Мы споём частушки.

В Подболотье перестройка
Потихонечку идёт.
Чук на тракторе буксует,
Гек солярку продаёт.

Я с Великого болота
Клюкву-ягоду ношу.
Без штанов лучше останусь,
А газетку выпишу.

На бабаевском базаре
Кто-то стибрил колбасу.
И записочку оставил:
Завтра деньги принесу.

С Петербурга до Бабаева
Я глаз не осушил.
По тебе, моя хорошая,
Всё плакал и тужил.

Верховажье, Верховажье,
Верховажье на горе.
В Верховажье жить неважно -
Всё ребята на уме.

Задумчивая подруга,
За Верховьем всё туман.
Там весела деревенька
И весёлый дряля там.

Подходила к Ваге-речке,
Всё хотела утонуть.
Не нашла себе местечка -
Скука сушит белу грудь.

Мы с милёночком расстались
На Ваге на реке.
Дал четыре карамелинки -
Расстаяли в руке.

Мимо нашего двора
Течёт Вага, бьёт волна.
Поздно, миленький, хватился
Уговаривать меня.

В Верховажских деревнях
По окошкам цветики.
Деревенские девчонки –
Чистые портретики.

А за Вагой огоньки,
Огонёчки светленьки.
Долго, долго не видать
Дорогого Петеньки.

Щеголятки – девки гладки
Приманили всех ребят,
Чушевицкие-то девки
Проворонили опять.

Как по Ваге по реке
Плывёт корова в бураке,
Рукава бумажные,
У нас дела неважные.

Миленький ломается,
У Ваги дожидается.
Уважу серого кота,
Тебя, милёнок, никогда.

Верховажские ребята
Ходят надушонные,
В кино билеты покупают
Самые дешёвые.

Наша Вожега – не город,
Небольшой посёлок.
Хоть и худенький, но есть
В Вожеге милёночек.

Вожегодские ребята,
Приходите к нам гулять.
Мы вас встретим и проводим,
Чем ворота припирать.

Вожегодские девчата
На подножках ехали.
Берегите мужиков,
Отбивать приехали.

Скоро в армию поеду
Через Тавенгу реку.
Поставьте, девушки, на память
Ёлочку на берегу.

Наша Вожега-река
С большими поворотами.
Я сударушку жалею
Только за воротами.

Я иду, иду, иду..
Всё кусты, кусты, кусты.
Наша Тигино-деревня
Лучше города Москвы.

Вожегодские девчонки,
Мы нигде не пропадём.
Мы до Вологды доедем,
Кавалеров там найдём!

Мой милёночек из Липкина,
Из дальних деревень.
За одиннадцать километров
Ходить было не лень.

Из Козлова-то идти -
Всё кочи да ямки.
Там ребята дураки,
А девки - обезьянки.

Полюбила далеко,
Деревенюшка Залесная.
Редкое свиданьице,
Любовь-то интересная.

Ты играй, играй, гармошка,
На сажень раздуйся мех.
Вытегорские ребята
На гулянье лучше всех!

Скоро, скоро я поеду
Специально в Вытегру
И последнее волосье
Супостатке выдеру!

Я сегодня не парадна,
Юбочка не крашена.
Я не жду и не придёт
Залёточка из Кашина.

Широка река Комёла,
Посреди реки застой.
Меня дома-то ругают:
Долго с миленьким не стой!

Подойду к реке Комёле,
Стану на коленочки:
Ты скажи, скажи, Комёла,
Что мне делать, девочке?

Вы, рослятински ребята,
Будьте в том уверены:
Постоять-то постоим,
Гулят-то не намерены.

Дуйте, дуйте, ветерочки,
Дуйте из-за острова.
Выдувайте, ветерочки,
Дролечку из Плоскова.

Дуйте, дуйте, ветерочки,
Дуйте ветериночки.
Выдувайте ветерочки
Дролю из Новиночки.

Уж запели петушки,
Заклохтали курочки.
Не пора ли нам домой,
Слободские дурочки.

Во Анохино ходите,
Повидайте жителя.
На гуляночке не стало
Дроли-уважителя.

На болоте много сосен,
До одной коротеньки.
В Городишне много девок,
До одной хорошеньки!

Как на Юге на реке
Плыла корова в армяке,
Рукава бумажные -
У нас ребята важные.

Мой милёнок уезжает -
Я глазами повела.
Не доехал он до Кадуя -
Я другого завела.

Я сидела в терему,
Чесала гребнем голову.
Плела косыночку до пят
Всё для андомских ребят.

К Кузнецову мы подходим,
Телеграмму отдаём:
Убирайте старых девок,
Мы молоденьких ведём.

Провожала друга милова
Вплоть до города Кириллова,
До канавы белозерские,
Хороши ребята сельские.

До Шевдениц — с кудёрышкам,
Обратно - без кудрей,
Мои русые кудёрышки
Остались у дверей.

Как на Талицы идти,
В гору надо лезти.
А как нашенских любить -
Много будет чести.

На Маурине-горе
По три девки на дворе,
Под деревней снег и лёд -
Никто замуж не берёт.

Ферапонтовская школочка
Стоит на горочке.
Девки маленькие, да бойкие
У всех по дрочке.

Мы никольские бабёнки,
Мы нигде не пропадём.
Кто мужей наших полюбит,
Всё равно мы отобьём!

Кукареку, петушок,
Среди болота.
К нам дуниловцы идут,
Открывай ворота.

Надоела нам, ребятушки,
Чужая сторона.
Нам приелся хлеб никольский,
Припилась в Югу вода.

Как никольская дорожка
Вся усыпана песком.
Повезут дружка в солдаты,
Я поплачу голоском.

Я тогда тебя забуду,
Когда рыбка запищит.
Когда Юг-река иссохнет,
Ручеёк не побежит.

Я пойду и попляшу,
Девчонка из-за бойкости.
Сокольского района
Вологодской области.

Провели приватизацию -
Производство встало...
Кирпичи везём из Сокола,
Трусы - из Дагестана!

Парков в Кадникове много,
Есть и императорский.
Приходи-ка ты, милёнок,
В сад наш Александровский.

Милый в Сухоне тонул,
Два разочка вынырнул.
Золотое он колечко
На поминок выкинул.

Из-за Сухоны люблю,
Кому какое дело-то.
На своём на берегу
Трепаться надоело-то.

Допризывники гуляют,
Допризывникам почёт,
Допризывники уедут,
Куда Сухона течёт.

Скоро, скоро я уеду
Через Сухону-реку.
Срублю дрочке на память
Ёлочку на берегу.

Сколько ворон ни кружился,
Сел на Сухону, на лёд.
Сколько дроля ни крутился,
Всё уважил наперёд.

Я за Сухону-реку
Железный мост желала бы:
Ни погода, ни мороз
Милого не держали бы.

Я тогда тебя забуду
И скажу, что мне не жаль,
Когда в Сухоне широкой
Потечёт водица вдаль.

Проводила милого
До самого до Билина.
Кепку снял и поклонился:
До свиданья, милая!

Наша Сухона-река
Широка и глубока.
С подругой выставим окошко
Мы для Миши-игрока.

Сельсоветом Сундогским
Как мне не гордиться?
Мне ведь здесь, товарищи,
Довелось родиться.

Воробьёво-то деревнюшку
Украсили сады.
Теперь Шура Богаченочек
Не придёт уж никогда.

Я на Сухоне-реке
Наклонилась, напилась.
Эту дролину тельняшечку
Насилу дождалась.

Не ходите, девки, замуж
За немилого дружка.
Лучше в Сухону свалиться
Со крутого бережка.

Скоро, скоро снег растает,
Скоро новый нападёт.
Наша Сухона застынет,
И по ней пойдёт народ.

Эх-на, эх-на,
Полюбила Тихона.
Полюбила Тихона
С реки Сухона.

Сухона-река,
Тихое течение,
Игроку за беспокойство
Килограмм печения.

Мне не кашивать, не кашивать
На Сухоне-реке.
Мне не нашивать, не нашивать
Колечка на руке.

Устье Кубенско село,
Чем оно украшено?
Флагами, плакатами
Да девками богатыми.

Бережновские ребята -
Первые по волости.
Не спою я про них песен -
Не хватает совести.

Пароход идёт по Устье
Белый, как снежиночка.
А на этом пароходе
Служит ягодиночка.

Река Кубена течёт
Куда-то всё торопится.
С дролей кончилась любовь,
Назад уж не воротится.

День района! Праздник лодки,
Манит Кубена-река.
Праздник лодки, праздник лодки!
Завтра праздник рыбака.

Не пойду я в Сокол замуж:
Сторона немилая.
Хоть уж в Устье за последнего
Отдавай, родимая.

Где Ивановска деревня,
Где низина, где река?
Давай, парень, погуляем,
Теперь самая пора.

Как по Кубене-реке
Ехал милый в дойнике,
Поварёнкой правился,
Всем девицам нравился.

Что устьянские девчата,
Что они проводят?
По болоту целиной
Без дороги ходят.

Что из Тарноги ребята -
Любо, любо, любота.
Рубашки белые наденут
И кривые ворота.

Сизокрылый голубок,
Слетай в Тарног-Городок,
Сядь в сосновеньком лесу,
Разгони мою тоску!

К Спасу дальняя дороженька
Была провешена:
Там любовь была назначена,
А теперь порешена.

Шевденицкая дороженька
Слезам улита:
По шевденицкой дороженьке
Катились некрута.

Шевденицки девки - крали,
И робята — короли.
Маркушевски девки - бочки,
И робята - пузыри.

Не пойду за Лохту замуж:
Сторона не милая.
За последнего на Шебеньгу
Отдай, родимая.

Я иду, я иду
Вниз по Севериночке.
Не приеду, не приеду -
Скажите ягодиночке.

Закатилось красно солнышко
За Тарногой-рекой.
Заболело моё сердце,
Захотелось домой.

Как во Тотьме, на соборе,
Золоты кресты горят.
У молоденьких некрутиков
Сердечика болят.

Почему Петруша Первый
Тотьму тёмною назвал?
Он за двести лет предвидел
Перестроечный развал.

Что вас, девки, только две,
Ну, а третья у вас где?
У нас третья-то пропала,
В саму Тотьму жить попала.

Давно в Тотьме не бывала,
Ныне нагляделася.
У приёмных у дверей
Вволю насиделася.

Мы в Устюге живём,
Где Сухона кончается,
А как песни запоём -
Берёзы закачаются.

Задумевная, мы будем
Ребят устюгских любить,
На готовые билеты
Мы в кино будем ходить.

Устюг город сердцу дорог
И краса его мила,
Я на кудрях тракториста
Там три месяца жила.

Меня маменька ругала,
Не ругать, а надо бить,
Я из Устюга, девчоночка,
Трепача стала любить.

Говорят про девушку:
В Великий Устюг бегаю,
Если б не было дружка,
Не побежала бы туда.

Деревенскую гуляночку
Забросил дорогой,
Нажил в Устюге кухарочку
И не идёт домой.

Моему милому надо,
Чтобы в Устюге жила.
С редикюльчиком ходила,
Говорила бы на «а».

Я иду, меня спросили:
Ты откуда, паренёк?
Я из Устюга, с Рабочей,
Марьи Павловны сынок.

Кто задумает жениться,
Тот и в Устюг поезжай,
Город Устюг хоть и маленький
На девок урожай.

Не забуду город Устюг
И залётных ёлочек.
В этом городе красивом
Встретился милёночек.

Полюбила бы Лужкова,
С ним гуляла б день и ночь.
Только пусть пообещает
Устюжаночкам помочь.

Губернатору Лужков
Задал сто очков.
Прописал Деда Мороза
В Ломоватский леспромхоз.

Ах, красив Великий Устюг,
В нём родился Дед Мороз.
Добрый Дедушка Мороз
Славу городу принёс.

Нынче мэра выбирали,
Думали-гадали.
Что же Дедушку Мороза
Мэром не избрали?

Всем наш Дед Мороз хорош,
Он дедок нормальный.
А приезжая сказала:
Очень сексуальный.

Дед Мороз, тебя мы просим,
Мужиков-то попугай,
Чтобы в скорости начался
На детишек урожай.

На ледовом на мосту
Случилась авария:
Дед Мороз всех заморозил -
Я одна оттаяла.

Про Мороза басен много -
Знаю песенку одну,
Целовалась на морозе -
Отморозила губу.

Дед Мороз сидит на ёлке,
А под ёлкою лиса.
Подари, Мороз, конфетку -
Покажу я чудеса.

Дед Мороз пришёл на ферму,
Притаился в уголке.
Захотелось Морозу
Покупаться в молоке.

Не жалея, Великий Устюг,
Ни асфальта, ни травы.
Пой под русскую гармошку -
Пусть услышат из Москвы.

Поиграйте, поиграйте,
Хорошо играете,
Мы ведь в Устюге живём -
Всех, наверно, знаете.

Нам по-устюгски сыграют,
Мы по-устюгски споём.
Устюжаночки-девчоночки -
Нигде не пропадём.

Как из Устюга в Красавино
Дороженька дугой,
Нарядился ягодиночка
В рубашке вышитой.

То ли я не сатана,
То ли не сотонка.
Из Красавина бежала,
Прыгала котомка.

В глубине столетий корни -
Тут не надо лишних слов:
Среди наших предков славных
И Дежнёв, и Хабаров.

Все ребята твёрдо знают,
Что в течение веков
Будет вами горд и славен
Устюг - город речников.

Милый в Устюге живёт,
По мосточкам ходит,
Уважительней меня,
Лучше не находит.

Город Устюг, город Устюг,
Поподвинься ближе к нам,
У меня и у подруги -
У обоих дроли там.

Город Устюг, город Устюг,
Устюгски поляночки,
Мы поедем в город Устюг
Разводить гуляночки.

Дайте Устюг, дайте Устюг,
Дайте устюгский горком.
Дайте милка к телефону,
Секретарь горкома он.

Задуманная подруженька,
Над Устюгом туман,
Здесь не весело гуляю,
Потому что дроля там.

Как засватали меня
Во гору, в село Борки.
У меня жених богатый -
Крепдешиновы портки.

Пароходики, идите,
По Двине ломайте лёд.
Дайте мне повеселиться,
Может быть, последний год.

Мы гуляли понарошку
На двинском на берегу.
Седни я твою Парашку
На сарай уволоку.

Скоро я от вас уеду
Вдаль по Северной Двине.
С кем хорошенький гуляет,
Опиши, подруга, мне.

Как пойдёт река Двина,
Стану я на льдиночку.
Потону, пойду ко дну,
Забуду ягодиночку.

Мы с товарищем работали
На Северной Двине.
Ничего не присчиталось
Ни товарищу, ни мне.

Наша Сухона река
Широка и глубока.
С подругой выставим окошечко
Для Бори-игрока.

Ах, Опока, ты Опока -
Не широка, не глубока,
Золотое твоё дно
Любит крепкое вино.

Ёлочки-сосёночки
Зелёные, колючие.
Из Орлова женишки
Весёлые, певучие.

Мы орловские ребята
Лёгкое названьице.
Разрешите разогнать
Весёлое гуляньице.

Орловские ребята
У реки родились.
Мы опять идём туда,
Где на нас сердились.

Во посёлке Кузине
Нас девчата сглазили.
Если бы не сглазили,
Мы бы с них не слазили.

А у нас на берегу
Плавают утята.
До чего же хороши
Дымковски ребята.

Сусоловка, Сусоловка,
Маленький посёлок.
Неужели не найдётся
Для меня милёночек.

Как и Луза-то река,
Река не очень широка.
Девки ставили скамеечку
Для Коли-игрока.

Пароход идёт по Лузе,
Окна зеленеются.
Только дурочки одни
На дролечек надеются.

Пароход идёт по Лузе,
Я стою на льдиночке.
Вот и кончилась любовь -
Скажите ягодиночке.

У реки, реки у Лузы
Заливные берега.
Не кончается веселье,
Сенокос идёт пока.

А по Лузе идёт слух:
Дед Андрей любит старух.
Тётю Машу, тётю Дашу
И ещё каких-то двух.

В Первомайском, за рекой,
Есть большое полюшко.
Коля Машин заиграет -
Разнесёт всё горюшко.

А как Палемская школа -
Двухэтажно здание.
А иду я не учиться,
Иду на свидание.

Палемшана, палемшана,
Палемшана - бой народ.
Все работают на поле,
Только Веня водку пьёт.

Эти полдарски ребята,
Ну никак не пропадут -
Где картошки накопают,
Где сметаны украдут.

Шемогодцы жили в яме,
А тепере на горе.
Раньше я его не знала,
А тепере на уме.

А покровские девахи -
Настоящие неряхи:
В избах сор не убирают,
Через год бельё стирают.

Как ильинские девицы
Вышивать не мастерицы.
Ихня пряжа на мешки,
К ним не едут женишки.

Отчего ты загрустила,
Голову повесила?
Приезжай-ка на Новатор,
Сразу будет весело.

Мой милёнок далеко,
Он далёко, вдалеке.
Он в Великом Устюге,
На Сухоне реке.

Устюженские девчоночки!
Чево? Чево? Чево?
Боевые, озорные,
Развитые до чего!

Устюженские девчонки,
Нигде не пропадем:
На гулянке погуляем,
На работе позевнем.

Широка река Молога -
Середина быстрая.
Уважительный милёнок,
Только я капризная.

Я на Моле-то косила
Траву багулушку.
Мне ищё узнать охота
У милого думушку.

Ты Молога, ты Молога,
Два крутые бережка.
По тебе, река Молога,
Два уехали дружка.

За реку-то бы за Ижину,
Не надо бы ходить,
За рекой-то бы за Ижиной
Не надо бы любить.

Говорила голосу:
Раздайся, голос, по лесу.
Ты раздайся, голосок,
На устюженский на лесок.

По-устюженски мы сыграем,
По-устюженски мы споём.
Кто ребят наших полюбит,
Всё равно мы отобьём.

Ничего, что я из Харовска,
И брюхо на боку.
На боку, не на боку,
Любого парня завлеку.

Задуманная, на станции
Гудели поезда.
В Харовску уехал дролечка,
Наверно, навсегда.

Во Тимонику заходим,
Гармониста я прошу:
«У Белова под окошком
Ты сыграй, а я спою».

У соседа в огороде
Сирень рано расцвела,
Как хотелось бы Белову,
Чтоб Тимониха жила.

По Тимонихе пройдем
Постучим, побрякаем.
На скамейке посидим,
О жизни покалякаем.

Чагодощенски ребята
Очень фарсоватые:
Сшили новые фуфайки -
Думают, богатые.

От Череповца до Вологды
Дороженька одна.
Много горюшка наделала
Германская война.

От Кириллова к Череповцу
Дорога широка.
Вы гуляйте, девки-матушки,
Годов до сорока.

Абакановска деревня,
Чем она украшена?
Плакатами, картинками,
Девками-блондинками.

Двадцать пятого апреля
Льдиночка растаяла.
В Воскресенском я училась,
Дролечку оставила.

Воскресенски кавалеры
Носят брюки в трубочку.
Но и мы не подкачаем -
Сошьём с метра юбочку.

Ой-ой, ой-ой,
Как далёко дорогой,
Четыре поля да поскотина,
Да Улома с водой.

Речка Улома бежит,
Куда она торопится?
С милым кончена любовь,
Обратно не воротится.

Речка Улома широка,
Бережки крутые врозь.
Ты иди, люби хорошую,
Меня, худую, брось.

На Шексне-то ныне волны
Сильно раскачались.
Дорогая знает, я не знаю,
От чего расстались.

За Шексною огоньки,
Огонёчки красненьки.

Три недели не видала
Догорого Васеньки.

Наша улица широка,
Шире, чем шекснинский порт.
Мы ребята не плохие,
Браво, браво - первый сорт.

Ты не думай, черноглазый,
У меня ты не один.
Есть и в Чуромском, и в Чаромском
И в Сизьме не один.

Ох, заносливы, форсисты
Наши чаромски девицы.
Неумои и неряхи
Сиземские-то девахи.

К нам сизмяна-то идут,
Они играют и поют.
К Еремееву подходят -
Петь-играть перестают.

В это воскресеньице
Вышло объявленьице -
На двадцатое число -
В Шуйское, в правленьице.

На Брусенке рыбы много,
Надо всю переловить.
На Хохлове девок много,
Надо всех перелюбить.

Пароход идёт «Некрасов»
Из-за шуйского мыса.
Милый в беленькой рубашечке
Стоит у колеса.

Междуреченску дорогу
Обкидаю елками...
Колет, колет моё сердце,
Колет, как иголками.

АНЕКДОТЫ

ДЕЛУ
ВРЕМЯ

ПОТЯХЕ
ЧАС

* * *

Прочитал в газете, что в Вологодской области не хотят и не умеют работать. Это глупо неправильное мнение. Правильно сказать так: на Вологодчине и хотят, и умеют... не работать.

* * *

31 декабря. Россия. Вологодская область. Глухая деревня Борки. Обыкновенная среднестатистическая семья, замученная финансовым кризисом, готовится к встрече Нового года. Дети наряжают ёлку, мать хлопочет на кухне. Отец снимает со стены ружьё, выходит на крыльцо и пару раз стреляет в воздух. Затем заходит в дом и громко объявляет:

- Дети, я только что застрелил Деда Мороза. Подарков не будет.

* * *

На почту пришло письмо. Работницы читают: «Деду Морозу». Открыли, а там написано: «Дедушка Мороз! Пишет тебе Вася Пупкин. Я живу на Севере, в Вологодской области. У нас зима, Новый год, а я на улице выйти не могу, потому что у меня нет тёплой шубки, рукавичек, шапочки и валенок. Дедушка, пришли мне, пожалуйста, шубку, рукавички, шапочку и валенки».

Работницы почты прослезились, собрали, кто что мог, но на варежки не хватило. Решили отправить посылку без варежек. Через некоторое время снова приходит письмо Деду Морозу: «Спасибо, Дедушка, за подарок! Но варежки мне не дошли, наверное, их на почте вытащили...»

* * *

Мальчик-извращенец прочитал Деду Морозу с табуретки всего Пастернака!

Рыбак на Кубинском озере спрашивает другого рыбака, давно сидящего с удочкой:

- Ну как сегодня вода?

- Изумительная! Рыба вообще не хочет из неё вылезать.

* * *

Рыбак с череповецкого водохранилища делится опытом с другим рыбаком, как избавиться от комаров во время рыбалки:

-Хорошо натришь добрым вином и затем посыпь себя мелким песком. Комары сядут, напьются вина и станут бросаться камнями друг в друга.

* * *

Из дневника дамы, путешествующей на корабле по Волго-Балту. «Понедельник. Проходя мимо меня, капитан ласково мне улыбнулся. Вторник. Утром капитан пригласил меня на капитанский мостик. Среда. Сегодня капитан сделал мне неприличное предложение. Четверг. Капитан грозит, что потопит корабль, если я не уступлю его домогательствам. Пятница. Как я счастлива! Этой ночью мне удалось спасти от верной гибели 400 пассажиров...»

* * *

Тонет судно на Волго-Балте. Капитан просит всех пассажиров перебраться в шлюпки, но те боятся спрыгнуть с борта. Тогда капитан подходит к каждому пассажиру, что-то им говорит и все быстро прыгают в шлюпки. Капитан и старпом последними садятся в шлюпку. Старпом спрашивает:

-Капитан, что вы им такого сказали, что все вас послушались?

-К каждому свой подход. Немцам я сказал, что это приказ. Американцам сказал, что это патриотично. Японцам сказал, что это повышает потенцию. А русским сказал, что это запрещено.

* * *

Врач в кувшиновской психбольнице загадывает кроссворд:

-Так... Остров, на котором родился Наполеон...

Обращается к пациенту:

-Слышь, придурок, где ты родился?

* * *

Экзаменуют кандидата на пост помощника директора торгового центра «Мармелад».

-Представьте себе, что вы едете в двухместной машине и видите на шоссе троих человек, которые просят подвезти: это ваш шеф, пожилая дама и хорошенькая девушка. Кому вы отдадите предпочтение?

-Я выйду из машины, отдам ключи шефу, чтобы он доставил пожилую даму по назначению, а сам останусь с девушкой.

* * *

Залив Кубенского озера. Молодой человек признаётся в любви своей девушке, а потом говорит:

-Конечно, мне не нравятся слишком доступные девушки, но не забывай, дорогая, что лодку я взял напрокат только на один час.

* * *

Сидят два рыбака на берегу Северной Двины. Один вытаскивает русалку, долго смотрит на неё. Потом отпускает.

-Но почему?

-Но как?

* * *

Юноша с девушкой сидят на лавочке в парке ВРЗ, близ Соборной горки. Девушка настроена игриво:

-Ой, у меня щёчка болит!

Юноша целует её в щёчку.

-Теперь не болит?

-Нет. Ой, у меня шейка болит.

Юноша чокает её в шейку.

-Как теперь?

-Не болит.

Сидевший на лавочке пенсионер вдруг спрашивает:

-Молодой человек, а вы случайно гемморой не лечите?

* * *

Мать абитуриентки педагогического университета говорит репетитору:

-Послушайте, я вам плачу деньги за уроки французского моей дочери, а не за поцелуи!

-Абсолютно верно! Я делаю это совершенно бесплатно.

* * *

Глава фермерского хозяйства из Харовского района Вениамин Кузькин набросился на дочь, которая поздно вернулась домой:

-Ты была одна?

-О-д-д-на...

-С кем была одна?

* * *

Пытаясь справиться с банкоматом в холле гостиницы «Спасская», молодой человек так увлёкся, что нечаянно задел локтем грудь симпатичной девушки, проходившей мимо.

-Я приношу самые глубокие извинения, - говорит молодой человек, - но если ваше сердце такое же мягкое, как ваша грудь, то вы меня, наверное, простите.

-Я вас прощаю, - отвечает она с улыбкой, - но если всё остальное у вас такое же твёрдое, как ваш локоть. То я живу в 313 номере.

* * *

Встречаются в вологодском баре два товарища.

-Почему у тебя такой озабоченный вид? Есть проблемы?

-Да. Вчера мы крепко выпили в одной компании. После вечеринки я отвёл Васю домой и так тихо уложил в постель, что его жена даже не проснулась!

-Ну что же, это очень мило с твоей стороны.

-Вроде да, но сегодня узнаю, что Вася ещё позавчера уехал в командировку в Череповец.

* * *

Узники острова «Огненный», приговорённые к пожизненному заключению, обсуждают проблемы супружества:

-Ты женат?

-Нет, я предпочитал свободу.

* * *

-Милый городок Кадников. А население тут быстро растёт?

-Вообще не растёт! Как только рождается ребёнок, один мужчина убегает из города.

* * *

-Ваша статья о женщине, которая потерялась в лесу и ничего не ела сорок дней, вызвала необычайный интерес у читателей «Красного Севера.

-Неужели?

-Мы получили около сотни запросов от холостых мужчин, мечтающих жениться на ней.

* * *

-Чем отличается газета «Красный Север» от мини юбки?

-«Красный Север» большой по формату, но несёт мало информации, а мини юбка мала по формату, но несёт много информации.

* * *

В редакции «Красного Севера» раздаётся звонок:

-У вас можно дать объявление о том, что у меня пропал пёс?

-Можно. Какие у него приметы?

-Средней величины, серой масти, если позвать: «Иди ко мне, Барс!», а он не идёт, значит, это мой пёс.

* * *

В вологодском аэропорту приземлился самолёт рейсом Никольск-Вологда. Пассажиры сходят с трапа. У одного сваливаются штаны. Он их подхватывает и возмущается:

-Замучили стюардессы: то застегни ремни, то расстегни ремни...

* * *

Череповчанка Эмма после смерти мужа установила на могиле памятник с надписью: «Покойся в мире». Вскоре было обнаружено завещание и выяснилось, что вдова не названа в числе наследников. Тогда она велела дополнить надпись на памятнике словами: «Пока я не пришла».

* * *

На вологодской птицефабрике зазвенел телефон:

-Скажите, вы кормите птицу?

-А почему вас это интересует?

-Я хотела бы так же похудеть.

* * *

Разговаривают два приятеля-сокольчанина.

-Ты знаешь, как тяжело потерять жену?!

-Практически невозможно...

* * *

Иван Иванович, артист Вологодской филармонии, простудился. А под вечер у него пропал голос. Он решил не ждать утра и пойти к знакомому врачу прямо домой. Поднявшись на второй этаж, позвонил. Открыла жена врача.

-Муж дома? – еле слышно прошептал

Иван Иванович и даже зажмурился от боли.

-Нет, - прошептала в ответ жена врача, - заходи скорее, пока соседи не увидели.

* * *

-Директор череповецкой спичечной фабрики получил награду.

-За что?

-Диверсанты пытались поджечь цистерну с бензином на военном аэродроме, пользуясь его спичками. И не смогли.

* * *

Клиент официанту ресторана «Север», что в центре Вологды:

-У вас найдётся что-нибудь перекусить?

-Кусок медного провода вас устроит?

* * *

На базаре в Череповце:

-Купите цветы! Купите букет для жены.

-Я не женат.

-Тогда для возлюбленной.

-У меня нет никакой возлюбленной.

-Купите тогда в честь того, что у вас такая беззаботная жизнь.

* * *

На работе в универмаге «Центральный» переругались женщины. Начальник, потеряв терпение, кричит:

-Тихо! Пусть первой говорит та, которая старше всех.

Все мгновенно умолкли.

* * *

Известный своей рассеянностью профессор молочно-хозяйственной академии садится в кресло парикмахера.

-Прошу подстричь.

-Охотно, профессор, но сначала я попробую снять шляпу.

-О, простите, я не заметил, что здесь дамы.

* * *

Курсант Великоустюгского речного училища купил словарь речных терминов. Полистав его, он заметил с разочарованием:

-Какой маленький и неполный словарь мне подсунули!

* * *

Грязовчанка отчитывает будущего зятя:

-Хорошо, вы просите руки моей дочери, а почему вы не поговорили сначала со мной?

-Извините, я не знал, что вы тоже меня любите.

* * *

Два старика вспоминают свою молодость.

-Ради меня одна прелестная девушка рисковала своей жизнью, - говорит со вздохом один.

-Как это?

-Она сказала, что скорее прыгнет в Мологу, чем выйдет за меня замуж.

* * *

Идёт мужик по Пошехонскому кладбищу. Встречает другого и говорит:

-Слушай, пошли со мной, а то я боюсь.

Пошли они вместе, доходят до середины кладбища, второй спрашивает:

-А чего ты боишься-то?

-Покойников.

-А чего нас бояться-то?

* * *

-Как зовут налогового инспектора по Вологодскому району?

-Его не зовут, он сам приходит.

Госты

* * *

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься...
Пусть всё это длится и длится.

Н. РУБЦОВ

* * *

Здравствуй, Вологда-отрада,
Духу русскому уют
И забота, и награда,
Что не всякому дают.
    В красоте твоей соборной
    Возле храмовых икон
    Над рекой плывёт просторно
    Колокольный вольный звон.

Здесь святое сочетание
Воли, разума и муз,
Благородное сиянье,
Благодетельный союз.
    Ты носи в века иные
    На российские поля
    Мудрость матери-Софии,
    Силу звонницы Кремля!
Юных — древностью порадуй,
Старых — новью удиви.
Здравствуй, Вологда-отрада
Нашей Веры и Любви!

М. СВИСТУНОВ

* * *

Доля — в поле, горе — в море
Дом родимый у реки:
Испокон с судьбою спорят
Вологжане-земляки.
Повоёвано немало

И попахано дай Бог!
Изначала выручала
К милой Родине любовь!
Сохраним родные нравы
От навязчивых идей.
Перед Богом будем правы
Благонравием детей.
Разберёмся мы в содоме,
Не гляди, что простота.
Мы — народ, хозяин в доме,
Мы — российская пята.

* * *

На ладони изначальной,
Словно вздох лесов и вод,
Под покровом беспечальным
Наша Вологда живёт.

Не роптала на обиды,
Берегла сирот и вдов
Сердцевина Фаваиды
Старорусских городов.

Мало ль что потом случится -
Будет наших отличать
Вера краткая на лицах,
Словно Божия печать.

Обустроим, изукрасим,
Заживёт душа в тепле,
Пусть потомкам будет ясен
Подвиг предков на земле!

Но пока в кармане глухо,
И в суждениях пестро,
Будем спать всегда в вполуха
И держать его остро.

М. СВИСТУНОВ

* * *

*Спорят Вологда и спорят Кострома,
У кого какие лучше кружева...*

Не спорьте, друзья. И давайте жить дружно, пособляя друг другу в делах, радоваться за друга на зависть соседям — близким и дальним. За то и пьём, до дна!

* * *

И лён кудряш,
И он кудряш,
И деревня Кудряши,
До чего же хороши
Вологодски кудряши!
Пей до дна, да и пляши,
Пусть родятся крепыши!

* * *

А ну-ка горькую налей:
Что в Вологде ни год, то юбилей.

* * *

В Вологде открылся новый магазин «Рыбак». Владелец его наблюдает за молодым продавцом.

-Если вы покупаете крючки, то почему бы вам не приобрести новую леску?

-Ну что ж, давайте пару катушек.

-К леске ведь нужен новый спиннинг.

-Пожалуй, вы правы.

-Видимо, вам никак не обойтись без сачка.

-Давайте сачок.

-Ну, а болотные сапоги! Мы же совсем забыли про них. Вот пара как раз для вас.

-Ладно. Сколько с меня?

Покупатель довольный уходит.

Хозяин магазина говорит продавцу:

-Вы превзошли все мои ожидания. Человечек пришёл купить несколько крючков, а вы ему умудрились...

-Да он пришёл совсем не за крючками. Он

подумал, что здесь аптека, и зашёл спросить анальгин, потому что у его жены «критические дни». А я ему говорю: «Всё равно вам пару дней дома нечего делать, так почему бы не поехать на рыбалку?»

Выпьем за коммерцию!

* * *

Один больной Кувшиновской психиатрической больницы помешался на том, что он должен сделать рогатку и убить из неё гаишника, который однажды оштрафовал его за парковку в неполюженном месте. Проходит время. Больной выполняет все предписания врачей, пора бы его выписывать. Главврач спрашивает:

-Ну, вот мы вас выпишем. Что будете делать?

-Как что? Сделаю себе большую рогатку, возьму шарик из подшипника и убью гаишника!

-Нет, видимо, вам ещё рано выписываться из больницы.

Прошло некоторое время. Собирается комиссия. Больного спрашивают:

-Вот мы вас собираемся выписывать. Что вы будете делать?

-Пойду в город на прогулку..

-Так, хорошо.

-Познакомлюсь с какой-нибудь красивой девушкой...

-Смотрите, да он трезво размышляет.

-Потом мы с ней подружимся, и я на ней женюсь. Будет свадьба, все нас будут поздравлять...

-Ну, а дальше?

-Когда все гости разойдутся, я уложу её в постель, сниму с неё трусики...

-О, да вы вполне здоровы!

-Конечно. Вытащу из трусов резинку, сделаю из неё рогатку и убью, наконец, этого гаишника...

Предлагаю выпить за верность поставленной цели!

* * *

Биряково, Биряково,
Кто не знает адрес твой.
Биряково — это где-то
Между Тотьмой и Москвой.
Для меня здесь каждый — свой,
Вот про это всё и пой.

* * *

В южных широтах Вологодчины, где-то южнее Тотьмы и восточнее Никольска, заблудился окончательно мужчина. Он плутал по лесу несколько дней, изнемогал от жажды. И вдруг он видит, как навстречу ему едет на белой кобылице молодая цыганка. Мужчина остановил её и просит:

-Умираю от жажды! Дайте глоток воды!

Цыганка посмотрела на мужчину и подумала, что вода для него только повод. Таким путём он хочет завладеть ею. Цыганка отказала ему в просьбе, воды не дала. Отъехав несколько километров, она подумала, а вдруг он и вправду хочет воды. Она вернулась назад, но мужчина уже лежал мёртвым.

Так выпьем же за то, чтобы женщины вовремя исполняли просьбы и желания мужчин!

* * *

Ты в единстве многоликий,
Сотворивший чудеса,
Устюг-батюшка Великий,
Всероссийская краса!

Устюг — Севера вершина,
Как верховный Водолей,
Две струи из двух кувшинов
Ты сливаешь меж полей.
Дочь и Сухоны, и Юга,

Полноводная Двина,
Вплоть до моря, до Мудьюга
Волей русского полна.

И в эпоху Водолея
В череде других эпох
Все напасти одолеем,
Одолеем, видит Бог!

Устюг-батюшка Великий!
Ты себе хозяин сам.
И дела твои, и лики -
Всё во славу небесам!

М. СВИСТУНОВ

* * *

В минуты печали и грусти
Мне видятся лица друзей.
В былинном величии Устюг
В круг каменной сказки церковей.
Всё в явь обращается зримо,
Всё слышится голос в тиши.
Со временем неопалимо
Сокровище русской души.
Ну, а в час развлечений,
Хотя я совсем и не гений,
Скажу вам стихами, друзья:
Пить всё хмельное до дна!

* * *

Есть в Великоустюгском районе село Красавино. Находится оно подле Сухоны, где водная стихия, чистейшие леса, густой воздух. Одним словом — красота. Есть в районе город Красавино, что подле Северной Двины. Спуски и подъёмы, холмы и долины, леса и вода. И здесь красота. За её, за красоту, надо пить мужчинам стоя, а женщинам до дна.

* * *

Аистово

Красивое все же название
У милой деревни моей!
Вся в солнечном свете-сиянье,
Вся в отблесках ярких лучей.
Здесь аисты прежде жили -
Не зря так деревню зовут,
И гнёзда высокие вили
И ждали: птенцы подрастут.
В родимой деревне не спится,
Тревожась, к окну подойду:
Вернутся ли аисты-птицы?
Вы слышите, аисты, жду!
За вас я сегодня
Свой тост подниму.

* * *

Ах, какую мы чашу испили!
Через край бушевала волна,
Но за то, что мы праведно жили,
Твоя чаша с краями полна!
Белоозеро! Полная чаша!
Дорогое сокровище наше
И наследие наших детей!

* * *

Когда я итожу то, что прожил,
Я вспоминаю озеро Воже.
Рыбное, светлое, чистое оно,
Желание выпить является скоро.
За нашу природу!
Возьмём это в моду, в любую погоду.

* * *

Вытегоры, о-хо-хо,
По дороге вы шагаете легко.
Вытегоры, о-хо-хо,
Ваша слава разлетелась далеко!

Вытегоры, ох-да-да,
Вы без шутки не живёте никогда.
Вытегоры, на-на-на,
Вы винишко попиваете до дна.
Вытегоры, а-а-а,
Я желаю вам огромного добра!

* * *

Екатерина Великая в восемнадцатом веке своим высочайшим Указом повеле-ла именовать Грязовец городом Российской империи. Торжества по этому поводу гремели на всю округу. Проходят года, а традиции — удивлять людей славными делами, быть гостеприимными, добрыми и весёлыми — живут и по сию пору. Быть Грязовцу из века в век крепким городом на всю северную сторону. А если это будет так, то и Россия станет могучей державой. Ура!

* * *

Среди российского величья,
Сохраняя бравый вид,
Старорусского обличья
Город Грязовец стоит.
Прибавляет он росточка
Год от года веселей.
Он стоит на главной точке,
Где господь стоять велел.
Мы наследники комельских
Достославных мудрецов
И обнорских, и никольских
Свято-Нуромских отцов.
По сознанию — не святые,
Мы храним свои места,
Люди русские, простые,
Как святая простота.

М. СВИСТУНОВ

* * *

Смотрят в душу весёлые очи
Из-за каждой весёлой сосны.
Здравствуй Кадуй, посёлок рабочий,
Вересовое чудо страны.
От могучей красавицы Суды,
От былинной седой старины -
Всё отсюда: и сила, и удаль,
И энергия нашей страны.
Кадуй, Кадуй, сердце радуи,
Подавай благую весть:
Вот как надо, вот как надо
Утверждать любовь и честь.

* * *

Он стоит, как сказка из седых глубин,
Монастырь великий, крепость исполин,
Средь лесов дремучих, голубых озёр
Купола сквозь тучи к небесам простёр.
Не найдёшь желанней, не найдёшь милей.
Древний мой Кириллов — отчая земля,
Мир тебе и счастье, родина моя!

* * *

Господи, услышь мою просьбу: дай сил
моим землякам выдюжить в это тяжкое вре-
мя. Пусть кирилловцы получают хороший
урожай хлеба и льна; пусть будут сыты дети
и старики, женщины и мужчины; пусть обре-
тут люди лад в своих душах; пусть помыслы
кирилловцев будут добрые и ладные. Аминь.

* * *

Говорят, есть края богаче,
А милее всех в родном краю!
Я свои сокровища не прячу,
От людского глаза не таю:
Кичменги серебряные всплески,
Нива золотистая вокруг,
С детства дорогие перелески -

Лиственный и хвойный изумруд,
Не искать бы нам места иные,
Сохранить на век в родном краю
Эти драгоценности земные,
О которых откровенно говорю,
Этот луг и ниву золотую,
Что во веки в сердце не умрут.

И. ХУДЯКОВ

* * *

Давным-давно жил-был старик-рыбак на
берегу Кубинского озера. Он очень хотел
выловить золотую рыбку, но каждый раз
сеть приходила к нему пустой. И вот однаж-
ды золотая рыбка попала в сеть! Но дрогну-
ла рука старика от счастья, и он выпустил
золотую рыбку. Так выпьем же за то, чтобы
руки у нас не дрожали даже от счастья.

* * *

Моё село в глубиночке России,
И этот край мне дорог с детских пор,
Мне кажется, что нет его красивей,
Села с названьем Липин Бор.
Когда-то было маленьким селеньем,
Где занимались разным ремеслом.
Гордились мастера своим умением:
Держать топор и управлять веслом...
А озеро! Рисуй с него полотна!
Рисуй с открытым сердцем и душой.
Вот издали рыбак на лодки смотрит
С улыбкою открытой и простой.
И правит свою лодку прямо к сетям
Достать из Бела озера улов...
Мы пьем сегодня до рассвета
За родину мою пьем вновь и вновь.

Л. СТАРИКОВА

* * *

Может быть далёко, может рядом,
Не нужна здесь особая точность,
Как невеста в своём наряде,
Есть посёлок студентов — Молочное.
Обойди шар земной раз двести,
Мимоходом спроси у ветра:
«Есть ли лучше на свете песни?»
«Нет нигде» - прозвучит в ответ вам.

* * *

Росою студёной и зарослью ив,
До боли знакомой мне речью,
Мой северный край, до чего ты красив,
Родное моё Междуречье.
Вселенский закат и вселенский рассвет -
Дороги из вечности в вечность
И в медленном танце далёких планет
Кружусь я с тобой, Междуречье!
Цветы полевые, я к вам прикоснусь
И буду, как в детстве, беспечна.
И всё-таки скоро к тебе я вернусь,
Родное моё Междуречье!

Н. РУСАНОВА

* * *

Чем ближе к Устьюгу,
Тем круче берега.
К Двине стремится
Сухона река.
И я к тебе неистово стремлюсь
Моя родная северная Русь.
Над Нюксеницей
Расплескался май.
Ещё один
Руси бессмертный край.
Привет тебе,
Отеческий причал:
Я здесь людей
Хороших повстречал.

Н. ФОКИН

* * *

Онежские зори -
Мой край незабвенный!
И юности пылкой пора,
Но памяти грани
Мои незабвенны,
Как будто всё было вчера.
Онеге ура!

* * *

По лесам, по болотным осокам,
По реке — молодая заря,
Ты сейчас поднимаешься, Сокол,
Над старинным гнездовьем паря,
Ты годами пока что подросток,
Зрелость только маячит вдали,
Но впитал ты энергию роста
От большой кадниковской земли!
Гордый Сокол под явью и былью
Помни слово намоленных мест,
Расправляй же могучие крылья,
Укрепи эту память окрест.

М. СВИСТУНОВ

* * *

Пьёт до дна, пьёт до дна
Только Сямжа одна,
Благо чашка вина
Полною стоит всегда.
Нет у Сямжи моря,
Не катит волна.
Лесу в Сямже — вдоволь,
Тем и хвастает она.
Будем Сямжу уважать
И винишко попивать,
Меру, знамо, станем знать
И соседей уважать.

* * *

Тарнога-румяница,
Ты и впрямь красавица,
За тебя поднимем тост:
Планы пусть сбываются.

* * *

Волна набегает на отмель,
Но ваши не смоем следы,
Блаженны живущие в Тотъме
У неба, земли и воды!

* * *

Я скажу вам: этот тост
Так же краток, как и прост.
Он за то, чтоб никогда
В Тотъму не пришла беда!

* * *

Волна раскачала, земля привечала,
Манила-звала под покров шалаша.
И бросили чала, и вот у причала
Покою хлебнула душа.
Здесь корни и кроны народа и веры,
Здесь старый святой семена высевал.
Здесь в службе и дружбе не знали потери,
Могучий народ вызревал.
В родимое Устье всем сердцем стремлюсь я,
Здесь душу омоет божественный хор.
Ах, чайки, да лебеди-гуси,
Да весь поднебесный простор.

* * *

Славная Молога, как дорога от порога, как свет
от солнышка, как тепло от родной сторонюшки.

Пьём за весёлое вино, пьём за весёлые пес-
ни, пьём за весёлую работу, пьём за весёлую
жизнь в Устюжне.

* * *

К Северу от Вологды, от святой Софии,
Где на Бело море путь стальной пролёт,

Есть такое место — уголок России,
Где стоит мой Харовск — русский городок.
Ты расти и здравствуй, молодежь с годами,
Мой любимый Харовск — мильи сердцу край.
Славься льном и лесом, чудо-мастерами,
Трудовые будни в песнях воспевай!

П. СМИРНОВ

* * *

По икристому
Снегу чистому
Голубая тень
От небес.
Золотистой
Стайкой быстрою
В город выбежал
Стройный лес.
В небо синее
Сосны вскинули
Ветки в инее -
Таёт взгляд:
Заколышутся,
Как хрустальные
Зазвенят.
Здесь никто не спит,
Жизнь мозолиста
И светла.
Сделать могут здесь
Даже свод небес
Или радугу
Из стекла.
Зачарованный,
Околдованный,
Выпить стопочку
Я, конечно, рад.
Чудо дивное,
Сказка зимняя,
Здравствуй, Чагода,
Стеклоград!

А. ЦВЕТКОВ

* * *

На окраине былинной,
Где славян встречала весь,
Будто Муромец былинный,
Возрастал Череповец.
На крутом Шекснинском склоне
Наши души пропитал
Знак труда и обороны -
Огнедышащий металл!
Пусть ласкает ясны очи,
Православные сердца
Созидательный, рабочий,
Бодрый лик Череповца.

* * *

А город наш юнец, юнец,
Зовётся он Череповец.
Всему железу он — венец.
Он барин всем, он всем купец.
Нет, нет, он не стервец
Ну и, конечно, не подлец.
Скажу вам, братцы, наконец,
А город наш, ах, молодец,
Он повелитель всех сердец.
И городам другим отец. Ура!

* * *

Плывёт над вечерней Шексною
Певучий сигнал корабельный,
Идём мы знакомой тропой:
Как в юности шли после смены.
Мы здесь подружились с мечтою,
Встретились здесь же с тобою,
Море плещется волною.
Море огней над Шексною,
Гудят автотрассы и рельсы,
Летят поезда и машины.
Легко и спокойно на сердце,
Шексна, как и прежде, твои мы.

* * *

До сих пор не высечены даты,
Не бывало памятной доски.
Как возникли храмы и палаты
На мысу у Сухоны-реки.
Войны, революции, разрухи
Ни одно крыльцо не обошли,
Но, молясь на хлебную краюху,
Мы питали силы у земли.
Просветлеет память наша,
Мы не канем в Лету, видит Бог!
Так живи, районная столица,
Милый древний Шуйский городок!

ОСНОВНОЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Балашов Д.М., Марченко О.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: свадебный обряд на верхней и средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) – М.: «Современник», 1985.
- Бобров Н.С. В сердце Руси северной. – Вологда. 1959.
- Былины М.С. Крюковой. Т.2. М.:1941.
- Былины. В 2-х томах. – М.: Художественная литература. 1958.
- Варюхичев А.С. Слово о граде Кириллове. – Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во. 1988.
- Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города. 2-е изд. - Вологда: Древности Севера, 2006.
- «Вологодская неделя». 2006, №17.
- «Вологодские губернские ведомости». 1843, №36; 1847, №46; 1849, 25, 26; 1857, №6, 7; 1859, 9,10.
- «Вологодские Епархиальные ведомости». 1867, №9; 1880, №14,15; 1887, №24.
- Вологодские зори. – М.: 1987.
- Вытегра: краеведческий альманах. Вып.1 – Вологда: ВГПУ. изд-во «Русь», 1997.
- Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871г. (Составление, вступительная статья и комментарий А.И. Баландина) – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. 1983.
- Духовная культура северного Белозерья: этнодиалектический словарь. – М.: 1997.
- Кадуйские зори. Историко-литературное издание. – Кадуй. 1995.
- Каплин В.Н. Государева дорога. – М.: Инфра-Инженерия. 2010.
- Кириллов. Альманах. Вып.П. Вологда, изд-во «Русь». 1997.
- Книга для чтения по географии Вологодской области. Для учащихся 6-9 классов. – Вологда, 1993.
- Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда. Краеведческий словарь. XII – начало XX века. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. 1993.
- Кочина З.С. Вологодские воеводы. XVII век: Хроника воеводства. Вологда, 2000.
- Красильников Н.И. Перекрестки: избранные очерки и зарисовки. – Вологда. 2010.
- «Красный Север». 1940, 15 мая; 1945, 23 сентября; 1960, 19 июля; 1975, 28 мая.
- Кудрин Н.М. Запечатленная память. Записки краеведа. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. 1986.
- Кузнецов А.В. Легенды, предания и были Тотемского уезда. – Вологда: изд-во музея дипломатического корпуса. 2005.
- 18. Легенды. Предания. Бывальщины. – М.: «Современник», 1989.
- Лен в русском фольклоре. Составление и предисл.: А.В. Рогаева, Н.В. Уваров, В.М. Шестаков. Международная Академия бизнеса и новых технологий. Вологодский филиал. – Вологда. 2010.
- «Ленинское знамя». 1982, 20 марта; 1993, 15 июля, 5 августа.
- Любовь и нежность. Вологодские песни. Вологда. 2001.
- «Московитянин». 1848, №8.
- Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций). Песни средней Сухоны. Составитель А. Мехнецов. – Ленинград, «Советский композитор». 1981.

- «Новая жизнь». 1975, 4 июня; 1977, 11 февраля; 1993, 9 февраля.
- Ольминский Т.И. Материалы по истории местного края. – Вологда. 1951.
- Открытия русских землепроходцев и полярных моряков XVII века. – М.: 1951.
- Памятные места Заозерья. Из истории Устья и Устьянщины. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – Устье, 1994.
- Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: 1951.
- Поэты Вологодского края: Хрестоматия. – Изд. 2-е, перер. и дополн. (сост. С.Ю. Баранов) – Вологда: Легия. 2007.
- «Премьер». 2005, 6-12 декабря.
- Прокшин В.Г. Путешествие в глубь памяти. – Уфа, 1997.
- Святые подвижники и обитатели Русского Севера. Изд. подг. Г.М. Прохоров и С.А. Семячко. – СПб.: изд. Олега Абышко. 2005.
- «Северная новь». 1987, 17 ноября; 1988, 25 августа; 1993, 29 июня; 2002, 25 июня.
- Сказки и песни Вологодской области. – Вологда, 1955.
- Сказки, песни, частушки Вологодского края. Под редакцией В.В. Гуры. Северо-Западное издательство. 1965.
- Соболев И.А. Тотма: Очерки истории города и района. – Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во. 1987.
- Собрание государственных грамот и договоров. – М.: 1816. Ч. 2.
- «Тотемские вести». 1995, 14 ноября.
- Уваров Н.В. Великий Устюг в русском фольклоре. – Вологда, Вологодская городская общественная организация устюжан «Гледен». 2001.
- Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском живом языке во второй половине XX – начале XXI века. – М.: изд-во Инфра-Инженерия. 2009.
- Устюжане. – Великий Устюг, 1995.
- Устюжна: историко-литературный альманах. Вып. II. – Вологда, ВГПИ, изд-во «Русь», 1993.
- Устюжна: краеведческий альманах. Вып. III. Вологда: ВГПИ, изд-во «Русь», 1995.
- Шафранова О.И. Село Никольское// Альманах «Дворянское собрание», - 1994 - №1.

СОДЕРЖАНИЕ

Сила народного слова (предисловие)	3
Былины	6
Сказки	33
Русские народные песни	50
Пословицы, поговорки, изречения	71
Гадание	74
Причитания	76
Загадки	78
Скороговорки	80
Небылица	82
Легенды, мифы, сказания	84
Игры	182
Частушки	190
Анекдоты	206
Тосты	211

АКАДЕМИЯ
МУБИНТ
20 лет

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ БИЗНЕСА И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Лицензия серия ААА № 001675, рег. № 1607 от 05.08.11
Свидетельство об Аккредитации Серия АА, № 001674,
регистрационный №1641 от 3 декабря 2008 г

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

МАГИСТРАТУРА:

- Экономика
- Менеджмент

БАКАЛАВРИАТ:

- Экономика
  - Финансы и кредит
  - Бухгалтерский учет, анализ и аудит
- Менеджмент
  - Финансовый менеджмент
  - Информационный менеджмент
  - Маркетинг
- Торговое дело
- Юриспруденция
  - Гражданско-правовой
  - Уголовно-правовой
- Прикладная информатика
- Реклама и связи с общественностью
- Туризм
- Градостроительство

- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДИПЛОМ
- БЮДЖЕТНЫЕ МЕСТА
- ГИБКАЯ СИСТЕМА СКИДОК

КАК УЧАТСЯ В АКАДЕМИИ МУБИНТ?

Современные образовательные технологии и сервисы:

- Учебный интернет-портал преподавателей и студентов
- Личный виртуальный кабинет студента
- Современные мультимедийные учебники
- Авторские интернет-сайты преподавателей
- Электронная библиотека и многое другое

К успеху через образование!

реклама

Приемная комиссия Филиал в г.Вологда: ул. Чернышевского, 67-А
тел.: (8172) 54-07-60, 54-08-45; ICQ-консультации: 641-919-394
www. вфмубинт.рф ; e-mail: vf-market@mubint.ru

Уваров Николай Владимирович

ВОЛОГОДЧИНА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Главный редактор

О.С. Швецова

Технический редактор

О.С. Лопатина

Корректор

Е.В. Лукина

Подписано в печать 02.06.2013.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург».
Объем 25,5 печ. л.
Тираж 200 экз. Заказ №2210

Издательство «Инфра-Инженерия»
160011, Вологда, Козленская, д.63, оф.5
Тел.: 8(911)512-48-48
www.infra-e.ru
E-mail: infra-e@yandex.ru

***Издательство «Инфра-Инженерия»
приглашает к сотрудничеству авторов***

Уваров Николай Владимирович родился в Великоустюгском районе Вологодской области. В свое время окончил Вологодскую молочно-хозяйственную академию им. Н.В. Верещагина, работал агрономом, служил в армии. Почти тридцать лет отдал журналистике, в которой основное место занимала публицистика по проблемам сельского хозяйства, отношения человека к земле, охране окружающей среды. В последние годы был заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин, старшим преподавателем кафедры Вологодского филиала Международной Академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Опубликовал ряд научных работ по истории, культурологии, филологии нашего края.

ISBN 978-5-9729-0066-4

